

АЛЕКСАНДР
ДИОМА

БАСТАРД
сје МОЛЕОН

Александр Дюма
Бастард де Молеон

1846

Дюма А.

Бастард де Молеон / А. Дюма — 1846

Жесточайшая и кровавая борьба за корону Кастилии между братьями доном Педро и доном Энрике в конце XIV века, в которую вмешивается Франция, а также драматическая любовь французского рыцаря де Молеона к мавританской принцессе Аиссе составляет основную сюжетную линию романа «Бастард де Молеон».

Содержание

Часть первая	5
I. Каким образом мессир Жан Фруассар[1] услышал историю, которую мы намереваемся поведать	5
II. О том, как между Пиньелом и Коимброй Бастард де Молеон повстречался с мавром, у которого спросил дорогу, а тот проехал мимо, не дав ответа	17
III. О том, как рыцарь Аженор де Молеон безпомощи мавра нашел Коимбру и дворец дона Фадрике, великого магистра ордена Святого Иакова	25
IV. Как Мюзарон обнаружил, что мавр разговаривает с носилками, а те ему отвечают	35
V. Переправа	47
VI. О том, как Мотриль прибыл ко двору короля Кастилии дона Педро раньше великого магистра	54
VII. Как мавр рассказал королю дону Педро о том, что произошло	61
VIII. Как великий магистр въехал в Алькасар Севильи, где его ждал король дон Педро	66
IX. Как к Бастарду де Молеону попала записка, за которой он приехал	71
X. Каким образом Бастард де Молеон проник в замок Медина-Сидония	75
XI. Глава, в которой Бланка Бурбонская поручила Бастарду де Молеону передать кольцо своей сестре, королеве Франции	81
XII. Как Бастард де Молеон ехал во Францию и что случилось с ним в дороге	86
XIII. Каким образом арагонский рыцарь выкупил себя за десять тысяч золотых экю	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Дюма Бастард де Молеон

Часть первая

I. Каким образом мессир Жан Фруассар¹ услышал историю, которую мы намереваемся поведать

Путешественник, проезжающий сегодня ту часть Бигора,² что лежит между истоками рек Жер и Адур, а ныне зовется департаментом Верхние Пиренеи, может выбирать из двух дорог, ведущих из Турне в Тарб. Одна, совсем недавно проложенная по равнине, через два часа приведет его в бывшую столицу графства Бигор; другая, идущая вдоль гор, представляет собой путь древних римлян и длиннее на девять льё. Но за объезд и излишнюю усталость путника вознаградит красота местности, по которой ему придется ехать: великолепный вид на Баньер,³ Монгайар и Лурд,⁴ а на горизонте – широкая синяя стена Пиренеев, посреди которых высится грациозный Пик-дю-Миди, увенчанный снегом. Именно эту дорогу предпочитают художники, поэты и любители древности. Поэтому на нее мы и попросим читателя обратить вместе с нами свой взор.

В первые дни марта 1388 года, в начале царствования короля Карла VI,⁵ когда островерхие башни замков, чьи руины теперь поросли травой, взмывались над кронами самых высоких дубов и надменных сосен, когда мужи в железных доспехах и с каменными сердцами, носившие имена Оливье де Клисон, Бертран Дюгеклен,⁶ Сеньор де Бюш,⁷ что начали слагать великую

---

¹ Фруассар, Жан (около 1337 – после 1404) – французский хронист и поэт, именуемый в историографии средних веков «певцом рыцарства»; с 1381 г. каноник аббатства в г. Шиме. В 1388 г. жил при дворе графа де Фуа, Гастона III Феба, которому посвятил свой рыцарский роман в стихах «Мелиадор». Его знаменитая четырехтомная «Хроника Франции, Англии, Шотландии и Испании», охватывающая период с 1325 по 1400 г., – бесценный источник сведений о жизни феодального общества. Дюма широко использовал «Хронику» Фруассара в романах «Изабелла Баварская», «Графиня Солсбери», «Бастард де Молеон» и в других произведениях.

² Бигор – область в Юго-Западной Франции на границе с Испанией; в XIII–XIV вв. принадлежала попеременно герцогам Аквитанским англичанам, Наварре; с воцарением на французском престоле Генриха IV, который был королем Наварры, в конце XVI в. присоединена к Французскому королевству.

³ Баньер точнее: Баньер-де-Люшон) – французский городок на границе с Испанией.

⁴ Лурд – небольшой город на юго-западе Франции.

⁵ Карл VI (Блаженный или Безумный; 1368–1422) – король Франции с 1380 г. Клисон, Оливье де (1336–1407) – коннетабль (главнокомандующий) Франции; сын Оливье III де Клисона, который был обезглавлен в 1343 г. по приказу французского короля Филиппа VI; во время Столетней войны между Францией и Англией (1337–1453) сначала поддерживал англичан; в 1370 г. перешел на сторону Франции и через десять лет стал преемником Бертрана Дюгеклена на посту коннетабля.

⁶ Дюгеклен, Бертран (1320–1380) – французский полководец, коннетабль Франции. Происходил не из слишком высокородного рыцарского семейства в Бретани. В 1356 – 57 гг. стойко оборонял г. Ренн на северо-западе Франции от натиска англичан под командованием герцога Ланкастерского. В 1364 г. разбил наваррцев в битве при Кошереле и стал наместником короля Франции в Нормандии. В битве при Оре в Бретани (1364 г.) попал в плен, но был выкуплен королем французским Карлом V, который поручил Дюгеклену вести отряды наемников, разорявших Францию, в Испанию, где шла война за корону Кастилии между королем Педро Жестоким и графом Энрике де Трастамаре. В 1367 г. Дюгеклен потерпел поражение от испанцев и англичан в битве при Наваррете в Северной Испании, снова попал в плен и опять был выкуплен. В 1369 г. в сражении при Монтеле разбил Педро Жестоким и посадил на кастильский трон графа Энрике де Трастамаре, ставшего королем Генрихом II Трастамаре. Когда в 1370 г. Дюгеклен вернулся во Францию, Карл V назначил его коннетаблем. В качестве главнокомандующего французскими войсками Дюгеклен провел несколько успешных кампаний против англичан; он умер при осаде города Шатонёф-де-Рандон в Южной Франции и погребен в усыпальнице королей Франции в Сен-Дени, рядом с Карлом V Мудрым. Благодаря легендарным воинским подвигам во имя Франции Бертран Дюгеклен стал национальным героем; при Карле VI воспринимался как идеал благородного и безупречно честного рыцаря.

Илиаду,⁸ завершить которую предстояло пастушке,⁹ уже обрели покой в своих легендарных могилах, по этой узкой, разбитой дороге, единственной, связывающей тогда главные города юга, ехали два всадника.

За ними, тоже верхом, следовали двое слуг.

Господа были примерно одного возраста, лет пятидесяти пяти-пятидесяти восьми. Но сходство на этом заканчивалось, ибо отличие в одежде указывало, что занимаются они совсем разными делами.

Один из них – вероятно, по привычке он ехал на полкорпуса лошади впереди – был в бархатном, некогда ярко-малиновом жилете, который с тех пор, как хозяин впервые его надел, множество раз побывал под солнцем и дождем, потеряв не только свой глянец, но и цвет. Сильные руки были обтянуты рукавами из буйволовой кожи, принадлежащими куртке, которая в прошлом была желтой, но, подобно жилету, утратила первоначальный цвет, правда, не столько в общении со стихиями, сколько от трения о доспехи, коим, по-видимому, служила подкладкой. Вероятно, по причине жары шлем, вроде тех, что тогда называли «мискарами», был привязан к левой луке седла, и это позволяло видеть непокрытую голову всадника, облысевшую на макушке, но на висках и затылке окаймленную длинными седыми волосами, которые гармонировали со слегка тронутыми проседью усами (так всегда бывает у мужчин, на чью долю выпали в жизни большие невзгоды) и ровно подстриженной серебристой бородой, прикрывавшей латный воротник¹⁰ – единственную часть защитных доспехов, не снятую всадником. Вооружение его составляли длинная шпага, висевшая на широком кожаном поясе, и боевой с треугольным лезвием топорик, которым можно было и рубить и колоть. Это оружие было привязано к правой луке седла, как бы образуя противовес шлему.

У другого господина, того, что чуть отставал, ни в осанке, ни в одежде ничего воинственного не было. Одет он был в длинную черную сутану, на поясе которой вместо меча или кинжала висела чернильница из шагреновой кожи,¹¹ какие тогда носили с собой школяры и студенты; у него были живые, умные глаза, густые брови, массивный нос, несколько толстоватые губы, редкие, короткие волосы; ни усов, ни бороды он не носил; на голове был глубокий, закрывающий уши берет, в каких ходили тогда судьи, церковнослужители и прочие важные персоны. Из карманов торчали пергаментные¹² свитки, исписанные мелким, убористым почерком, который обычно характерен для тех, кто много пишет. Лошадь, казалось, повторяла мирный нрав седока; ее скромный вид, умеренная иноходь, склоненная к земле голова резко контрастировали с четким шагом, раздутыми ноздрями и капризным ржанием боевого коня, который словно гордился тем, что гарцует впереди.

Ехавшие позади слуги были, подобно своим господам, полной противоположностью друг другу. Один, в костюме из зеленого сукна, походил на английского лучника, тем более что за спиной у него болтался лук, а на правом боку – колчан; слева висел, как бы приклеившись к

---

⁷ Сеньор де Бюш (прозвище Жана Ш де Грейи; 1331–1376) – гасконский воин, сторонник англичан; был разбит Дюгекленом в битве при Кошереле, взят в плен, но отпущен на свободу Карлом V. Однако он остался верен англичанам; король Англии Эдуард III назначил его коннетаблем Аквитании, герцогства на юго-западе Франции, в XII–XV вв. принадлежавшего английской короне. В 1372 г. Сеньор де Бюш снова оказался в руках французов и кончил свои дни в парижской тюрьме.

⁸ Здесь название поэмы Гомера «Илиада» употребляется для обозначения эпического повествования о героических подвигах народа, защищающего от врагов свою родину.

⁹ Имеется в виду национальная героиня Франции Жанна д'Арк (около 1412–1431), в 1429–1430 гг. возглавившая народное движение против английских завоевателей. Однако освобождение Франции завершилось в сер. XV в., уже после гибели Жанны д'Арк. Дюма называет ее пастушкой, потому что Жанна девочкой пасла отцовское стадо в деревне Домреми.

¹⁰ Латный воротник – часть защитного вооружения, прикрывавшая шею и горло воина.

¹¹ Шагреновая кожа (шагрень) – мягкая шероховатая кожа с особым рисунком. Тонзура – остриженное или выбритое место на голове у католических духовных лиц: знак отречения от мирских интересов.

¹² Пергамент – в древности и в средние века особым образом обработанная кожа, основной материал для письма до изобретения бумаги.

бедру, кинжал с широким лезвием – нечто среднее между ножом и ужасным оружием, называвшимся тогда «бычьим языком».

Позади него при каждом чуть резком шаге лошади побрякивали доспехи, которые хозяин временно снял, так как дорога была безопасной.

Другой слуга, как и его господин, был в черном и, видимо, принадлежал к низшим чинам духовенства, о чем свидетельствовали особым образом подстриженные волосы и тонзура на макушке, которую можно было заметить, когда он приподнимал свою черную суконную сукфейку. Это предположение подтверждал и зажатый под мышкой требник;¹³ довольно изящной работы серебряные уголки и застежки книги сохраняли свой блеск, хотя переплет был потрепан.

Так и ехали все четверо – господа пребывая в задумчивости, слуги болтая – до тех пор, пока не оказались на развилке, откуда дорога расходилась на три стороны, и рыцарь не остановил коня, сделав знак спутнику поступить так же.

– Ну вот, метр¹⁴ Жан, – сказал он, – посмотрите хорошенько вокруг и скажите, как вам тут нравится.

Тот, кому адресовалось это предложение, огляделся и, поскольку кругом не было ни души и заброшенность этого места наводила на мысль о засаде, воскликнул:

– Право слово, господин Эспэн, место странное! И смею вас заверить, я не остановился бы здесь даже на то время, что требуется, чтобы трижды прочесть «Pater»,¹⁵ и трижды «Ave»¹⁶ не будь я в обществе столь прославленного рыцаря.

– Благодарю за комплимент, в котором узнаю всегдашнюю вашу учтивость, господин Жан, – ответил рыцарь. – А не забыли ли вы, что три дня назад, при выезде из города Памье, спрашивали меня о знаменитой схватке Монаха де Сен-Базиля с Эрнотоном-Биссетом в Ларрском проходе?

– Нет, конечно, не забыл, – ответил церковнослужитель. – Я просил вас предупредить меня, когда мы окажемся в Ларрском проходе, ибо хотел видеть знаменитое место, где погибло столько храбрецов.

– Так вот, мессир, оно перед вами.

– Я полагал, что Ларрский проход в Бигоре.

– Он и есть в Бигоре, мессир, и мы с вами находимся в Бигоре с той минуты, как перешли вброд речушку Лез. Вот уже четверть часа, как мы оставили слева от нас дорогу на Лурд и замок Монгайар; вон там, перед нами, деревушка Сивита, лес сеньора де Барбезана, а за деревьями виден замок де Маршера.

– Вот те на, мессир Эспэн! – удивился метр Жан. – Вы ведь знаете о моем интересе к славным воинским подвигам, которые я записываю по мере того, как сам их вижу или слышу рассказы о них, чтобы память о них не была утрачена, и посему расскажите мне подробно, что же здесь произошло.

– Это сделать нетрудно, – ответил рыцарь. – Лет тридцать тому назад, в тысяча триста пятьдесят восьмом – пятьдесят девятом году, во всех здешних гарнизонах, кроме Лурда, стояли французы. Чтобы прокормить город, лурдские солдаты часто совершали грабежи в окрестностях, хватая все, что попадется под руку, и увозя за крепостные стены, так что, едва в полях разносился слух о набеге, из всех соседних гарнизонов высылались отряды для охоты за ними,

---

¹³ Требник – богослужебная книга, сборник описаний священнодействий и молитв.

¹⁴ Метр (мэтр) – учитель, наставник; во Франции почтительное обращение к деятелям искусства, адвокатам и вообще выдающимся лицам; употребляется также в смысле «господин», «хозяин»; в данном случае это обращение имеет иронический характер.

¹⁵ «Pater» (точнее, «Pater noster») – «Отче наш»; христианская молитва, составленная, по преданию, Иисусом Христом.

¹⁶ «Ave» (точнее: «Ave, Maria») – «Богородице, дево, радуйся»; христианская молитва, восхваляющая Богородицу.

а когда противники сходились, разыгрывались жестокие схватки, во время которых совершались столь же блистательные подвиги, как и в настоящих сражениях.

Однажды Монах де Сен-Базиль – так его прозвали потому, что он имел обыкновение переодеваться монахом, чтобы лучше строить свои козни, – вышел из Лурда вместе с сеньором де Карнийяком и примерно ста двадцатью копейщиками: в цитадели не хватало съестного, и было решено выступить в большой поход. Ехали они долго, пока на лугу, примерно в одном льё от Тулузы, не нашли стадо быков, которое было ими захвачено; потом кратчайшей дорогой они отправились домой, но вместо того, чтобы осторожно следовать своим путем, лурдцы сворачивали вправо и влево, прихватывая то гурт овец, то стадо свиней, что позволило слухам об этой вылазке распространиться в округе.

Первым, кто услышал их, был капитан¹⁷ из Тарба по имени Эрнотон де Сент-Коломб. Он тотчас покинул свой замок, оставив его на племянника (многие считали, что тот приходится капитану внебрачным сыном, – юношу лет пятнадцати-шестнадцати, который еще не бывал ни в одном бою, ни в одной стычке), и помчался предупредить о налетах лурдцев сеньора де Беррака, сеньора де Барбезана и тех оруженосцев Бигора, кого мог встретить в пути; в тот же вечер он оказался во главе отряда, почти равного по силе отряду Монаха де Сен-Базиля, и ему поручили им командовать.

Он сразу разослал по всей округе своих лазутчиков, чтобы выведать дорогу, по которой намеревались следовать солдаты из лурдского гарнизона, и, узнав, что отряд должен пройти через Ларрский проход, решил ждать его тут. Поскольку он прекрасно знал здешние места, а лошади его совсем не устали, тогда как кони его врагов, напротив, находились в пути уже четыре дня, он успел занять эту позицию; мародеры остановились в трех льё от того места, где их поджидал де Сент-Коломб.

Как вы изволили заметить, место это годится для засады. Люди из Лурда, да и сам Монах, ни о чем не подозревали, потому что стада они гнали перед собой, и животные уже миновали то место, где мы с вами стоим, когда по двум дорогам, что вы видите перед собой, справа и слева, на них галопом понесся орущий во все горло отряд Эрнотона де Сент-Коломба. Что ж, они встретили достойного противника; Монах, человек не робкого десятка, приказал своему отряду занять оборону и ждал удара.

Он был страшен, ведь иного и нельзя было ожидать от лучших воинов здешних краев. Но лурдских солдат привело в ярость главным образом то, что их отсекли от стада, ради которого они претерпели столько невзгод и опасностей; теперь они лишь слышали рев, мычание и блеяние скотины, погоняемой слугами противника, которым под прикрытием своих хозяев оставалось сражаться только с пастухами, но тем было безразлично, кому достанется скот, раз его у них отняли.

Поэтому лурдцы были вдвойне заинтересованы в разгроме врагов: во-первых, они хотели спасти себя, во-вторых, отбить провиант, который, как они знали, был необходим их товарищам, оставшимся в крепости.

Бой начался с обмена ударами копьями; но вскоре у многих копья были сломаны, и те воины, у кого они уцелели, решив, что в таком узком месте копье – оружие непригодное, побросали их, схватившись за топоры, мечи, палицы, за все, что под руку подвернулось, и разгорелась настоящая схватка, столь яростная, жестокая и упорная, что никто не хотел уступать; даже тот, кто получал смертельную рану, рад был пасть, лишь бы не подумали, будто он покинул поле битвы. Сражались они три часа кряду, поэтому те воины, что выбивались из сил, словно по взаимному согласию, отходили в сторону, чтобы перевести дух, отдохнуть в тылу под дере-

---

¹⁷ Капитан (от лат. capitaneus – начальник) – в данном случае командир, предводитель отряда. В средние века во Франции капитанами назывались командующие военными силами какой-либо территории. Появление воинского звания капитана – командира роты – относится к концу XVI в.

вьями на траве, на земле у рва; сняв шлемы, они утирали кровь и пот и, вновь набравшись сил, с еще большим ожесточением бросались врукопашную; я даже думаю, что со времен знаменитого сражения Тридцати,¹⁸ вряд ли в какой-либо битве видели столь яростные атаки и такую стойкую оборону.

Случаю было угодно, что все три часа битвы оба командира, то есть Монах де Сен-Базиль и Эрнотон де Сент-Коломб, сражались один справа, другой – слева. Оба разили так сильно и часто, что толпа дерущихся расступилась, и они наконец сошлись лицом к лицу. Поскольку каждый лишь этого и желал, с самого начала боя призывая противника к личному поединку, то, завидев друг друга, они закричали от радости, и все, поняв, что общее сражение должно смениться их единоборством, очистили им место и замерли в ожидании.

– Ах, как жаль, – со вздохом перебил рыцаря метр Жан, – что не довелось мне видеть подобного поединка, который, должно быть, напоминал о прекрасных временах рыцарства, кои, увы, миновали и не вернуться более!

– Да, мессир Жан, вы увидели бы прекрасное и редкое зрелище, – согласился рыцарь. – Оба бойца, истинные воины, могучие телом и искусные в бранном ремесле, сидели на крепких, породистых конях, которые, казалось, не уступали в упорстве своим хозяевам, стремясь растерзать друг друга, и конь Монаха де Сен-Базилия пал первым, сраженный ударом топора, что предназначался его хозяину. Однако Монах был очень опытным воином; хотя конь его стремительно рухнул, он успел отпустить стремя, так что на земле оказался не под конем, а рядом с ним и, вытянув руку, полоснул ножом по под коленку боевого коня Эрнотона; тот, заржав от боли, осел и упал на передние ноги; Эрнотон потерял преимущество и был вынужден спрыгнуть на землю. Когда он соскочил с коня, Монах уже стоял на ногах, и поединок возобновился, причем Эрнотон дрался топором, а Монах – булавой.

– Неужели на этом месте и разыгрался сей дивный ратный подвиг? – спросил церковнослужитель, чьи глаза сверкали так, словно он воочию видел бой, о котором ему рассказывали.

– Именно на этом, мессир Жан! Очевидцы десятки раз передавали мне то, о чем я вам рассказываю. Эрнотон находился на вашем месте, а Монах – на моем; Монах так яростно напирал на Эрнотона, что тот, защищаясь, был вынужден пятиться назад и, отбиваясь, отступил от камня, лежащего между ног вашей лошади, к самому краю рва, куда, вероятно, и свалился бы, если бы юноша, во весь дух примчавшийся к полю боя и наблюдавший за ним с другой стороны рва, увидев, что доброго рыцаря совсем теснят, и поняв, что тот теряет последние силы, одним махом не перепрыгнул через ров к Эрнотону и не подхватил из его слабеющих рук топор.

«Ну-ка, дорогой дядя, – сказал он, – дайте ненадолго ваш топор и не мешайте мне».

Эрнотон большего и желать не мог; он отдал топор и лег на краю рва, куда сбежались слуги и помогли ему снять доспехи, ибо он почти терял сознание.

– Ну, а что же молодой человек? – спросил аббат.

– Как что?! Юноша, хотя его и считали бастардом,¹⁹ в этом случае доказал, что в его жилах течет благородная кровь и что дядя совершил ошибку, оставив его в старом замке, а не взяв с собой. Ведь едва топор оказался у него в руке, он, ничуть не смущаясь тем, что его противник закован в железо, а на нем лишь простая суконная куртка и бархатный колпак, нанес де Сен-Базилию такой мощный удар по голове, что разбил его шлем; оглушенный Монах покачнулся, еле устояв на ногах. Но он был слишком крепким воином, чтобы пасть от одного удара. Поэтому Монах выпрямился, замахнулся булавой и собрался обрушить на юношу удар такой силы, что, достигни тот цели, не сносить бы малому головы. Но юноша, не отягощенный доспехами, увернулся, отскочил в сторону, и сразу же, бросившись вперед, как легкий и резвый

---

¹⁸ Речь идет о схватке между англичанами и французами в Пло-Эрмеле (Бретань) в 1351 г., в которой с каждой стороны участвовало по тридцать человек.

¹⁹ Бастард – внебрачный сын сиятельной особы (короля, герцога, графа и т. д.).

тигренок, обхватил уставшего от долгого боя Монаха, согнув его так, как ветер сгибает деревья, повалил на землю и, подмяв под себя, воскликнул: «Сдавайтесь, Монах де Сен-Базиль! Вам никто не поможет, вы погибли!»

– Неужели он сдался? – воскликнул метр Жан, который слушал рыцаря с таким интересом, что даже дрожал от удовольствия.

– Да нет же, – сказал мессир Эспэн, – на самом деле он ему ответил: «Сдаваться мальчишке? Я покрыл бы себя позором... убивай, если сможешь!»

«Ладно! Тогда сдавайтесь моему дяде Эрнотону де Сент-Коломбу, он храбрый рыцарь, а не мальчишка, вроде меня», – согласился юноша.

«Не сдамся ни твоему дяде, ни тебе, – глухим голосом ответил Монах, – ведь не подоспей ты, на моем месте был бы твой дядя... Наноси же удар! Я ни за что не попрошу пощады!»

«Что ж, раз не хочешь просить пощады, тогда берегись!» – сказал юноша.

«Еще посмотрим, – произнес Монах, пытаясь вырваться, подобно гиганту Энкеладу,²⁰ который хотел сбросить с себя гору Этну. – Еще посмотрим!»

Но напрасно он напрягал все свои силы: обхватив юношу руками и ногами словно двойным железным кольцом, одолеть его он не смог. Тот не уступал и одной рукой придавил монаха к земле, а другой выхватил из-за пояса длинный узкий нож, который воткнул ему под нагрудник. И все тут же услышали приглушенный хрип. Монах дернулся, напрягся, приподнялся, но так и не смог сбросить вцепившегося в него юношу, все глубже вонзавшего свой нож; вдруг сквозь решетку забрала Монаха противнику в лицо брызнула кровавая пена. И стало ясно, что эти почти сверхчеловеческие усилия Монаха – конвульсии агонии. Но бойцы не отпускали друг друга; казалось, что юноша повторяет все движения умирающего. Словно змея, что, обвиняя тело жертвы, душит ее, победитель поднимался, обмякал, напрягался вместе с побежденным, дрожал его дрожью, лежал на нем до тех пор, пока Монах не дернулся в последний раз и его хрип не перешел в предсмертный вздох.

Тогда юноша встал, утирая лицо рукавом куртки, а другой рукой стряхивая кровь со своего маленького ножа, похожего на детскую игрушку, которая, однако, позволила столь жестоко убить человека.

– Разрази меня Бог! – воскликнул аббат, забывая, что восторг чуть было не привел его к богохульству. – Неужели, господин Эспэн де Лион,²¹ вы не назовете мне имени этого юноши, чтобы я мог внести его в мои анналы²² и навсегда запечатлеть в книге истории?

– Зовут его бастард Аженор де Молеон, – ответил рыцарь, – и вы полностью внесите это имя в ваши, как вы говорите, анналы, мессир Жан, ибо носит его отважный воин, который вполне заслуживает подобной чести.

– Но, вероятно, он известен не только этим поступком, – сказал аббат, – и в жизни своей совершил другие подвиги, столь же славные, как и его первое деяние.

– Ну, конечно! Ведь через три или четыре года после этого он уехал в Испанию, где провел около пяти лет, сражаясь с маврами и сарацинами, и вернулся оттуда без кисти правой руки.

– Ох! – горестно вздохнул аббат; вздох этот выражал сочувствие несчастью победителя Монаха де Сен-Базилья. – Вот уж горе так горе, ведь столь храбрый рыцарь наверняка был вынужден отойти от ратных дел!

– Да нет, совсем наоборот, вы глубоко заблуждаетесь, господин Жан, – ответил мессир Эспэн де Лион. – Ведь вместо отрубленной кисти он велел сделать себе железную ладонь, кото-

---

²⁰ Имеется в виду персонаж греческой мифологии гигант Энкелад. На него во время битвы олимпийских богов со смертными гигантами – так называемой гигантомахии – Афина обрушила остров Сицилию.

²¹ Эспэн де Лион (ум. после 1393 г.) – беарнский рыцарь, приближенный графа де Фуа, Гастона Ш Феба.

²² Анналы – от названия произведения «Анналы» римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 55 – ок. 120). В широком смысле – летописи, хронологическое описание событий.

рой держит копьё не хуже настоящей руки. Кроме того, он может держать в ней палицу и, говорят, наносит такие сильные удары, что получившие их уже не поднимаются.

– А нельзя ли узнать, при каких обстоятельствах он потерял кисть? – спросил метр Жан.

– К сожалению, этого я не могу вам сказать, сколь бы ни хотелось мне сделать вам приятное, – ответил мессир Эспэн. – Сам я не знаком с этим отважным рыцарем, а те, кто его знает, даже уверяли меня, что им тоже ничего об этом не известно; никогда он никому не хотел рассказывать об этих днях своей жизни.

– Значит, господин Эспэн, я совсем не буду упоминать о вашем бастарде, – сказал аббат, – ибо не хочу, чтобы люди, которые будут читать написанную мною историю, задавали себе тот же вопрос, что и я, не получая на него ответа.

– Черт возьми! – воскликнул мессир Эспэн. – Я расспрошу людей, постараюсь кое-что разузнать. Но для начала, метр Жан, поставьте на этом крест, ибо я сомневаюсь, чтобы вам когда-нибудь удалось об этом узнать даже от самого Молеона, если вам доведется его встретить.

– Так, значит, он еще жив?

– Жив и воюет по-прежнему.

– С железной рукой?

– С железной рукой.

– Ах! – воскликнул мессир Жан. – Мне кажется, я отдал бы свое аббатство за то, чтобы встретиться с этим человеком и чтобы он согласился поведать мне свою историю. Но, мессир Эспэн, вы все-таки закончите свой рассказ и сообщите мне, что сделали обе стороны, когда Монах был убит.

– Смерть Монаха положила конец сражению. Рыцари хотели вернуть украденные стада и своего достигли. Кстати, они знали, что после смерти Монаха знаменитый лурдский гарнизон, гроза всей округи, станет наполовину менее опасным, потому что часто вся сила гарнизона или войска заключается в одном человеке. Было условлено, что каждая из сторон заберет своих раненых и пленных, погибшие будут достойно похоронены.

Эрнотона де Сент-Коломба, совершенно израненного, увезли; мертвых погребли на том месте, которое топчут копытами наши кони. А чтобы столь отважный воин, как Монах, не был погребен вместе с простолюдинами, ему вырыли могилу по ту сторону высокой скалы, которую вы видите в четырех шагах от нас, и поставили там каменный крест с его именем, чтобы паломники, путешественники и доблестные рыцари могли, проезжая мимо, прочесть молитву за упокой его души.

– Пойдемте к тому кресту, мессир Эспэн, – предложил аббат, – и я от всей души прочту «Отче наш», «Ave, Maria» и «De Profundis»...²³

И, как бы подавая пример рыцарю, аббат сделал знак слугам подъехать ближе, бросил поводья лошади службе и спрыгнул на землю с нетерпением, которое свидетельствовало, что, когда речь заходила о делах рыцарства, славный летописец сбрасывал половину своих лет.

Мессир Эспэн де Лион поступил так же, и оба направились к указанному месту. Но, обойдя скалу, остановились.

Какой-то рыцарь, о чьем присутствии они даже не подозревали, стоял на коленях перед крестом; он был укутан в широкий плащ, под жесткими складками которого угадывалось полное воинское облачение. Голова его оставалась непокрытой, шлем лежал на земле, а в десяти шагах позади него, скрытый скалой, находился всадник в доспехах, который держал в поводу снаряженного словно для боя коня своего господина.

Рыцарь был мужчина в расцвете сил, лет сорока шести-сорока восьми, смуглый, как мавр; густые волосы и пышная борода были цвета воронова крыла.

---

²³ «De Profundis» – «Из глубины взываю к Тебе, Господи»; христианская заупокойная молитва на текст сто двадцать девятого псалма.

Оба путника на мгновение замерли, разглядывая мужчину, который застыл, словно изваяние, воздавая могиле Монаха долг благочестия, каковой и они намеревались исполнить.

Неизвестный рыцарь, казалось, пока молился, не обращал никакого внимания на вновь прибывших, потом, закончив молитву, он, к огромному их удивлению, левой рукой осенил себя крестным знаменем, учтиво кивнул им головой, снова надвинул шлем на загорелый лоб, сел, не распахнув плаща, на коня, обогнул выступ скалы и удалился в сопровождении оруженосца, еще более поджарого, рослого и смуглого, чем хозяин.

Хотя в те времена встречалось немало подобных фигур, в этой было что-то особенное, и оба путешественника про себя отметили это. Время подгоняло их, предстояло проехать еще три льё, а церковнослужитель дал слово прочитать над могилой Монаха «Отче наш», «Ave, Maria», «De profundis» и «Fidelium».²⁴

Отчитав молитвы, мессир Жан огляделся по сторонам (мессир Эспэн де Лион, который, вероятно, знал меньше молитв, чем он, оставил его в одиночестве), как и рыцарь, перекрестился, хотя и правой рукой, и поспешил к своему спутнику.

– Эй! – крикнул он слугам. – Вы видели рыцаря в боевых доспехах, с которым был оруженосец? На вид рыцарю лет сорок шесть, оруженосцу – около пятидесяти пяти.

– Я уже обо всем узнал, метр, – сказал Эспэн де Лион, который озабоченно думал о том же, что и его спутник. – Похоже, он едет той же дорогой, что и мы, и, вероятно, как и мы, заночует в Тарбе.

– Прошу вас, мессир Эспэн, давайте поедем рысью, чтобы его нагнать, – сказал летописец. – Возможно, если мы его нагоним, он разговорится с нами, как это принято между попутчиками. Сдается мне, что можно будет многое узнать от этого человека, который жил под таким палящим солнцем, что совсем потемнел.

– Будь по-вашему, мессир, – согласился рыцарь, – ибо, признаюсь вам, меня охватило не менее живое любопытство, чем вас. Хотя я из здешних мест, не припомню, чтобы когда-либо этого человека видели в наших краях.

Поэтому, договорившись обо всем, наши путешественники, перейдя на рысь, продолжали двигаться вперед в прежнем порядке: конь рыцаря немного опережал лошадь аббата.

Но напрасно они погоняли лошадей. Живописная дорога вдоль реки Лез была широкой, что позволяло незнакомцу и его оруженосцу ехать вдвое быстрее, и наши любознательные путники добрались до ворот Тарба, так и не догнав их.

Едва они въехали в город, аббатом, казалось, овладели иные заботы.

– Мессир, – обратился он к рыцарю, – вы знаете, что главное в дороге – надежный ночлег и добрый ужин. Так где же мы, смею вас спросить, заночуем в этом городе Тарб, где я никого не знаю, куда попал впервые, будучи вызванным сюда, как вам известно, монсеньером Гастоном Фебом?

– Не беспокойтесь, мессир, – с улыбкой ответил рыцарь. – Если вам будет угодно, мы остановимся в «Звезде» – это лучшая гостиница города. Кроме того, ее хозяин из числа моих друзей.

– Прекрасно, – сказал летописец. – Я всегда замечал, что в дороге лучше всего иметь в друзьях одну породу людей: городских воров и лесных разбойников, хозяев гостиниц и плутов. Значит, пойдёмте к вашему другу, хозяину «Звезды», и вы порекомендуете ему приютить меня и на обратном пути.

И они направились к расположенной на главной площади города гостинице, которая, как уверял мессир Эспэн де Лион, снискала добрую славу на десять льё вокруг.

Хозяин стоял на пороге и, презрев свои аристократические замашки, собственноручно ощипывал великолепного фазана, с добросовестностью истинного гастронома оставляя ему

---

²⁴ «Fidelium» – «Верую»; молитва, содержащая изложение христианского символа веры.

перья на голове и хвосте, что могут оценить лишь гурманы,²⁵ умеющие наслаждаться не только вкусом и ароматом, но и красотой блюда; но, не успев полностью погрузиться в свое важное дело, он заметил мессира Эспэна де Лиона, который в этот момент въехал на площадь, и, зажав фазана под мышкой, пошел ему навстречу, на ходу снимая шляпу.

– А вот и вы, мессир Эспэн! – воскликнул он, выказывая самую искреннюю радость. – Добро пожаловать вам и вашей досточтимой компании! Давненько я вас не видел, хотя и был уверен, что вскоре вы завернете к нам в город. Эй, Овсяный Колосок, прими лошадей у господ! Марион, готовь лучшие комнаты! Прошу вас, господа, спешивайтесь и почтите своим присутствием наше скромное заведение!

– Ну вот, мессир Жан, – обратился рыцарь к своему спутнику, – я же говорил вам, что господин Барнабэ – рачительный хозяин, у которого можно мгновенно получить все необходимое.

– Согласен, – сказал аббат, – и пока мне нечего ответить, кроме одного: я слышал лишь о конюшне и комнатах, но не об ужине.

– О, пусть ваша милость об ужине не беспокоится, – живо ответил хозяин. – Мессир Эспэн подтвердит, что меня можно упрекнуть лишь в одном: я слишком обильно кормлю своих постояльцев.

– Ну полноте, господин гасконец, – сказал мессир Эспэн, который спрыгнул с лошади и передал поводья слугам. – Покажите нам, куда пройти, и дайте лишь половину из того, что вы нам обещаете, и мы останемся довольны.

– Половину? – воскликнул господин Барнабэ. – Почему половину!?! Да меня уважать перестанут, поступи я таким образом: вы получите вдвое больше, мессир Эспэн, вдвое!

Довольный рыцарь взглянул на аббата, и оба проследовали за хозяином на кухню.

На кухне, где все дышало благополучием, их охватило предвкушение блаженства, которое для настоящих гурманов состоит в хорошо приготовленных и умело сервированных блюдах. Вертел поворачивался, в кастрюлях что-то булькало, на решетке что-то жарилось, и все эти звуки перекрыли настенные часы, которые пробили шесть раз, мелодичным своим звоном приглашая к столу.

Рыцарь потер руки, а летописец облизнул губы: как правило, летописцы – большие лакомки, особенно если принадлежат к духовному сословию.

И в этот миг, когда исходя из одной точки, а именно от вертела, взгляды наших путешественников описали круг, словно хотели удостовериться, что обещанные наслаждения вполне реальны и не растают в воздухе, как те волшебные яства, которые злые чародеи преподносили легендарным странствующим рыцарям, на кухню вошел, судя по облику, конюший и что-то шепнул на ухо хозяину.

– Фу ты, черт! – выругался тот, почесывая ухо. – Ты говоришь, что для лошадей этих господ места нет?

– Совсем нет, хозяин, ведь рыцарь, который только что приехал, занял два последних стойла, да и то не в переполненной конюшне, а в сарае.

– О-о! – простонал мессир Эспэн. – Нам будет тяжело расстаться с нашими лошадьми, но если у вас совсем нет для них места, мы согласимся, дабы не потерять те прекрасные комнаты, что вы нам обещали, чтобы их отвели вместе со слугами в какой-нибудь другой дом в городе.

– В таком случае, вам повезло, – сказал господин Барнабэ, – вашим лошадям будет даже лучше: ведь их разместят в таких конюшнях, каких нет и у графа де Фуа.²⁶

---

²⁵ Гурман – человек, знающий толк в тонких кушаньях.

²⁶ Граф де Фуа, Гастон Феб (1331–1391) – политический деятель, союзник короля Карла V Мудрого, поэт и знаменитый меценат.

– Меня устраивают эти знаменитые конюшни, – согласился мессир Эспэн, – но завтра в шесть утра лошади должны быть у ваших дверей в полной готовности, так как мы направляемся, мессир Жан и я, в город По, где нас ожидает монсеньер Гастон Феб.

– Будьте покойны, – ответил господин Барнабэ, – положитесь на мое слово.

Тут вошла горничная и стала что-то тихо шептать хозяину, на лице которого появилось выражение досады.

– Ну, что еще там? – спросил мессир Эспэн.

– Это невозможно! – воскликнул хозяин и снова подставил ухо горничной, чтобы она повторила новость.

– Что она сказала? – переспросил рыцарь.

– Нечто невероятное.

– Что именно?

– Что больше не осталось ни одной свободной комнаты.

– Так, значит, мы вынуждены отправиться на ночлег к нашим лошадям, – заметил мессир Жан.

– О, господа, господа! – вскричал Барнабэ. – Приношу свои извинения, но рыцарь, который прибыл чуть раньше вас, занял со своим оруженосцем две последние комнаты.

– Ерунда, – сказал мессир Жан, которому, судя по всему, было не привыкать к такого рода неудачам. – Скверная ночь пройдет быстро, если мы не останемся без доброго ужина.

– Видите, – сказал хозяин, – вот идет повар, которого я позвал.

Повар отвел хозяина в сторону и тихо о чем-то с ним заговорил.

– О, – простонал трактирщик, тщетно пытаясь побледнеть. – Этого быть не может!

Повар головой и руками изобразил что-то означающее: «но так оно и есть». Аббат, который, похоже, в совершенстве владел языком знаков, особенно когда этот язык имел отношение к кухне, действительно побледнел.

– Неужто так оно и есть? – воскликнул он.

– Господа, Маритон не ошибается, – сказал хозяин.

– В чем?

– В том, что, как он мне сказал, вам нечего предложить на ужин, так как рыцарь, приехавший раньше вас, забрал остатки припасов.

– Это уж слишком, метр Барнабэ! – нахмурив брови, сказал мессир Эспэн де Лион. – Может быть, хватит шуток?

– Увы, мессир, – ответил хозяин, – прошу поверить, что я вовсе не шучу и несказанно огорчен, что так случилось.

– Я готов поверить, что вы нам сказали о конюшне и комнатах, – продолжал рыцарь, – но ужин совсем другое дело, и я повторяю вам, что вы меня не убедили. Вон целый строй кастрюль...

– Мессир, все они предназначены для владельца замка де Маршера, он здесь со своей супругой.

– А пулярка, что крутится на вертеле?

– Заказана тучным каноником из Каркасона, который направляется в свой приход и ест скоромное лишь раз в неделю.

– А решетка с бараньими отбивными, что так вкусно пахнут?

– И котлеты, и фазан, которого я ошпываю, пойдут на ужин рыцарю, что прибыл перед вами.

– Вот в чем дело! – вскричал мессир Эспэн. – Так он все забрал, этот чертов рыцарь! Метр Барнабэ, доставьте мне удовольствие и передайте ему, что некий голодный рыцарь предлагает скрестить копыя, но не ради прекрасных глаз его дамы, а за вкусный аромат ужина, и прибавьте

к этому, что летописец мессир Жан Фруассар будет судьей поединка, чтобы описать потом наши бранные подвиги.

– В этом нет нужды, мессир, – произнес чей-то голос за спиной метра Барнабэ. – Я пришел от имени моего господина пригласить вас, мессир Эспэн де Лион, и вас, мессир Жан Фруассар, отужинать с ним.

Мессир Эспэн обернулся, услышав этот голос, и узнал оруженосца неизвестного рыцаря.

– О-о! – изумился он. – Это приглашение я нахожу верхом учтивости... А вы что на это скажете, мессир Жан?

– Скажу, что оно не только весьма учтиво, но и очень уместно.

– И как же зовут вашего господина, друг мой? – спросил Эспэн де Лион. – Мы хотели бы знать, кому обязаны подобной любезностью.

– Он сам вам представится, ежели вы сообразоволяете пойти со мной, – ответил оруженосец.

Путешественники переглянулись – отчасти из-за голода, отчасти из-за любопытства их желания совпали – и в один голос сказали:

– Идемте! Показывайте, куда идти.

Оба поднялись по лестнице вслед за оруженосцем, который отворил дверь в комнату; в глубине ее стоял, заложив руки за спину, неизвестный рыцарь, уже снявший доспехи и облаченный в черное бархатное одеяние с широкими, длинными рукавами.

Завидя их, он пошел им навстречу и, отвесив изысканнейший поклон, сказал, протягивая левую руку:

– Добро пожаловать, господа, и примите сердечную благодарность за то, что вы ответили на мое приглашение.

Весь облик рыцаря дышал такой добротой и таким радушием, левая рука была протянута так естественно, что оба пожали ее, несмотря на почти непреложный среди рыцарей обычай приветствовать друг друга правой рукой: поступить иначе считалось почти оскорблением.

Однако оба путешественника, проявляя по отношению к неизвестному рыцарю столь необычную учтивость, не могли совладать с удивлением, которое и отразилось на их лицах; только рыцарь, похоже, не обратил на это внимания.

– Это мы, мессир, должны благодарить вас, – возразил Фруассар. – Мы находились в большом затруднении, когда ваше любезное приглашение выручило нас. Примите же нашу признательность.

– Кроме того, я уступлю вам комнату моего оруженосца, – сказал рыцарь, – раз у меня комнаты две, а у вас – ни одной.

– Право слово, вы слишком благосклонны к нам! – воскликнул Эспэн де Лион. – Ну, а где заночует ваш оруженосец?

– В моей комнате, черт побери!

– Нет, нет, – сказал Фруассар, – это значило бы злоупотребить...

– Пустяки, мы к этому привыкли! – перебил его неизвестный рыцарь. – Более двадцати пяти лет прошло с тех пор, как мы впервые заночевали с ним в одной палатке, и за эти годы случалось это так часто, что мы и считать перестали. Да садитесь же, господа.

И рыцарь указал путешественникам на два стула у стола, на котором уже стояли бокалы и кубок; подавая гостям пример, он сел первым. За ним и путешественники сели за стол.

– Вот мы обо всем и договорились, – заключил неизвестный рыцарь, по-прежнему левой рукой наполняя три бокала пряным вином.

– Право же, договорились! Мы сочли бы, что оскорбили вас, отказавшись от столь сердечного приглашения – сказал Эспэн де Лион. – Надеюсь, вы со мной согласны, мессир Жан?

– Тем более согласен, что мы побеспокоим вас совсем ненадолго, – заметил казначей аббатства Шиме.

- Почему же? – спросил неизвестный рыцарь.
  - Утром мы едем в По.
  - Верно говорят, всегда знаешь, когда приедешь, не знаешь, когда выедешь, – сказал рыцарь.
  - Нас ожидают при дворе графа Гастона Феба.
  - И ничто вас не сможет так заинтересовать, чтобы вы задержались на неделю? – спросил рыцарь.
  - Ничто, кроме очень поучительной и очень интересной истории, – ответил Эспэн де Лион.
  - К тому же я вряд ли смогу не сдержать слова, данного его милости графу де Фуа, – прибавил летописец.
  - Мессир Жан Фруассар, недавно в Ларрском проходе вы сказали, что охотно отдали бы аббатство в Шиме тому, кто расскажет вам о приключениях бастарда де Молеона, – продолжал неизвестный рыцарь.
  - Как, разве я это сказал? Откуда вам это известно?
  - Вы забыли, что я читал «Ave» на могиле Монаха и мог слышать все, что вы говорили.
  - Вот что значит бросать слова на ветер, мессир Жан Фруассар, – со смехом заметил Эспэн де Лион. – За них вы поплатитесь вашим аббатством.
  - Клянусь мессой, господин рыцарь, – сказал Фруассар, – сдается мне, что я попал в точку: именно вы знаете эту историю.
  - Вы не ошибаетесь, – ответил рыцарь. – Никто не знает и не расскажет ее лучше меня.
  - Начиная с той минуты, как де Молеон убил Монаха из Лурда, и до того дня, когда он лишился кисти? – спросил Эспэн.
  - Да.
  - И во что же мне это обойдется? – осведомился Фруассар, который, стгорая от любопытства услышать эту историю, все же начал сожалеть, что пообещал за нее свое аббатство.
  - В неделю времени, господин аббат, – успокоил его неизвестный рыцарь. – Да и то вы вряд ли успеете за это время подробно записать на пергаменте все, о чем я вам расскажу.
  - Мне помнится, бастард де Молеон поклялся, что никто никогда не узнает этой истории, – заметил Фруассар.
  - До тех пор, пока не найдет летописца, достойного запечатлеть ее. Теперь, мессир Жан, у него нет больше причин ее утаивать.
  - В таком случае, почему бы вам самому не записать ее? – спросил Фруассар.
  - Потому что есть одна большая помеха, – улыбнулся рыцарь.
  - Какая же? – поинтересовался мессир Эспэн де Лион.
  - Вот такая, – ответил рыцарь, приподняв левой рукой правый рукав платья и положив на стол изувеченную руку с железным зажимом вместо ладони.
  - Господи Иисусе! – задрожав от радости, воскликнул Фруассар. – Так, значит, вы...
  - ...бастард де Молеон собственной персоной, кого также называют Аженор с железной рукой.
  - И вы расскажете мне вашу историю? – спросил Фруассар с волнением и надеждой.
  - Сразу же после ужина, – пообещал рыцарь.
  - Прекрасно, – потирая руки, сказал Фруассар. – Вы были правы, мессир Эспэн де Лион, монсеньер Гастон Феб подождет.
- И после ужина бастард де Молеон, выполняя свое обещание, начал рассказывать мессире Жану Фруассару историю, которую вам предстоит прочитать; мы позаимствовали ее из одной неопубликованной рукописи, лишь взяв на себя труд изменить в повествовании первое лицо на третье.

II. О том, как между Пиньелом и Коимброй Бастард де Молеон повстречался с мавром, у которого спросил дорогу, а тот проехал мимо, не дав ответа

Чудесным июньским утром 1361 года всякий, кто отважился бы блуждать по равнинам Португалии в сорокаградусную жару, мог видеть, как по дороге из Пиньела в Коимбру едет верхом фигура, за описание которой наши современники будут нам признательны.

Это был не человек, а полный набор рыцарских доспехов, состоявший из шлема, лат, наручей и набедренников, копьа в руке и маленького висевшего на шее щита; над всей этой грудой железа развевался султан из красных перьев, над которым сверкал наконечник копьа.

Эти доспехи прочно сидели на коне, у которого разглядеть лишь можно было его черные ноги и сверкающие глаза, ибо, подобно своему хозяину, он исчезал под боевой броней, покрытой сверху белой попоной, отороченной красным сукном. Время от времени благородное животное встряхивало головой и ржало, больше из ярости, чем от боли: значит, слепень пробрался под складки тяжелого панциря и нещадно его жалил.

Всадник же прямо и твердо держал стремяна, словно прикованный к седлу; казалось, он с гордостью бросает вызов этой глгучей жаре, которая обрушивалась с багрового неба, воспламеняя воздух и иссушая траву. Многие – никто не упрекнул бы их за это в изнеженности – позволили бы себе поднять решетчатое забрало, которое превращало шлем в сушилку, но по уверенному виду, благородной невозмутимости рыцаря было ясно, что он даже в пустыне щеголяет силой своего характера и стойкостью перед тяготами воинского ремесла.

Мы сказали «пустыня», и, действительно, местность, по которой проезжал наш рыцарь, вполне заслуживала этого названия. Это была своего рода долина, глубокая ровно настолько, чтобы собирать на дороге, по которой следовал рыцарь, самые испепеляющие лучи солнца. Уже более двух часов стояла такая жара, что долину покинули даже ее самые выносливые обитатели: пастухи и стада, которые по утрам и вечерам появлялись на ее склонах в надежде отыскать хоть какие-нибудь высохшие, ломкие травинки, теперь спали в тени, укрывшись за изгородями и под кустами. Вокруг, насколько хватало глаз, напрасно было бы искать путника, столь отважного или, вернее, столь нечувствительного к зною, чтобы он был в силах передвигаться по этой земле, которая, казалось, состояла из пепла сожженных солнцем скал. Только тысячи цикад служили доказательством того, что живые существа способны обитать в таком пекле; забившись между камнями, облепив каждую травинку или рассевшись на ветках белых от пыли олив, они пронзительно и монотонно стрекотали; то была их победная песнь, и возвещала она о завоевании пустыни, где они воцарились всеильными повелительницами.

Мы ошибочно сообщили вам, что тщетно было бы искать глазами на горизонте другого путника, кроме того, кого мы попытались изобразить, так как в ста шагах позади за ним следовала еще одна фигура, не менее занятная, чем первая, хотя и совсем иного рода: это был худощавый, сутулый, загорелый мужчина лет тридцати, который словно прилег, а отнюдь не сел верхом на лошадь, такую же тощую, как и он, и спал себе в седле, обеими руками вцепившись в луку; он и не помышлял ни об одной из тех мер предосторожности, что заставляли бодрствовать его спутника: его даже не заботило, по нужной ли дороге они едут, и, по-видимому, эту заботу он возлагал на другого всадника, более сведущего или более заинтересованного в том, чтобы не сбиться с пути.

Между тем рыцарь, которому, вероятно, надоело так высоко держать копье и так прямо держаться в седле, остановился, чтобы поднять забрало и тем самым выпустить горячий пар, который стал подниматься к голове из недр его железной оболочки, но, прежде чем сделать это,

осмотрелся с видом человека, абсолютно уверенного, что храбрость становится менее достойной уважения, если сочетается с долей осторожности.

Повернувшись всем корпусом, он увидел своего беззаботного спутника и, взглядевшись в него повнимательнее, убедился, что тот спит.

– Мюзарон! – вскричал закованный в латы рыцарь, когда поднял забрало шлема. – Мюзарон! Да проснись ты, соня, а не то, клянусь бесценной кровью святого Иакова,²⁷ как говорят испанцы, ты приедешь в Коимбру без моего багажа, который либо сам потеряешь в дороге, либо украдут у тебя разбойники. Мюзарон! Так ты все спишь, болван?

Но оруженосец – именно эту службу нес тот, к кому обращался рыцарь, – спал таким глубоким сном, что звук человеческого голоса не способен был его разбудить. Поэтому рыцарь понял, что следует прибегнуть к другому, более верному способу, ибо лошадь спящего, увидев, что ее вожатый остановился, заодно тоже решила последовать этому примеру, и Мюзарону, перешедшему от движения к неподвижности, представилась возможность насладиться еще более спокойным сном. Рыцарь отцепил подвешенный к поясу небольшой рог из слоновой кости, инкрустированный серебром, и, приложив его к губам, несколько раз протрубил так громко, что поднял на дыбы своего коня и заставил заржать лошадь своего спутника.

На сей раз Мюзарон, вздрогнув, проснулся.

– Ну-ка! Сюда! – вскричал он, выхватив из-за пояса что-то вроде длинного кинжала. – Ко мне, бандиты, сюда, цыгане, дьявольские отродья, я покажу вам! Убирайтесь, или я изрублю вас, раскрою до седла!

И бравый оруженосец принялся размахивать ножом направо и налево, но, заметив, что рубит воздух, утомился, удивленно уставившись на хозяина.

– А, это вы, мессир Аженор? Что стряслось? – спросил он, с изумлением глядя на него. – Где же разбойники, что напали на нас? Они, что, испарились или я изрубил их перед тем, как проснулся?

– Ты все спишь, бесстыжий, и во сне выронил мой щит, который болтается на ремне, что не пристало оружию благородного рыцаря. Ну же, проснись в конце концов, или я обломаю об тебя свое копьё.

Мюзарон с нагловатой ухмылкой покачал головой.

– Клянусь честью, мессир Аженор, и правильно сделаете! – воскликнул он. – Так хоть одно копьё будет сломано за весь наш путь. Вместо того чтобы воспротивиться этому намерению, от всего сердца предлагаю вам приступить к его исполнению.

– Ты на что намекаешь, наглец? – вскричал рыцарь.

– На то, что минуло уже шестнадцать дней, – продолжал оруженосец, с насмешливой беззаботностью подъезжая все ближе, – как мы плетемся по Испании, где, говорили вы перед отъездом, нас ждет множество приключений, а нашими врагами были лишь солнце и мухи, трофеями – лишь пыль и волдыри. Черт возьми, сеньор Аженор, я голоден, и меня терзает жажда, а кошелек мой, сеньор Аженор, пуст! Сие значит, что меня постигли три величайших несчастья этого мира, и я не вижу, чтобы мы начали обирать нехристей-мавров, как вы обещали мне на радость, что должно было обогатить нас и спасти наши души, и все это виделось мне в сладких снах, там, в нашем прекрасном Бигоре, еще до того, как я стал вашим оруженосцем, а особенно с тех пор, как я им стал.

– Неужели ты смеешь жаловаться, когда я все это терплю?

– Я чуть было не впал в уныние, мессир Аженор, но вовсе не потому, что мне не хватает храбрости. Почти все наши последние франки²⁸ ушли на оружейников из Пиньела, которые

---

²⁷ Святой апостол Иаков (по-испански Сант-Яго) является покровителем Испании.

²⁸ Имеется в виду золотая монета, называвшаяся франком и чеканившаяся во Франции в XIV в. при королях Иоанне II и Карле V.

заточили ваш топор, заострили ваш меч, начистили до блеска ваши доспехи, и, по правде сказать, теперь нам не достает лишь встречи с разбойниками.

– Трус!

– Простите, мы должны объясниться, мессир Аженор, ведь я не сказал, что боюсь этой встречи.

– А что ты сказал?

– Сказал, что я жажду ее!

– Почему?

– Потому что мы обчистим воров, – ответил Мюзарон с лукавой улыбкой, которая вообще не сходила с его физиономии.

Рыцарь поднял копьё с явным намерением обрушить его на плечи оруженосца, который приблизился к нему настолько, чтобы можно было успешно применить этот вид наказания, но Мюзарон ловко увернулся от удара – видимо, он к ним привык – и придержал копьё рукой.

– Будьте осторожны, мессир Аженор, – сказал он, – не следует шутить, ведь кости у меня крепкие, а мяса на них почти нет. Может случиться беда: сделав неловкий удар, вы сломаете копьё, и тогда нам самим придется смастерить древко и предстать перед доном Фадрике с испорченным вооружением, что будет унижительно для чести беарнского рыцарства.

– Да замолчи же, чертов болтун! Уж коли не можешь помолчать, лучше поднимись вон на тот холм и скажи, что оттуда видно.

– О, попадись мне на этом холме сам сатана, то я приложусь к его когтистой лапе, если он подарит мне все царства мира!²⁹

– И ты пойдешь на это, отступник?

– С превеликим удовольствием, рыцарь.

– Мюзарон, вы в праве шутить над чем вам угодно, но не касайтесь святых понятий, – серьезно сказал рыцарь.

Мюзарон склонил голову.

– Ваша милость все еще желает знать, что видно с холма?

– Даже больше прежнего, ступайте.

Мюзарон отъехал в сторону, подальше от господского копьё, и стал подниматься вверх по склону.

– О! – воскликнул он, когда оказался на вершине. – О, Иисус праведный, что же я вижу! – и перекрестился.

– Так что ты видишь? – спросил рыцарь.

– Рай или почти рай! – в полном восхищении воскликнул Мюзарон.

– Расскажи мне о твоём рае, – велел рыцарь, который по-прежнему опасался шутивого розыгрыша своего оруженосца.

– О, ваша милость, этого не передать словами! – воскликнул Мюзарон. – Рощи апельсиновых деревьев с золотыми плодами, широкая река с серебристыми волнами, а вдали – море, сверкающее, как стальное зеркало.

– Если ты видишь море, – заметил рыцарь, который отнюдь не спешил своими глазами увидеть эту картину, боясь, что, когда он поднимется на вершину, все эти прекрасные дали исчезнут, подобно миражам, о которых рассказывали ему паломники с Востока, – если ты видишь море, Мюзарон, то еще лучше ты должен видеть Коимбру, потому что она непременно должна быть между нами и морем, а если ты видишь Коимбру – значит, мы у цели нашего путешествия, ведь в Коимбре мне назначил встречу мой друг, великий магистр дон Фадрике.

---

²⁹ Намек на евангельскую легенду об искушении Иисуса. Сатана возвел его на высокую гору и, показав землю, обещал все царства мира, если Христос склонится перед ним. На что Христос отвечал: «Отойди от Меня, Сатана; ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“».

– О да! – вскричал Мюзарон. – Я вижу большой красивый город, высокую колокольню.
– Хорошо, хорошо, – ответил рыцарь, начиная верить оруженосцу и давая себе слово на этот раз серьезно его наказать, если эта затянувшаяся шутка действительно окажется розыгрышем. – Прекрасно, это город Коимбра,³⁰ это колокольня собора.

– Да что я все твержу город, колокольня! Передо мной два города и две колокольни.

– В самом деле два города, две колокольни, – удивился рыцарь, тоже поднявшись на холм. – Вот видишь, только что у нас совсем ничего не было, а теперь стало слишком много.

– И вправду, слишком, – согласился Мюзарон. – Посмотрите, мессир Аженор, один город – справа, другой – слева, а за рощей лимонных деревьев дорога расходится. Какой из них Коимбра, по какой дороге нам ехать?

– Вот и новая помеха, о которой я даже не думал, – пробормотал рыцарь.

– И помеха вдвойне, – подхватил Мюзарон, – потому что, если мы ошибемся и на наше горе приедем не в ту Коимбру, нам не удастся наскрести в кошельке на ночлег.

Рыцарь снова осмотрелся вокруг себя в надежде разглядеть какого-нибудь путника, у которого он мог бы спросить дорогу.

– Проклятая страна! – воскликнул он. – Вернее, проклятая пустыня! Ведь когда говорят «страна», имеют в виду место, где, кроме ящериц и цикад, живут и другие существа. О, где ты, моя Франция? – спросил рыцарь со вздохом, который порой вырывается у людей, не склонных к грусти, когда они думают о родине. – О Франция, там всегда найдется ободряющий голос, что подскажет тебе дорогу.

– И сыр из овечьего молока, что так освежает горло! Ах, как тяжела разлука с родиной! Да, мессир Аженор, вы правы, вспомнив о Франции. О, моя Франция!

– Да замолчи, болван! – вскричал рыцарь; про себя он думал то же, что Мюзарон высказывал вслух, но не хотел, чтобы оруженосец вслух говорил о том, о чем он сам думает. – Замолчи!

Мюзарон не обратил на окрик внимания – читатель, который уже довольно близко знаком с почтенным оруженосцем, знает, что тот не привык слепо повиноваться господину, а посему продолжал, как бы рассуждая вслух:

– А впрочем, кто поможет нам, кто приветит, ведь мы одни в этой Богом забытой Португалии. О, как прекрасно, как приятно, как солидно служить в наемных отрядах, а главное, как во Франции удобно жить. Ах, мессир Аженор, почему мы с вами не едем сейчас верхом с каким-нибудь отрядом наемников по дорогам Лангедока³¹ или Гиени?

– Да будет вам известно, метр Мюзарон, что вы рассуждаете, как Жак-простак,³² – ответил рыцарь.

– Я и есть Жак-простак, мессир, или, по меньшей мере, был им до того, как поступил на службу к вашей милости.

– Нашел чем хвастаться, несчастный!

– Не говорите о Жаках дурного, мессир Аженор, ведь они нашли способ кормиться, ведя войну, и в этом их преимущество перед нами, а мы с вами, хоть и не воюем, правда, но зато и не кормимся.

– Вся эта болтовня не поможет нам узнать, какой из двух городов Коимбра, – заметил рыцарь.

– Да, – согласился Мюзарон, – но, может быть, они помогут.

---

³⁰ Коимбра – город в средней части Португалии. Ниже у Дюма, когда он говорит о завоевании Коимбры Фадрике, неточность: Коимбра была отвоевана у мавров в середине XI в., а в XII–XIII вв. служила резиденцией королей Португалии.

³¹ Лангедок, Гиень (Гюйенн) – исторические провинции на юге Франции. В описываемое в романе время Гиень с ее главным городом Бордо находилась во владении англичан.

³² Жак-простак – прозвище французского крестьянина.

И он пальцем показал на облако пыли, которое поднимал небольшой караван, двигавшийся по той же дороге в полульё от них; изредка посреди каравана под лучами солнца что-то поблескивало.

– Ага, вот, наконец, и те, кого мы ищем, – сказал рыцарь.

– Ну да, или те, кто ищет нас, – подхватил Мюзарон.

– Ну что ж! Ты сам просил о встрече с разбойниками.

– Но я не просил их так много, – возразил Мюзарон. – Поистине Небо осыпает нас щедротами: я просил трех-четырех разбойников, а оно посылает нам целый отряд; нам нужен был один город, а оно послало нам два. Придется, господин рыцарь, – подъехав к Аженору, продолжал Мюзарон, – собрать совет и высказаться на сей предмет; ум хорошо, а два – лучше, как говорится. Что вы думаете?

– Я думаю, нам надо добраться до рощи лимонных деревьев, через которую идет дорога: там мы будем и в тени, и в безопасности. Там и переждем, готовые к атаке и обороне.

– О, какая разумная мысль! – вскричал оруженосец то ли насмешливым, то ли одобрительным тоном. – Я бесспорно с ней согласен. Тень и безопасность, большего я и не прошу. Тень – это наполовину вода; безопасность – это на три четверти отвага. Поэтому поедем в лимонную рощу, мессир Аженор, и побыстрее!

Но оба путника не учли в своих расчетах лошадей. Бедные животные так устали, что в обмен на бесчисленные удары шпорами едва плелись шагом. К несчастью, подобная медлительность имела для путников то неудобство, что им дольше пришлось оставаться на солнце. Небольшой отряд, заметив который они и приняли эти меры предосторожности, был еще слишком далеко, чтобы их видеть; поэтому въехав в рощу, они поспешили наверстать потерянное время. Мюзарон тут же соскочил с лошади, такой измученной, что она сразу легла на землю; рыцарь спешил, бросив поводья оруженосцу, и уселся под пальмой, которая высилась словно королева над этой благоуханной рощей.

Мюзарон привязал коня к дереву и принялся искать, чем бы поживиться в лесу. Через несколько минут он вернулся с дюжиной сладких желудей и тремя лимонами, которые сначала предложил рыцарю, поблагодарившего его кивком головы.

– О да, я прекрасно понимаю, что все это вряд ли восстановит силы людей, проехавших за шестнадцать дней четыреста льё – сказал Мюзарон, – но ничего не поделаешь, ваша милость, надо набраться терпения. Мы едем к славному дону Фадрике, великому магистру ордена Святого Иакова, брату или почти брату его милости дону Педро,³³ короля Кастилии,³⁴ и если он исполнит хотя бы половину того, что обещает в своем письме, то для ближайшей поездки у нас будут свежие лошади, мулы с колокольчиками, что привлекает внимание встречных, пажи в нарядных, радующих глаз одеждах, и сами увидите, как будут виться вокруг нас красотки на постоянных дворах, погонщики мулов и нищие; нас будут угощать вином, фруктами, а самые щедрые люди будут приглашать нас к себе в дома ради чести оказать нам гостеприимство. Уж тогда мы ни в чем не будем нуждаться, ведь всего у нас будет вдоволь, ну а пока придется грызть желуди и сосать лимоны.

– Верно, верно, господин Мюзарон, – усмехнулся рыцарь, – через два дня вы получите все, о чем сказали, и поститесь вы в последний раз.

– Да услышит вас Бог, сударь, – сказал Мюзарон, поднимая к небу полный недоверия взгляд и одновременно снимая с головы шляпу, украшенную длинным пером пиренейского

---

³³ Педро I Жестокий (1334–1369) – король Кастилии и Леона с 1350 г. По словам испанского летописца Лопеса де Алла, «многих убил он за свое царствование и ущерб причинил великий». Некоторые историки считают описание его жестокостей преувеличением, так как хроники, содержащие эти сведения, составлялись в царствование Энрике Трастамаре и его наследников.

³⁴ Новая Кастилия (и Старая) – части Кастилии, исторической области в центре Испании, в XI–XV вв. отдельного королевства, вокруг которого постепенно объединились все испанские земли.

орла. – Постараюсь быть на высоте моей удачи, но для этого мне надо лишь воспарить над пережитыми нами невзгодами.

– Полно! Пережитые невзгоды всегда входят в будущее счастье, – изрек рыцарь.

– Amen! – заключил Мюзарон.

Разумеется, несмотря на завершение беседы в совсем религиозном духе, Мюзарон уже намеревался завести разговор на любую другую тему, как вдруг издали донесся звон колокольчиков, топот копыт дюжины лошадей или мулов, бряцание железа.

– Тревога! Берегись! – крикнул рыцарь. – Вот этот самый отряд. Черт возьми! Они торопятся, и, кажется, их лошади не так устали, как наши.

Мюзарон, спрятав в траве остаток желудей и последний лимон, бросился к стременам хозяина, который мгновенно вскочил в седло и сжал в руке копьё.

Тогда из-за деревьев роши, где они устроили себе краткий привал, они увидели, что на вершине холма показалось несколько всадников на добрых мулах; всадники были в богатых испанских и мавританских одеждах. Вслед за этой группой ехал мужчина, который, судя по всему, был у них командиром; с головы до ног закутанный в плащ из тонкой белой шерсти (украшением его служили шелковые кисти), он смотрел на мир сверкающими сквозь прорезь в капюшоне глазами.

Всего вместе с командиром в группе было двенадцать человек, крепких и хорошо вооруженных; четверо слуг вели в поводу шесть вьючных мулов. Как мы уже сказали, дюжина вооруженных мужчин ехала во главе каравана, потом следовал командир, а за ним, образуя арьергард,³⁵ шли шесть мулов и четверо слуг, посреди которых двигались расписанные и украшенные позолотой деревянные носилки, наглухо закрытые с обеих сторон шелковыми шторами; воздух проникал в них через отверстия, проделанные в украшающем их резном фризе.³⁶ Носилки везли еще два мула, ступавшие шагом.

Именно движение этого отряда и сопровождалось громким звоном колокольчиков и бубенцов.

– Ага! Вот они какие, настоящие мавры!³⁷ – не без удивления произнес Мюзарон. – По моему, мессир, я зря горячился, вы только посмотрите, какие они черные! Бог мой! Ну прямо стража сатаны! А как они богато разодеты, эти нехристи! Ну, скажите, мессир Аженор, разве не горе, что их так много, а нас всего двое? Я думаю, на небесах очень порадовались бы, если бы все эти богатства попали в руки двух добрых христиан, вроде нас с вами. Я говорю «богатства» и не ошибаюсь, потому что сокровища этого неверного наверняка спрятаны в том расписном и позолоченном деревянном коробе, который везут за ним и на который он беспрестанно оглядывается.

– Молчи! – приказал рыцарь. – Не видишь, что ли, они о чем-то договариваются, два вооруженных пажа вышли вперед. Они, видимо, хотят напасть на нас! Ладно! Пусть попробуют! Будь готов помочь мне, если понадобится, и подай щит, чтобы, если будет такая возможность, они тут узнали, что такое рыцарь из Франции!

– Мессир, по-моему, вы совершаете ошибку, – ответил Мюзарон, который, в отличие от своего господина, явно не торопился принимать воинственную позу. – Эти знатные мавры и не думают нападать на двух безобидных людей. Видите, один паж что-то сказал своему господину, а закутанный в плащ приказа не отдал, он дал знак идти вперед... О, смотрите, мессир, они снова двинулись в путь, не вынув стрел и не наведя на нас арбалеты,³⁸ они лишь держатся за рукоятки мечей... Наоборот, это друзья, которых нам посылает Небо.

---

³⁵ Арьергард – часть походного охранения, с тыла прикрывающая отряд на марше или при отступлении.

³⁶ Фриз – кайма сплошного орнамента, украшающего стену, потолок или ковер.

³⁷ Мавры – в античности и средние века так называли в Европе коренное население Северной Африки (исключая Египет).

³⁸ Арбалет – средневековое метательное оружие в европейских странах: лук со специальным механизмом для натягивания тетивы, укрепленный на деревянном ложе.

– Друзья среди мавров! А куда девалась ваша христианская вера, язычник проклятый? Мюзарон почувствовал, что в самом деле дал повод для этой грубой отповеди, и учтиво поклонился.

– Прошу прощения, мессир, я ошибся, назвав их друзьями, – пробормотал он. – Христианин, мне это доподлинно известно, не может быть другом мавра, я хотел назвать их советчиками, ведь у каждого можно спросить совета, когда эти советы хорошие. Я пойду поговорю с этими достойными господами, и они покажут нам дорогу.

– Ну что ж, будь по-твоему, я согласен, – сказал рыцарь, – я даже хочу этого, потому что они, по-моему, слишком вызывающе проехали мимо, и, как мне показалось, их господин не ответил на мое учтивое приветствие копьем. Поэтому ступай к нему и от моего имени вежливо спроси, какой из этих городов Коимбра, а также передай, что тебя послал мессир Аженор де Молеон, и пусть этот мавританский всадник назовет тебе свое имя. Ступай!

Мюзарон, которому хотелось предстать перед главой каравана во всей красе, попытался поднять свою лошадь, но она так давно не видела тени и травы, ей было так удобно и приятно лежать пощипывать травку, что оруженосец не только не смог поставить ее на ноги, но даже сдвинуть с места. Смирившись со своей участью, он пустился бегом догонять отряд, который продолжал идти вперед, пока он препирался с лошадью, и, обогнув рожицу оливковых деревьев, уже вступил на извилистую тропу, идущую вниз по склону.

Пока Мюзарон мчался, чтобы исполнить свое поручение, Аженор де Молеон, привстав на стременах, твердо сидел в седле, неподвижный, словно статуя, и не терял из виду мавра с его спутниками. Вскоре он увидел, что всадник остановился, услышав крики оруженосца, а вслед за ним встал и его эскорт; все люди, входившие в него, казалось, были неотделимы от своего командира, они каким-то внутренним чутьем словно угадывали заранее все его желания, и им не требовалось никакого внешнего знака, чтобы подчиняться его воле.

Погода стояла такая ясная, в природе, дремотно отдыхавшей под жарким небом, царил такая глубокая тишина, что легкий ветерок с моря беспрепятственно доносил до рыцаря слова Мюзарона, который исполнял вверенную ему миссию не только как преданный слуга, но и как тонкий дипломат.

– Кланяюсь вашей милости, – говорил он. – Прежде всего поклон вам от имени моего сеньора, достойного и доблестного рыцаря Аженора де Молеона, который вон там, сидя в седле, ожидает ответа вашей милости. И засим поклон вам от имени его недостойного оруженосца, который искренне благодарит случай, что дал ему возможность обратиться к вам.

Мавр ответил лишь степенным, осторожным кивком, молча ожидая окончания этой речи.

– Не соблаговолит ли ваша милость подсказать нам, какая из двух колоколен, что видны вдаль, принадлежит собору Коимбры, – продолжал Мюзарон, – а также, если это известно вашей милости, среди всех прекрасных дворцов обоих городов, чьи сады возвышаются над морем, указать мне дворец прославленного великого магистра ордена Святого Иакова, друга отважного рыцаря, которого он с нетерпением ждет в гости, ибо рыцарь этот имеет честь просить у вас моими устами ответа на эти вопросы.

Мюзарон, чтобы придать больше значительности своему господину и собственной особе, многозначительно выделил те слова, что относились к дону Фадрике: Мавр, действительно, словно оправдывая старания Мюзарона, с большим вниманием выслушал вторую часть его обращения, и при упоминании имени дона Фадрике в глазах его сверкнул тот особенный хитроватый огонек, который люди этого племени, похоже, похищают у солнечных лучей.

Однако он не ответил ни на один вопрос и, немного подумав, снова слегка кивнул головой; потом властным, гортанным голосом сказал своим людям всего одну фразу, и авангард тут же двинулся дальше, сам мавр пришпорил мула, а за ним тронулся в путь и аррьергард, в середине которого покачивались закрытые носилки.

Мюзарон, изумленный и оскорбленный, какое-то мгновение стоял как вкопанный. Рыцарь же терялся в догадках, была ли это арабская фраза, которую не понял ни он, ни Мюзарон, ответом на вопросы оруженосца или обращением мавра к своей свите.

– Вот в чем дело! – воскликнул вдруг Мюзарон, который не желал примириться с тем, что ему было нанесено оскорбление. – Он же не понимает по-французски, поэтому и молчал. Черт возьми, мне следовало бы обратиться к нему на кастильском наречии...

Но поскольку мавр отъехал уже слишком далеко, чтобы пеший Мюзарон смог его догнать, то рассудительный оруженосец, предпочтя, должно быть, утешительное сомнение оскорбительной уверенности, вернулся к своему господину.

III. О том, как рыцарь Аженор де Молеон безпомощи мавра нашел Коимбру и дворец дона Фадрике, великого магистра ордена Святого Иакова

Аженор, взбешенный рассказом оруженосца, который слово в слово повторил все, что рыцарь слышал собственными ушами, хотел было силой добиться от мавра того, чего не добился учтивостью. Но когда он пришпорил коня, чтобы погнаться за дерзким сарацином, бедное животное не выказало намерения исполнять желания хозяина, так что рыцарь вынужден был остановиться на усыпанном камнями склоне, который, кстати, и представлял собой едва заметную дорогу. Слуги из аррьергарда мавра следили за действиями двух франкских воинов и время от времени оборачивались, не желая оказаться застигнутыми врасплох.

– Мессир Аженор! – закричал Мюзарон, встревоженный порывом своего господина, хотя усталость коня и делала этот порыв вовсе неопасным. – Мессир Аженор, ведь я сказал вам, что этот мавр не понимает по-французски, и признался, что мне, оскорбленному не меньше вас его молчанием, пришла мысль обратиться к нему по-испански, но, к сожалению, он уже был слишком далеко, чтобы я мог это сделать. Поэтому вы должны злиться не на него, а на меня, кому эта счастливая мысль не пришла раньше. Кстати, нам никто не угрожает, – прибавил он, увидев, что рыцарь вынужден остановиться, – а конь ваш совсем обессилел.

Молеон утвердительно кивнул.

– Все это прекрасно, – вздохнул он, – хотя мавр поступил не по-человечески; можно не знать ни слова по-французски, но повсюду люди понимают единый язык жестов, значит, когда ты произнес слово «Коимбра» и показал на оба города, он непременно должен был бы догадаться, что ты спрашиваешь, как туда попасть. Я не могу сейчас догнать дерзкого мавра, но – клянусь кровью Господа нашего, взывающего отомстить неверным, – пусть он никогда не попадаете мне на глаза.

– Напротив, мессир, – возразил Мюзарон, кого осторожность не лишала ни отваги, ни злопамятности. – Наоборот, вам следует встретиться с ним, но в других условиях. Вам надо встретить его, когда, например, при нем будут лишь слуги, охраняющие его носилки. Вы взяли бы на себя господина, а я занялся бы слугами, потом мы посмотрели бы, что он хранит в своем золоченом деревянном коробе.

– Вероятно, какого-нибудь идола, – ответил рыцарь.

– Или же свою сокровищницу, – воодушевился Мюзарон, – огромный ларец, набитый алмазами, жемчугом, рубинами. Ведь эти чертовы неверные знают заклинания, что помогают им отыскивать спрятанные сокровища. Эх, будь нас шестеро, даже четверо, мы задали бы вам перцу, сеньор мавр! О Франция! Франция, где ты? – стенал Мюзарон. – Где вы, отважные воины? Почему вас нет с нами, достойные наемники, боевые друзья мои?

– Ага! – вдруг воскликнул рыцарь, пребывавший в задумчивости, пока его оруженосец изливал свою душу. – Я вспомнил...

– О чем? – спросил Мюзарон.

– О письме дона Фадрике.

– Ну и что?

– Как что? Может быть, это письмо нам подскажет, по какой дороге ехать в Коимбру, о чем я забыл.

– Ах, Боже правый! Вот что значит говорить верно и мыслить здраво. Достаньте письмо, мессир Аженор, пусть хоть оно утешит нас теми прекрасными обещаниями, которые в нем вам даны.

Рыцарь отцепил подвешенный к луке седла маленький футляр из пропитанной благовониями кожи и достал из него пергамент. Это было письмо дон Фадрике, которое Молеон возил и как охранную грамоту, и как талисман.

Вот что в нем было написано:

«Благородный и великодушный рыцарь, дон Аженор де Молеон, помнишь ли ты тот прекрасный удар копьем, которым ты открыл в Нарбоне поединок с доном Фадрике, великим магистром ордена Святого Иакова, когда кастильцы приезжали во Францию за доньей Бланкой Бурбонской?»

– Он хочет сказать за госпожой Бланш де Бурбон, – перебил его оруженосец, покачивая головой с видом человека, возмнившего, будто понимает по-испански, и не желающего упустить случай покрасоваться своей ученостью.

Рыцарь посмотрел на Мюзарона с презрительным выражением, с каким обычно воспринимал все хвастливые выходки, которые позволял себе его оруженосец. Потом снова устремил взгляд на пергамент:

«Я обещал сохранить о тебе доброе воспоминание, ибо ты вел себя со мной благородно и учтиво».

– Тут дело в том, – снова прервал чтение Мюзарон, – что ваша милость вполне могла вонзить ему в горло кинжал, как вы так изящно проделали с Монахом из Лурда, сражаясь в Ларрском проходе, где был ваш первый бой. Ведь на том знаменитом турнире, когда вы выбили дон Фадрике из седла и он, взбешенный тем, что оказался на земле, потребовал продолжать поединок боевым оружием вместо турнирного, которым вы оба сражались до той минуты, дон Фадрике был полностью в вашей власти, придавленный вашим коленом. Но, не прельстившись победой, вы великодушно сказали ему (я все еще слышу эти прекрасные слова): «Встаньте, великий магистр ордена Святого Иакова, чтобы не уронить честь рыцарства Кастилии».

И Мюзарон сопроводил эти слова исполненным величия жестом, словно повторяя тот жест, который обязательно должен был сделать его господин в сем торжественном случае.

– Он вылетел из седла по вине лошади, которая не выдержала удара, – пояснил Молеон. – Эти полуарабские-полукастильские лошади превосходят наших в резвости, однако уступают в бою. Но рыцарь он бесстрашный и искусный, а к моим ногам упал потому, что зацепился шпорой за корень дерева в тот самый миг, когда я ударил его топором по шлему. Это неважно, – продолжал Аженор с тем чувством гордости, которой при всей своей скромности, проявленной только что, не смог скрыть, – главное, что тот день, когда состоялся незабываемый поединок в Нарбоне, был счастливым для меня.

– И вы забыли о награде, которую в тот день вручила вам госпожа Бланш де Бурбон, хотя наша милая принцесса сильно побледнела и задрожала, когда увидела, что турнир, который она почтила своим присутствием, превратился в боевую схватку. Да, сударь, – продолжал Мюзарон, с трепетом предвкушая те почести, что были уготованы его хозяину и ему самому в Коимбре, – воистину то был счастливый день, когда фортуна вам улыбнулась.

– Я надеюсь, – скромно ответил Аженор. – Но давай продолжим! И он снова погрузился в чтение:

«Сегодня я призываю тебя к себе, потому что ты дал мне обещание только меня считать своим братом по оружию. Мы с тобой христиане, приезжай ко мне в Португалию, в Коимбру, которую я недавно отвоевал у неверных. Я предоставлю тебе возможность совершать славные подвиги в борьбе с врагами нашей святой веры. Ты будешь жить у меня во дворце. При дворе ты будешь словно моим братом. Приди же, брат мой, ибо я, живущий в окружении коварных и опасных врагов, действительно нуждаюсь в любящем меня человеке.

Коимбра – город, имя которого тебе должно быть известно, лежит в Португалии, в двух льё от моря, на берегу реки Мондегу. Тебе придется ехать только через дружественные нам

земли: сначала через Арагон – родовое владение, завещанное Рамиро доном Санчо Великим,³⁹ который был, подобно тебе, бастардом, а стал настоящим королем, как ты стал отважным рыцарем; потом через Новую Кастилию, которую король Альфонс Шестой,⁴⁰ начал отвоевывать у мавров, а наследники его покорили окончательно; затем через Леон⁴¹ арену великих подвигов прославленного Пелайо,⁴² доблестного рыцаря, чью историю я тебе поведал; и, наконец, ты переправишься через Акведу и попадешь в Португалию, где я тебя и ожидаю. Не приближайся к горам, которые ты увидишь слева; если с тобой не будет большой свиты, не доверяй ни иудеям, ни маврам, когда повстречаешь их в дороге.

Прощай и не забывай, что я целый день велел называть себя Аженором в твою честь так же, как ты весь день звался Фадрике, чтобы оказать мне почтение.

В тот день я носил твои цвета, а ты – мои, ты повязал мой шарф, я – твой. Так мы и ехали вместе до самого Урхеля, охраняя возлюбленную нашу королеву донью Бланку Бурбонскую. Приезжай, дон Аженор; мне необходим брат и друг. Жду тебя».

– Ничего нет в этом письме, что могло бы указать нам дорогу, – вздохнул Мюзарон.

– Нет есть! Наоборот, в нем все есть! – возразил Аженор. – Разве ты не слышал, что я весь день носил его шарф?

– Ну и что?

– Знай же, что цвета шарфа были желтый и красный. Посмотри хорошенько, Мюзарон, глаз у тебя зоркий, посмотри, не видишь ли ты в этих городах здания, над которым развеваются желтый, как золото, и алый, как кровь, стяг; здание это будет дворцом моего друга дона Фадрике, а все, что окружает дворец, – городом Коимбра.

Мюзарон приложил ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от солнечных лучей, которые расплавляли все предметы в горячие волны света, и, долго водя головой слева направо и справа налево, наконец остановил свой взгляд на городе, что был расположен справа, в излучине реки.

– Значит, мессир Аженор, Коимбра находится справа, – начал Мюзарон, – там, у подножья этого холма, за стеной платанов и алоэ, ибо над самым высоким зданием города реет стяг, о котором вы только что говорили. Правда, над флагом еще возвышается алый крест.

– Это крест святого Иакова! – воскликнул рыцарь. – Верно! Но ты не ошибся, Мюзарон?

– Посмотрите сами, ваша милость.

– Солнце так сверкает, что я плохо вижу. Ну-ка, покажи, куда смотреть.

– Вон туда, мессир, вон туда... вдоль дороги... Видите два рукава реки? Развилку дороги видите?

– Да.

– Теперь смотрите вправо, на дорогу, что идет по берегу реки. Видите, как отряд мавра входит в городские ворота? Смотрите же, смотрите...

В этот миг солнце, которое до сих пор только мешало нашим путникам, пришло на помощь Мюзарону, высекая огненные искры из позолоченных доспехов мавров.

– Да, да, вижу! – воскликнул рыцарь. Затем, немного подумав, добавил: – Гм! Мавр ехал в Коимбру и не понял слова «Коимбра». Чудеса какие-то! Прежде всего я попрошу дона Фадрике оказать мне любезность и помочь мне наказать мавра за подобную наглость. Но почему же дон Фадрике, столь благочестивый сеньор, чей титул ставит его в первый ряд защитников веры,

³⁹ Санчо III Великий – король Наварры с 1000 по 1035 г.; завоевав Кастилию и Леон, принял титул короля всех Испании; оставил своему внебрачному сыну Рамиро королевство Арагон.

⁴⁰ Альфонс VI (1065–1109) – король Леона и Кастилии; вел упорную борьбу против мавров; в 1085 г. после семилетней осады отбил у них город Толедо.

⁴¹ Леон – историческая область Испании, завоеванная арабами в VIII в., окончательно освобождена к концу XI в.; в X – начале XI вв. самостоятельное королевство, позже объединившееся с королевством Кастилия.

⁴² Пелайо (ум. в 737 г.) – с 718 г. первый король Астурии, области в Северной Испании, превратившейся с расширением ее владений в XIII в. в королевство Леон. Пелайо положил начало Реконкисте («обратному завоеванию»), освобождению Испании от арабов, разбив в 718 г. в долине Ковадонга отряд завоевателей-мавров.

терпит мавров в своем вновь отвоеванном городе, откуда он изгнал их? – продолжал вслух рассуждать рыцарь.

– Как почему, мессир? – перебил Мюзарон, хотя его и не спрашивали. – Разве дон Фадрике не приходится единокровным братом сеньору дону Педро, королю Кастилии?

– При чем тут дон Педро? – спросил Аженор.

– Как при чем? Неужели вы не знаете – признаться, меня это удивляет, ибо слухи об этом уже дошли до Франции, – не знаете, что у этой семьи врожденная любовь к маврам? Говорят, король просто не может без них обойтись. Мавры у него в советниках, в лекарях, в телохранителях, и даже в любовницах у него мавританки...

– Замолчите, метр Мюзарон, – прикрикнул рыцарь, – и не смейте вмешиваться в дела короля дона Педро, знатнейшего государя и брата моего прославленного друга!

– Брата, брата! – пробормотал Мюзарон. – Слышал я, чем кончается это его братство с маврами, – удавкой или взмахом кривой сабли. По мне, лучше иметь братом Гийонне, что пасет коз в долине Андорры и распевает песенку:

Я высоко в горах, Несчастный пастушок, – чем короля дона Педро Кастильского. Так вот я думаю.

– Можешь думать, что хочешь, – резко сказал рыцарь, – я вот думаю, что тебе лучше помолчать. Когда люди оказывают тебе гостеприимство, нужно хотя бы не говорить о них дурного.

– Но ведь мы следуем не к королю дону Педро Кастильскому, – возразил неисправимый Мюзарон, – а приехали в Португалию к дону Фадрике, властелину Коимбры.

– Неважно к кому, – перебил его рыцарь, – молчи, и все тут.

Мюзарон поднял свой белый берет с красным помпоном и поклонился с лукавой усмешкой, которую скрыли длинные, черные как смоль волосы, упавшие на его худое смуглое лицо.

– Если вашей милости угодно ехать, – сказал он, немного помолчав, – я ваш покорный слуга.

– Надо спрашивать это у твоей лошади, – заметил Молеон. – Ладно, если она не хочет идти, оставим ее здесь. Вечером, когда она услышит вой волков, сама прекрасно доберется до города.

Животное, словно поняв эту угрозу, с неожиданной резвостью поднялось и подошло к своему хозяину, склонив холку, все еще блестящую от пота.

– Ну что ж, поехали, – сказал Аженор.

И тронулся с места, приподняв забрало шлема, которое опустил при встрече с мавром. Окажись здесь командир арабов, он смог бы своими острыми глазами рассмотреть красивое и благородное лицо, раскрасневшееся, запыленное, но выражавшее сильный характер; уверенный взгляд, тонкий, лукавый рот, белые, словно из слоновой кости, зубы и еще не заросший бородой, твердо очерченный подбородок – признак нестигаемой воли.

В общем, он был молодой, красивый рыцарь, этот мессир Аженор де Молеон, в чем он сам мог убедиться, глядя на себя в отполированный до блеска щит, который только что принял из рук Мюзарона.

Короткая остановка несколько приободрила лошадей. Они весьма резвым шагом двигались по дороге, которую теперь безошибочно указывал им стяг, развевавшийся над дворцом великого магистра ордена Святого Иакова.

Чем ближе они подъезжали к городу, тем чаще видели, как из ворот, несмотря на жару, выходят люди. Слышались трубы, и колокольный перезвон рассыпался в воздухе гроздьями радостных, переливчатых звуков.

«Если бы я послал Мюзарона вперед, – размышлял Аженор, – тот действительно мог бы поверить, что эта музыка и все эти церемонии затеяны в мою честь. Но сколь бы лестным

ни был для моего самолюбия такой прием, надо признать, что вся эта суматоха вызвана иной причиной».

Мюзарон же усматривал в этом шуме явные признаки праздничного веселья и держался бодро, в любом случае предпочитая встречу с людьми радостными, нежели грустными.

Оба путешественника не ошиблись в своих догадках. Большое оживление царило в городе, и если на лицах жителей не угадывались радостные улыбки, которые, казалось, должны вызывать у них звон колоколов и звуки фанфар, то на их физиономиях были написаны те чувства, которые вызывает у людей застигшая их врасплох важная новость.

Аженору и его оруженосцу не нужно было спрашивать дорогу, им лишь оставалось двигаться вместе с толпой, которая следовала к главной площади города.

Когда они пробивались сквозь скопление народа на эту площадь и Мюзарон, прокладывая путь ехавшему за ним благородному рыцарю, щедро раздавал направо и налево удары рукояткой своего кнута, перед ними вдруг возник дивный мавританский алькасар,⁴³ выстроенный для султана Мухаммеда, а теперь ставший дворцом молодого завоевателя Коимбры дон Фадрике; дворец осеняли высокие пальмы и пышные клены, которые клонились в ту сторону, куда в дни урагана гнул их ветер с моря.

Аженор и его оруженосец, хотя они сильно спешили, на мгновение замерли в восхищении перед огромным, причудливым сооружением, которое было украшено тончайшим кружевом из мрамора; казалось, что некий багдадский зодчий выполнил из топазов, сапфиров и лазуритов мозаики для сказочного дворца волшебниц или гурий.⁴⁴ Запад – вернее, юг Франции – в те времена знал только романские церкви, мосты или акведуки древних римлян, но понятия не имел о тех стрельчатых арках и ажурных каменных трилистниках, которыми спустя столетие Восток украсит фасады его соборов и верхушки его башен. Поэтому коимбрский алькасар представлял собой диковинное зрелище даже для наших невежественных и жестоких предков, презиравших в ту эпоху цивилизацию арабов и итальянцев, которой суждено было позднее обогатить их культуру.

Застыв в изумлении перед дворцом, они все же заметили, как из двух боковых ворот дворца вышли стражники и пажы, ведя в поводу мулов и коней.

Обе эти группы, описав каждая полудугу, сомкнулись, оттеснив народ и освободив перед парадным входом, к которому вела лестница в десять ступеней, большое свободное пространство в форме лука, чью тетиву словно образовывал фасад дворца. Смесь яркой роскоши одежд Африки с более строгим изяществом западных нарядов делала неотразимо привлекательным это зрелище, очарованию которого поддались Аженор и его оруженосец, увидевшие с одной стороны, как сверкают золотом и пурпуром попоны арабских скакунов и одеяния мавританских всадников, с другой – как сияют шелка и чеканное серебро; но главное – их поражала та надменная гордость, что сквозила во всем, даже в поведении выючных животных.

Народ, наблюдая, как разворачивается это представление, кричал «Вива!», как он обычно приветствует любые зрелища.

И вот под высоким сводом в форме трилистника – это был парадный вход во дворец – появилось знамя великого магистра ордена Святого Иакова; в сопровождении шестерых гвардейцев его нес могучий воин, который вышел на середину свободного от людей полукруга.

Аженор понял, что дон Фадрике либо собирается пройти во главе шествия по улицам города, либо намерен отправиться в другой город, и решил было, несмотря на скудость своего кошелька, поискать какой-нибудь постоялый двор, где мог бы подождать его возвращения,

---

⁴³ Алькасар (от араб, алькасар) – самая высокая в городе башня над дворцом правителя; иногда так называли весь дворец.

⁴⁴ Гурии – в мусульманской мифологии райские девы, услаждающие праведников. Галльская кровь – то есть кровь галлов, группы племен, проживавших в древности на территории современных Северной Италии, Швейцарии, Франции и Бельгии. К I в. до н. э. галлы были покорены Римом; считаются предками французов.

ибо Молеон не хотел своим неуместным присутствием нарушать церемонию торжественного выхода.

И в это мгновенье он увидел, как в боковые ворота алькасара въехал авангард мавританского отряда, а потом показались заинтересовавшие их носилки из позолоченного дерева, по-прежнему наглухо зашторенные и покачивающиеся на спинах белых мулов; именно эти носилки вводили Мюзарона в столь сильное, но вполне объяснимое искушение.

Наконец более громкие звуки раковин и фанфар возвестили, что сейчас выйдет великий магистр; двадцать четыре музыканта, по восемь в ряд, продолжая трубить, вышли из парадного входа к лестнице, по которой спустились на площадь.

Вслед за ними большими прыжками выбежал крупный, но резвый пес, из тех, что сторожат стада в горах, с заостренной, как у медведя, мордой, с горящими, как у рыси, глазами, с выносливыми, как у лани, ногами. Он был покрыт длинной шелковой попоной, отливавшей на солнце серебром; на шее у него был широкий, украшенный рубинами золотой ошейник с маленьким, тоже золотым колокольчиком; свою радость он выражал прыжками, в которых угадывались две цели – явная и скрытая. Видимой была белоснежная лошадь, укрытая просторной попоной из багряной парчи; она ржала, словно вторя игривым прыжкам пса; незримой, вероятно, был какой-нибудь вельможа, еще не сошедший с парадного крыльца, куда нетерпеливо убегал пес, чтобы через несколько секунд снова, весело прыгая, появиться у ступеней лестницы.

Наконец, тот, ради кого ржала лошадь и прыгал пес, тот, в чью честь народ кричал «Вива!», появился на верху лестницы, и тысячи голосов слились в один возглас:

– Да здравствует дон Фадрике!

Дон Фадрике продвигался вперед, беседуя с арабским воином, шедшим по правую руку, и идущим слева юным пажом с красивым лицом, хотя черные брови и поджатые алые губы делали его черты несколько жесткими; паж нес большой развязанный кошель с золотыми монетами, и дон Фадрике, остановившись на первой ступени, стал белой, нежной, как у женщины, рукой зачерпывать пригоршни монет и сыпать их сверкающим дождем на головы волнующейся толпы, что восторженными криками встречала эти щедрые дары, от которых она отвыкла при предшественниках своего нынешнего повелителя.

Новый властелин Коимбры был таким высоким, что казался величественным. Смесь галльской и испанской кровей наградила его длинными черными волосами, голубыми глазами и светлой кожей; эти голубые глаза были такие ласковые и радушные, что многие люди, не желая отводить взоров от дона Фадрике ни на секунду, даже и не думали подбирать с земли цехины, громко провозглашая ему пожелания счастья.

Вдруг, посреди этого неистового ликования, трубы, и раковины, которые на мгновение умолкли, то ли по случайности, то ли предчувствуя, что такой добрый властелин скоро покинет город, зазвучали вновь, но веселая и радостная музыка казалась народу лишь печальной, заунывной мелодией, тогда как колокола, это новейшее изобретение, призванное служить посредником между человеком и Богом, казалось, били в набат, а не звонили живым, переливчатым звоном.

И тут пес, встав на задние лапы, положил передние на грудь хозяину и завыл так жалобно, протяжно, тревожно, что даже у самых храбрых дрогнули сердца.

Толпа онемела, и неожиданно в наступившей тишине кто-то выкрикнул:

– Не уезжайте, великий магистр, не покидайте нас, дон Фадрике!

Но никто не заметил, кто подал этот совет.

Аженор увидел, что мавр, услышав этот крик, вздрогнул, лицо его приобрело какой-то землистый оттенок – так бледнеют эти дети солнца, – и он стал с тревогой вглядываться в дон Фадрике, словно пытаясь прочесть в глубине его души, каким образом тот отзовется на всеобщее оцепенение и одинокий возглас из толпы.

Однако дон Фадрике ласково поглаживал воющего пса и, сделав едва заметный знак пажу, печально улыбнулся множеству людей, которые умоляюще смотрели на него, молитвенно сложив руки.

– Добрые друзья мои, – сказал он, – мой брат король Кастилии призывает меня в Севилью, где меня ждут празднества и турниры, кои ознаменуют радость нашего примирения. Вместо того чтобы мешать мне встретиться с моим братом и моим королем, лучше благословите от всего сердца любящих братьев.

Но народ встретил эти слова не криками радости, а гробовым молчанием. Паж что-то шепнул на ухо своему господину, а пес продолжал выть.

Все это время мавр успевал следить за толпой и пажом, псом и самим доном Фадрике.

Тревожная тень на мгновенье омрачила чело великого магистра. Мавр решил, что дон Фадрике боится.

– Сеньор, вы знаете, что судьба всех людей написана заранее: имена одних начертаны на золотых скрижалях, имена других – на медных. Ваша судьба вписана в золотую скрижаль, поэтому бесстрашно идите ей навстречу.

Дон Фадрике, который несколько минут стоял, опустив глаза, поднял голову, словно искал в толпе лицо друга, чей-нибудь ободряющий взгляд.

Именно в этот миг Аженор привстал на стременах, чтобы не упустить ни одной подробности сцены, которая разворачивалась перед ним. И словно угадав, кого искал великий магистр, он одной рукой приподнял забрало, а другой слегка покачал копьем.

Великий магистр радостно вскрикнул, глаза его засверкали, и счастливая улыбка, расцветшая на розовых, как у девушки, губах, озарила все лицо.

– Это дон Аженор! – воскликнул он, протягивая к рыцарю руку.

Пажу, который, казалось, обладал даром угадывать сокровенные мысли дон Фадрике, больше не нужно было слов, и он тут же подбежал к рыцарю, крича: «Прошу вас, дон Аженор, пожалуйста сюда!»

Толпа расступилась, потому что она боготворила все, что любил дон Фадрике, и все взгляды обратились на рыцаря, которого великий магистр встречал с той же радостью, с какой юный Товия принял своего божественного спутника, ниспосланного ему Небом.⁴⁵

Аженор спешил, бросил поводья Мюзарону, передал ему копье, подвесил к луке седла щит и проследовал за пажом сквозь толпу.

Мавр снова побледнел. Он узнал того самого франкского рыцаря, которого повстречал на дороге в Коимбру, и оруженосца, которого он не удостоил ответа.

Между тем дон Фадрике распахнул Аженору свои объятия, и тот бросился в них со всем пылом юного сердца.

Истинное наслаждение было видеть этих двух красивых молодых людей, чьи лица дышали всеми благородными чувствами, что так редко дополняют на земле образ красоты.

– Поедешь ли ты со мной? – спросил дон Фадрике у Аженора.

– Куда угодно, – ответил рыцарь.

– Друзья мои, – громким, звонким голосом, который так нравился толпе, сказал великий магистр, – теперь я могу ехать, а вам больше нечего бояться: дон Аженор де Молеон, брат мой, гордость франкского рыцарства, едет вместе со мной!

И по знаку великого магистра барабаны заиграли бравурный марш, весело зазвенели трубы, конюший подвел дону Фадрике его прекрасного белого коня, и весь народ закричал:

– Да здравствует дон Фадрике, великий магистр ордена Святого Иакова! Да здравствует дон Аженор, франкский рыцарь!

---

⁴⁵ Речь идет об одном из эпизодов библейской книги Товита. Юноша Товия, посланный отцом с поручением, взял себе в дорогу спутника, не зная, что это посланный богом архангел Рафаил.

Пес дона Фадрике пристально смотрел то на рыцаря, то на мавра. Мавру он показал белые клыки, угрожающе рыча; к рыцарю всячески ластился.

Паж, грустно улыбнувшись, погладил пса по шее.

– Ваша милость, – обратился Аженор к дону Фадрике, – когда вы просили меня ехать с вами, я сразу согласился, послушавшись лишь зова своего сердца, так же как и в тот день, когда я выехал к вам из Тарба. От Тарба до Коимбры я добрался за шестнадцать дней; переход был тяжелый. Поскольку кони мои смертельно устали, я вряд ли смогу сопровождать вашу милость в столь дальней поездке.

– Пустяки! Разве я не писал тебе, что мой дворец – это твой дворец? – воскликнул дон Фадрике. – Мое оружие и мои кони принадлежат тебе, как и все в Коимбре. Иди и выбери в моих конюшнях коней для себя, мулов для твоего оруженосца, или нет, постой, не оставляя меня ни на секунду. Всем займется Фернан. Фернан, ступай седлать моего боевого коня Антрима и заодно спроси у оруженосца дона Аженора, кто ему больше по душе, конь или мул. А если он не может расстаться со своими усталыми лошадьми – всякий истинный рыцарь дорожит своим конем, – они пойдут в обозе, где за ними будет хороший уход.

Паж помчался исполнять поручение и скрылся из виду.

Тем временем мавр, который полагал, что все скоро отправятся в путь, сошел по лестнице вниз, чтобы осмотреть носилки и отдать распоряжения тем, кто их охранял. Но, заметив, что отъезд откладывается и друзья, оставшись наедине, собираются поделиться какими-то секретами, он живо взбежал по лестнице и занял свое прежнее место рядом с великим магистром.

– Господин Мотриль, – обратился к мавру дон Фадрике, – рыцарь, которого вы видите, принадлежит к числу моих друзей. Он больше чем мой друг, он мой брат по оружию, и я беру его с собой в Севилью, ибо хочу рекомендовать моему властелину, королю Кастилии, взять его к себе на службу в качестве офицера, а если король соизволит оставить его при мне, то я возьму рыцаря себе. Он несравненно владеет мечом, а сердце его гораздо отважнее его меча.

Мавр отвечал на безупречном испанском, хотя в его произношении проскальзывал тот гортанный акцент, на который Аженор уже обратил внимание, когда по дороге в Коимбру тот произнес одну-единственную фразу по-арабски, после чего его отряд ушел вперед.

– Благодарю вас, ваша милость, за то, что вы назвали мне имя и сказали о достоинствах господина рыцаря, – сказал мавр, – но случай уже представил мне благородного француза. К несчастью, чужестранец, тем более путник, который, подобно мне, принадлежит к враждебному племени, часто должен с недоверием относиться к случаю, поэтому, встретив недавно в горах сеньора Аженора, я не выказал ему той учтивости, какую обязан был проявить.

– Вот оно что! Вы уже встречались! – воскликнул Фадрике с удивлением.

– Да, сеньор, – по-французски ответил Аженор, – и признаюсь, что пренебрежение господина мавра, который не пожелал ответить на простой вопрос, заданный ему мною через моего оруженосца, как проехать в Коимбру, меня несколько задело. По ту сторону Пиренеев мы более вежливо обходимся с чужеземными гостями.

– Мессир, вы заблуждаетесь только в одном, – возразил по-испански Мотриль. – Мавры еще находятся в Испании, это правда, но они больше не чувствуют себя как дома и по эту сторону Пиренеев; исключая Гранаду, мавры сами лишь гости испанцев.

«Ну и ну! Оказывается, он по-французски понимает», – прошептал про себя Мюзарон, незаметно пробравшийся к ступеням парадного входа.

– Пусть рассеется между вами это облако недоверия... Сеньор Мотриль, друг и министр моего повелителя, короля Кастилии, надеюсь, соизволит милостиво отнестись к шевалье⁴⁶ де Молеону, к другу и брату королевского брата, – сказал дон Фадрике.

---

⁴⁶ Шевалье – дворянский титул во Франции: рыцарь, кавалер.

Мавр молча поклонился и, поскольку Мюзарон, по-прежнему раздираемый любопытством, желая узнать, что же таится в носилках, подошел к ним совсем близко, чего Мотриль, вероятно, не допускал, сошел вниз, сделав вид, будто забыл отдать какие-то распоряжения слугам, и встал между носилками и оруженосцем.

Дон Фадрике воспользовался его отсутствием, чтобы склониться к Аженору и прошептать:

– Ты видишь в этом мавре человека, который во всем влияет на моего брата, а значит, и на меня.

– Ах, откуда такая горечь в ваших словах?! – воскликнул Аженор. – Вы знатный принц и достойный рыцарь, дон Фадрике, и не забывайте никогда, что над вами властен только Бог!

– И все-таки я еду в Севилью, – вздохнул великий магистр.

– Почему вы едете туда?

– Король дон Педро меня просит, а просьба короля дон Педро – это приказ.

Мавр, казалось, разрывался между нежеланием отойти от носилок и боязнью, что дон Фадрике успеет слишком многое рассказать французскому рыцарю. Боязнь взяла вверх, и он снова подошел к друзьям.

– Сеньор, я должен сообщить вашей милости одно известие, которое нарушит ваши планы, – сказал мавр дону Фадрике. – Мне еще придется кое-что уточнить у моего секретаря, хотя я уже почти уверен в этом. У короля дон Педро начальником стражи служит капитан Тариффа,⁴⁷ отважный воин, которому король полностью доверяет, хотя тот родился, или, вернее, предки его родились, по ту сторону пролива.⁴⁸ Поэтому я боюсь, что французский рыцарь напрасно потратит свои силы, направляясь ко двору короля дон Педро. Учитывая это, я дам ему совет оставаться в Коимбре, к тому же, как всем известно, донья Падиля не любит французов.

– Неужели это правда, сеньор Мотриль? – воскликнул дон Фадрике. – Ну что ж, тем лучше! Мой друг останется со мной.

– Я приехал не в Испанию, а в Португалию. Я приехал служить не королю дону Педро, а великому магистру дону Фадрике, – с гордостью заявил Аженор. – Я нашел ту службу, которую искал, и другой мне не надо. Вот мой сеньор!

И он изящно поклонился своему другу.

Мавр улыбнулся, обнажив ослепительные зубы.

«Ну и зубы! – подумал Мюзарон. – Он, наверное, злобно кусается».

В этот момент паж подвел Антрима, боевого коня великого магистра, и Коронеллу, мула для Мюзарона. Рассаживание произошло мгновенно: Аженор де Молеон сел на нового коня, Мюзарон взгромоздился на свежего мула; их усталых лошадей передали слугам из свиты, а дон Фадрике, которого жестом пригласил мавр, сошел по лестнице и тоже хотел было садиться на коня.

Но прекрасный пес в белой шелковой попоне, казалось, снова решил помешать этому намерению. Он встал между хозяином и его конем, с воем отталкивая дон Фадрике.

Тот пнул пса ногой и, вопреки всем ухищрениям верного пса, сел в седло и дал приказ выступать. Тогда пес, словно поняв приказ и окончательно отчаявшись, кинулся на коня и укусил его в шею.

Конь взвился на дыбы, заржав от боли, и так резко отпрыгнул в сторону, что любой всадник, менее опытный, нежели дон Фадрике, вылетел бы из седла.

---

⁴⁷ Тариффа – город и крепость на юге Испании близ Гибралтара.

⁴⁸ То есть на африканском берегу Гибралтарского пролива, откуда пришли в Испанию мусульманские завоеватели.

– Ты что, Алан?⁴⁹ – вскричал дон Фадрике, обращаясь к псу по кличке, указывавшей на его породу. – Ты что, злобное животное, взбесился?

И он так сильно стегнул пса кожаной плеткой, что тот, сбитый с ног, откатился футов на десять.

– Надо убить его, – сказал Мотриль. Фернан искоса взглянул на мавра. Алан уселся у подножья парадной лестницы дворца, задрал голову и, разинув пасть, опять жалобно завыл.

Тогда весь народ, молча наблюдавший эту сцену, зароптал, и крик, который раньше вырвался у кого-то одного, подхватила вся толпа:

– Не уезжайте, великий магистр дон Фадрике, останьтесь с нами, великий магистр! Что вам брат, когда у вас есть ваш народ? Что вам сулит Севилья такого, чего не может дать Коимбра?

– Ваша милость, неужели я должен вернуться к королю, моему повелителю, – вскипел Мотриль, – и сказать ему, что ваш пес, ваш паж и ваш народ не желают, чтобы вы поехали в Севилью?

– Нет, сеньор Мотриль, мы едем, – ответил дон Фадрике. – В дорогу, друзья мои!

Прощаясь, он помахал народу рукой и поехал во главе кавалькады, перед которой безмолвно расступалась толпа. Позолоченные решетчатые ворота алькасара, которые заскрипели, словно ржавые дверцы заброшенного склепа, закрыли.

Пес сидел на лестнице до тех пор, пока мог видеть хозяина и надеяться, что тот передумает и вернется, но, потеряв эту надежду, когда дон Фадрике скрылся за поворотом улицы, ведущей к Севильским воротам, бросился вдогонку и в несколько огромных прыжков нагнал его; Алан, не сумев помешать хозяину пойти навстречу опасности, стремился хотя бы разделить с ним эту опасность.

Через десять минут кавалькада выбралась из Коимбры и устремилась по той же дороге, по которой утром прибыли мавр Мотриль и Аженор де Молеон.

---

⁴⁹ Аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения, жившие с I в. н. э. в Приазовье и Предкавказье. По-видимому, пес Алан был кавказской породы.

IV. Как Мюзарон обнаружил, что мавр разговаривает с носилками, а те ему отвечают

Отряд великого магистра состоял из тридцати восьми человек, включая франкского рыцаря и его оруженосца, но не считая мавра с его дюжиной стражников, пажами и слугами; вьючные мулы тащили богатую, разнообразную поклажу: ведь еще за неделю до приезда Мотриля дону Фадрике сообщили, что брат вызывает его в Севилью. Дон Фадрике тут же отдал приказ выступать, надеясь, что мавр будет слишком утомленным, чтобы ехать с ним, и останется в Коимбре. Но, видимо, усталость была неведома этим сынам пустыни и их коням, и казалось, что кони эти были потомками тех кобылиц, которых, как писал Вергилий,⁵⁰ оплодотворял ветер.

В день они проехали десять льё, а с наступлением сумерек разбили лагерь на склоне гор, с краю которых высился Помбал.

Во время этого первого перехода мавр не спускал глаз с обоих друзей. Сначала под предлогом, что желает принести извинения французскому рыцарю, а потом как бы стремясь искупить былую неучтивость истинной вежливостью, он отъезжал от Аженора лишь на несколько минут, необходимых ему для того, чтобы переговорить с охраной носилок. Но, сколь бы короткими ни были эти отлучки, на которые его тянуло какое-то неодолимое чувство, Аженор все-таки успел спросить великого магистра:

– Сеньор дон Фадрике, прошу вас, объясните мне, чем вызвано то упорство, с каким сеньор Мотриль преследует нас, не отходя ни на шаг. Значит, он, монсеньер, очень любит вас, ведь то, как я принял его запоздалые знаки внимания, вряд ли внушает ему большую симпатию ко мне.

– Не знаю, сколь велика любовь Мотриля ко мне, – ответил дон Фадрике, – зато мне известно, что он смертельно ненавидит донью Падилью, любовницу короля.

Аженор посмотрел на великого магистра с недоумением человека, который ничего не понял. Но к ним уже спешил наостривший уши мавр, и дон Фадрике едва успел шепнуть рыцарю:

– Говорите о другом.

Аженор поспешил последовать этому совету и, как будто подобная мысль возникла у него самого, спросил:

– Кстати, сеньор Фадрике, не расскажите ли вы мне, как живет в Испании нашей достойной госпоже Бланш де Бурбон, королеве Кастилии. Во Франции очень обеспокоены судьбой этой доброй принцессы, которой многие люди желали счастья, когда она уезжала из Нарбона, куда вы прибыли за ней от имени короля, ее супруга...

Договорить Аженор не успел, так как почувствовал, что его по левому колену больно ударил своим правым коленом паж, который, сделав вид, будто его тащит за собой конь, прошел между ним и великим магистром; рассыпаясь в извинениях перед рыцарем за свою неловкость и за своего коня, он пронзил его взглядом, способным заставить умолкнуть самого несдержанного болтуна.

Однако дон Фадрике понял, что ему придется дать ответ, поскольку он находился в таком положении, когда его молчание могло быть истолковано превратно.

– Но неужели сеньор Аженор ничего не слышал о донье Бланке с тех пор, как она в Испании? – вмешался Мотриль, желавший, казалось, поддержать разговор с тем же интересом, с каким великий магистр хотел его прекратить.

---

⁵⁰ Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) – древнеримский поэт. Помбал – португальский город у подножия гор Сьерра – Да-Этрела к югу от Коимбры.

– Нет, господин мавр, уже почти три года, как я воюю в наемных отрядах против англичан, врагов моего повелителя короля Иоанна, лондонского узника,⁵¹ и регента нашего, принца Карла,⁵² которого когда-нибудь назовут Карлом Мудрым, ибо он не по летам весьма благоразумен и добродетелен, – ответил рыцарь.

– Я-то полагал, что, где бы вы ни находились, до вас дошли отзвуки толедского дела, которое наделало много шума, – возразил Мотриль.

Дон Фадрике слегка побледнел, а паж приложил к губам палец, делая Аженору знак молчать.

Аженор отлично понял этот жест и лишь прошептал про себя: «Испания! Испания! Страна тайн!»

Но Мотриль не был намерен молчать.

– Поскольку, господин рыцарь, вам ничего не известно о свояченице вашего регента, – сказал он, – я расскажу вам, что с ней произошло.

– Не стоит, сеньор Мотриль, – не выдержал дон Фадрике. – Вопрос, заданный моим другом доном Аженором, принадлежит к тем простым вопросам, которые требуют однозначного ответа – либо «да», либо «нет», – а вовсе не пространных рассказов, что будут совсем не интересны слушателю, далекому от испанских дел.

– Но если сеньор Аженор далек от Испании, то он близок делам Франции, ведь донья Бланка – француженка. Кстати, рассказ мой будет коротким, и господин Аженор, едущий ко двору короля Кастилии, должен знать, о чем там принято говорить, а о чем нет.

Дон Фадрике вздохнул и по самые глаза завернулся в широкий белый плащ, словно прячась от последних лучей заходящего солнца.

– Вы провожали донью Бланку из Нарбона в Урхель, – продолжал Мотриль. – Это правда, сеньор Аженор, или, может быть, я ошибаюсь?

– Правда, – признал рыцарь, который держался настороженно, получив знак пажа и видя мрачное лицо дон Фадрике, но все-таки не способен был лукавить.

– Итак, она ехала в Мадрид через Арагон и часть Новой Кастилии под охраной сеньора дон Фадрике, который привез ее в замок Алькала, где королевская свадьба была отпразднована с пышностью, достойной столь знатных особ. Но на другой день, по причине, так и оставшейся тайной, – продолжал Мотриль, сверля дон Фадрике своими пронзительными, сверкающими глазами, – на другой же день, повторяю я, король вернулся в Мадрид, оставив в замке Алькала молодую жену скорее пленницей, нежели королевой.

Мотриль на мгновение замолчал, как бы желая убедиться, скажет ли кто-либо из друзей хоть одно слово в защиту доньи Бланки; но оба безмолвствовали. Поэтому мавр продолжил свой рассказ:

– С того дня супруги стали жить отдельно. Более того, совет епископов высказался за развод. Вы согласитесь, рыцарь, что должны были быть веские причины для обвинений жены-чужестранки, – ядовито усмехнулся мавр, – чтобы столь почтенное и святое собрание, как епископский совет, расторгло узы, которыми их связали политика и религия.

– Или же этот совет полностью подчинился королю дону Педро, – возразил дон Фадрике, неспособный более сдерживать свои чувства.

---

⁵¹ Имеется в виду Иоанн II Добрый (1319–1364), король Франции с 1350 г. Потерпев поражение в битве с англичанами при Пуатье в Западной Франции (1356 г.), он был взят в плен и увезен в Лондон, где находился до 1360 г.; в 1364 г. вернулся в плен из-за неуплаты выкупа и бегства сына-заложника.

⁵² Старший сын Иоанна Доброго, регент Франции в 1356–1360 гг. во время пленения отца; с 1364 г. король Франции Карл V Мудрый (1338–1380). После заключения в 1360 г. перемирия с англичанами в Бретиньи осуществил ряд мер по укреплению королевской власти, реорганизовал армию, упорядочил налоговую систему. Карл V покровительствовал наукам и искусствам, способствовал развитию Парижского университета.

– Ну нет! – возразил Мотриль с той нарочитой наивностью, от которой насмешка становится острее и горше. – Разве можно предположить, что сорок две святые особы, миссия которых – блюсти честность людей, пошли бы против собственной совести. Это невозможно, а если это произошло, то чего же стоит вера, которую несут подобные пастыри!

Друзья хранили молчание.

– Тем временем король заболел, и все даже думали, что он скоро умрет. Тут и стали обнаруживаться тайные честолюбивые замыслы сеньора Энрике де Трастамаре.⁵³

– Сеньор Мотриль, не забывайте, что дон Энрике Трастамаре – мой брат-близнец, – сказал дон Фадрике, пользуясь случаем, чтобы возразить мавру, – и я не потерплю, чтобы при мне отзывались плохо и о нем, и о моем брате доне Педро, короле Кастилии.

– Справедливо сказано, – ответил Мотриль. – Простите меня, о славнейший великий магистр. Я забыл о вашем близком родстве, видя, что, хотя дон Энрике не покоряется королю дону Педро, вы нежно любите его. Поэтому я буду говорить только о госпоже Бланке.

– Проклятый мавр! – пробормотал дон Фадрике.

Аженор бросил на великого магистра взгляд, который означал: «Может, ваша милость, я избавлю вас от этого человека? Я это живо сделаю».

Мотриль притворился, что не слышал слов дон Фадрике и не заметил взгляда Аженора.

– Я уже говорил, что всюду стали проявляться честолюбивые намерения, ослабили узы преданности, и вот, когда король дои Педро почти ступил на порог вечности, однажды ночью ворота замка Алькала распахнулись, и из них выехала донья Бланка вместе с неизвестным рыцарем, который проводил ее до Толедо, где она и укрылась. Но Провидению было угодно, чтобы возлюбленный король наш дон Педро, хранимый молитвами всех своих подданных и, вероятно, молитвами своих родных, вернулся к жизни в силе и здравии. Тогда он и узнал о бегстве доньи Бланки, о помощи неизвестного рыцаря и о месте, куда удалась беглянка. Одни говорят, что он хотел отправить ее назад во Францию – я и сам так думаю, – другие считают, что он хотел заточить ее не в замке, а в настоящей тюрьме. Но каковы бы ни были намерения ее супруга-короля, донья Бланка, которую своевременно предупредили об отданных королем приказах, укрылась во время воскресного богослужения в толедском соборе и там объявила горожанам, что требует права убежища и встает под защиту христианского Бога. Говорят, донья Бланка красивая, – продолжал мавр, пронизывая испытующим взглядом то рыцаря, то великого магистра, – даже слишком красивая. Но сам я никогда ее не видел. Ее красота, тайна, окутывающая ее несчастья, а также, быть может, и задолго подготовленные действия, тронули людские сердца: все приняли ее сторону. Епископ, один из тех, кто объявил ее брак с королем расторгнутым, был изгнан из храма, который превратили в крепость, и там приготовились защищать донью Бланку от присланных королем солдат.

– Как? – вскричал Аженор. – Солдаты намеревались похитить донью Бланку из церкви! Неужели христиане посмели посягнуть на право убежища?!

– Ну, конечно, о Аллах, конечно! – воскликнул Мотриль. – Сперва король дон Педро обратился к своим мавританским лучникам, но те заклинали его подумать о том, что святотатство будет гораздо более тяжким, если храм осквернят неверные, и дон Педро внял их сомнениям. Тогда он обратился к христианам, которые пошли на это кощунство. Что поделаешь, сеньор рыцарь, любая вера грешит такими противоречиями, и лучше других та, в которой их меньше.

– Уж не хочешь ли ты сказать, неверный, – воскликнул великий магистр, – что вера в Аллаха выше веры в Христа?!

---

⁵³ Сеньор Энрике де Трастамаре (1338–1379) – граф, побочный сын короля Кастилии Альфонса XI, сводный брат Педро Жестокого; возглавил направленный против того мятеж недовольных феодалов; с 1369 г. – король Кастилии под именем Генриха II Трастамаре; способствовал восстановлению в государстве порядка и мира.

– Нет, славнейший великий магистр, ничего подобного я не хочу сказать, и пусть Аллах сохранит меня, ничтожную пылинку, от любых окончательных суждений в сих делах! Нет. Сейчас я лишь рассказчик и повествую о приключениях госпожи Бланш де Бурбон, как говорят французы, или доньи Бланки Бурбонской, как называют ее испанцы.

«Неуязвимый!» – прошептал дон Фадрике.

– Так вот, когда солдаты, совершив страшное кощунство, проникли в собор и намеревались схватить донью Бланку, вдруг закованный в железо рыцарь с опущенным забралом, вероятно тот, что помог пленнице бежать, ворвался в собор верхом на коне.

– Верхом на коне?! – изумился Аженор.

– Ну да, – подтвердил Мотриль. – Это святотатство, но, наверное, имя, титул или какой-нибудь воинский орден давали сему рыцарю такое право. В Испании существует много подобных привилегий. Например, великий магистр ордена Святого Иакова имеет право входить во все церкви христианского мира в шлеме и при шпорах. Не правда ли, сеньор дон Фадрике?

– Правда, – глухим голосом ответил тот.

– Итак, рыцарь въехал в собор, разогнал солдат, призвал горожан к оружию, и по его зову город восстал, изгнал отряд короля дона Педро и запер ворота...

– Но потом мой брат отомстил сполна, – перебил его великий магистр, – и двадцать две головы, срубленные по его повелению на главной площади Толедо, принесли ему вполне заслуженное прозвище Справедливый.

– Да, но среди этих двадцати двух голов не оказалось головы мятежного рыцаря, ибо никто так и не узнал, кто это был.

– А как поступил король с доньей Бланкой? – спросил Аженор.

– Донью Бланку отвезли в крепость города Херес, где она находится под стражей, хотя, возможно, она заслуживала бы большего наказания, чем тюрьма.

– Сеньор мавр, не нам решать, какой кары или награды достойны те, кого Бог избрал править народами, – сурово сказал дон Фадрике. – Выше них один Бог, и лишь Бог властен карать или миловать их.

– Господин наш говорит истинно, а его смиренный раб не прав в том, что сказал, – ответил Мотриль, сложив на груди руки и склонив голову к холке коня.

Тут они добрались до места, где решено было остановиться на ночлег и разбить лагерь.

Когда мавр удалился, чтобы проследить, как опускают на землю носилки, великий магистр приблизился к рыцарю.

– Больше не говорите со мной ни о короле, ни о донье Бланке, ни обо мне при этом проклятом мавре, который постоянно вызывает у меня желание натравить на него моего пса! – со злостью воскликнул он. – Не говорите со мной об этом до ужина, когда мы останемся одни и сможем побеседовать спокойно. Мавр Мотриль будет вынужден оставить нас наедине, он не ест вместе с христианами, и, кстати, ему надо присматривать за носилками.

– Он что, прячет в этих носилках свои сокровища?

– Да, – улыбнулся великий магистр, – вы совершенно правы, в них его сокровище.

В этот момент к ним подошел Фернан; Аженор уже допустил за день множество оплошностей и теперь боялся казаться нескромным. Но его любопытство, которое он сдерживал, от этого не уменьшилось.

Фернан пришел, чтобы получить распоряжения своего господина, потому что палатку доня Фадрике уже установили в центре лагеря.

– Приготовь нам ужин, мой добрый Фернан, – обратился принц к молодому человеку, – рыцаря, наверное, терзают голод и жажда.

– Но я вернусь, – сказал Фернан. – Вы знаете, что я обещал не отходить от вас ни на шаг, и знаете, кому я обещал это.

Щеки великого магистра на мгновение покраснели.

– Останься с нами, дитя мое, ведь от тебя у меня секретов нет, – сказал он.

Ужин был накрыт в палатке великого магистра, и Мотриля, действительно, на нем не было.

– Теперь, когда мы одни, – сказал Аженор, – вы ведь сами сказали, что у вас нет секретов от меня, расскажите мне, дорогой сеньор, что же произошло, чтобы я впредь не допускал ошибки, подобной той, что совершил недавно.

Дон Фадрике с беспокойством огляделся.

– Полотняная стена – ненадежное укрытие для тайны, – заметил он. – Здесь можно подглядывать снизу и подслушивать снаружи.

– Ну что ж, поговорим о другом. Несмотря на мое вполне естественное любопытство, я подожду, – ответил Молеон. – И кстати, если этому сатане придет в голову снова помешать нам, до Севильи мы все-таки найдем время, чтобы поговорить друг с другом, ничего не опасаясь.

– Если бы вы не так сильно устали, – заметил дон Фадрике, – я предложил бы вам выйти со мной из палатки – мы захватили бы мечи и надели плащи – и пройти в сопровождении Фернана. Мы смогли бы побеседовать на равнине, найдя достаточно открытое место, чтобы быть уверенными, что в пятидесяти шагах от нас мавр не превратился в змею – такова его природная сущность – и не подслушивает.

– Сеньор, я никогда не устаю, – ответил Аженор с той улыбкой, что придают человеку сила и неиссякаемая уверенность молодости. – Часто, весь день пробежав за серной по откосам самых высоких вершин наших гор, я возвращался домой поздно вечером, но мой благородный опекун Эрнотон де Сент-Коломб говорил: «Аженор, мы взяли в горах медвежий след, я знаю, где скрылся зверь; хотите пойти со мной в облаву?» Я успевал лишь выложить добытую дичь и в любое время снова отправлялся на охоту.

– Тогда пошли, – сказал великий магистр.

Сняв шлемы и доспехи, они закутались в плащи – не только потому, что ночи в горах прохладные, сколько из желания остаться не узванными, – и вышли из палатки, направившись в ту сторону, где могли скорее выбраться из лагеря.

Пес хотел было идти за ними, но дон Фадрике подал ему команду, и умное животное улеглось у входа в палатку; все так хорошо знали пса, что он мог сразу же выдать друзей.

Они не прошли и нескольких шагов, как путь им преградил часовой.

– Чей это солдат? – спросил Фернана дон Фадрике, отступив на шаг.

– Ваша милость, это Рамон, арбалетчик, – ответил паж. – Я хотел, чтобы сон вашей милости охраняла надежная стража, и сам расставил часовых. Вы же знаете, что я обещал беречь вас.

– Тогда скажи ему, кто мы, – приказал великий магистр, – этому мы можем без опаски назвать себя.

Фернан, подойдя к часовому, что-то ему шепнул. Солдат поднял арбалет и, почтительно отойдя в сторону, пропустил их.

Но едва они отошли футов на пятьдесят, как в темноте вдруг возникла белая неподвижная фигура. Великий магистр, не зная, кто бы это мог быть, пошел прямо на сие приведение. Это был второй часовой, закутанный в плащ с капюшоном; он преградил им путь копьем, сказав по-испански с гортанным арабским – выговором:

– Прохода нет.

– А этот откуда? – спросил дон Фадрике у Фернана.

– Не знаю, – ответил паж.

– Разве не ты поставил его здесь?

– Нет, он же мавр.

– Пропусти нас, – приказал по-арабски дон Фадрике. Мавр покачал головой, держа у самой груди великого магистра копье с острым наконечником.

– Что все это значит? Меня что, взяли под стражу? Меня, великого магистра, меня, принца? Эй, стража! Ко мне!

Фернан достал из кармана золотой свисток и засвистел.

Но раньше стражи и даже раньше часового-испанца, стоявшего в пятидесяти шагах позади них, вихрем, огромными прыжками примчался Алан: он узнал голос хозяина и понял, что тот зовет на помощь; ошетилившийся пес стремительно, подобно тигру, кинулся на мавра и с такой силой вцепился ему в горло, прикрытое складками плаща, что солдат упал, успев издать крик тревоги.

Услышав сигнал бедствия, из палаток высыпали мавры и испанцы. Каждый испанец в одной руке держал зажженный факел, в другой – меч; мавры же молча, не зажигая света, скользили в темноте, словно хищники.

– Алан, ко мне! – крикнул великий магистр.

Пес, услышав этот голос, медленно, как бы с сожалением, отпустил свою жертву и, пятясь, не сводя глаз с мавра, который уже привстал на одно колено, сел у ног хозяина, готовый снова броситься вперед по первому его знаку.

В этот момент и появился Мотриль.

Великий магистр, повернувшись к нему с достоинством, которое выдавало в нем принца и по характеру, и по рождению, спросил:

– Кто расставил часовых в моем лагере? Отвечайте, Мотриль! Это ваш человек. Кто сюда его поставил?

– Что вы, сеньор, я никогда не посмел бы расставить часовых в вашем лагере! – с глубочайшим смирением ответил Мотриль. – Я лишь приказал этому преданному рабу, – показал он на мавра, который, стоя на коленях, двумя руками обхватил окровавленную шею, – стоять на страже, так как я боялся ночных неожиданностей, а он либо нарушил мой приказ, либо не узнал вашу милость. Но если он оскорбил брата моего короля и если сочтут, что оскорбление это заслуживает смерти, он умрет.

– Я этого не требую, – вздохнул великий магистр. – Человека делает виновным дурной умысел, а поскольку вы, сеньор Мотриль, ручаетесь, что он ничего злого не замышлял, я должен вознаградить его за резовость моего пса. Фернан, отдай свой кошелек этому человеку.

Фернан с отвращением подошел к раненому и швырнул ему кошелек, который тот поспешно подобрал.

– А теперь, сеньор Мотриль, благодарю вас за заботу, хотя я в ней и не нуждаюсь, – сказал дон Фадрике тоном человека, который не потерпит никаких возражений. – Для защиты мне довольно моей стражи и моего меча. Поэтому поберегите свой меч для защиты себя и ваших носилок. Теперь вам известно, что я больше не нуждаюсь ни в вас, ни в ваших людях, возвращайтесь в свой шатер, сеньор Мотриль, и спите спокойно.

Мавр поклонился, а дон Фадрике пошел дальше.

Мотриль подождал, пока он отойдет, и, когда фигуры принца, рыцаря и пажа растворились в темноте, подошел к часовому.

– Ты ранен? – шепотом спросил он.

– Да, – мрачно ответил часовой.

– Тяжело?

– Проклятый зверь впился клыками мне в шею.

– Сильно болит?

– Очень.

– Так ли велика твоя боль, чтобы ты не нашел сил для мести?

– Кто мстит, тот забывает о боли. Приказывайте!

– Я отдам тебе приказ, когда придет время. Пошли. И они вернулись в лагерь.

Пока Мотриль и раненый солдат возвращались в лагерь, великий магистр вместе с Аженором и Фернаном уходили все дальше по укутанной мраком равнине, которую на горизонте ограничивала горы Серра – Да-Эштрела. Время от времени он посылал то вперед, то назад пса, который, если бы за ними кто-то шел, наверняка почуял бы соглядатая.

Когда дону Фадрике показалось, что они отошли достаточно далеко и даже звук его голоса не достигнет лагеря, он остановился и положил руку на плечо рыцаря.

– Послушай, Аженор, – сказал он тем проникновенным голосом, который, казалось, идет из самого сердца, – больше никогда не говори со мной о той особе, чье имя ты произнес вслух. Ибо если ты заговоришь о ней при чужих, то лицо у меня покраснеет от смущения, а руки задрожат; если ты заговоришь о ней, когда мы будем наедине, то сердце мое дрогнет. Вот все, что я могу тебе сказать. Несчастливая донья Бланка не смогла добиться благосклонности своего царственного супруга: столь чистой и кроткой француженке он предпочел Марию Падилью, надменную и пылкую испанку. Целая печальная история, полная подозрений, вражды и крови, заключена в этих немногих словах, что я тебе сказал. Однажды, если потребуется, я расскажу тебе больше, но отныне, Аженор, сдерживай себя и больше не говори мне о ней. Я и без напоминаний слишком поглощен мыслями обо всем этом.

С этими словами дон Фадрике запахнул плащ, словно пытаясь уединиться и в его складках спрятать свое огромное горе.

Аженор задумчиво стоял рядом с великим магистром; он пытался, собрав все свои воспоминания, понять, чем он может ему помочь, и проникнуть в тайну своего друга; Аженор лишь догадывался, что в связи с этой тайной дон Фадрике и призвал его к себе.

Великий магистр понял, что творится в душе Аженора.

– Вот и все, что я хотел тебе сказать, друг мой, – прибавил он. – Отныне ты будешь жить подле меня, и, поскольку я не буду остерегаться моего брата, поскольку не буду говорить с тобой о донье Бланке, а ты не будешь спрашивать меня о ней, ты, разумеется, сможешь в конце концов измерить глубину той бездны, что повергает в ужас меня самого. Но сейчас мы едем в Севилью, где меня ждут празднества по случаю турнира. Мой брат-король желает оказать мне честь, а посему, как видишь, прислал ко мне дону Мотриля, своего советника и друга.

Услышав имя мавра, Фернан скорчил гримасу ненависти и презрения.

– Поэтому я и подчиняюсь ему, – продолжал дон Фадрике, как бы отвечая самому себе. – Но когда мы уезжали из Коимбры, у меня уже возникли подозрения, и слежка, которую устроили за мной, их подтвердила. Мне надо быть начеку. У меня есть не только мои глаза, но и глаза моего преданного слуги Фернана. А если Фернан будет вынужден покинуть меня с каким-нибудь тайным, необходимым поручением, то его заменишь ты, ибо я равно люблю вас обоих как близких моих друзей.

Дон Фадрике поочередно протянул руку каждому из них; Аженор почтительно прижал ладонь великого магистра к сердцу, а Фернан осыпал ее поцелуями.

– Сеньор, я счастлив любить вас и быть любимым вами, – сказал Молеон, – но я приехал слишком поздно, чтобы успеть заслужить столь пылкую дружбу.

– Ты будешь нам братом, – ответил великий магистр, – войдешь в наши сердца так же, как мы вошли в твое сердце. И с этой минуты давайте говорить лишь о празднествах и о прекрасных поединках на копьях, что уготовила нам Севилья. Пойдемте назад в лагерь.

За первой же палаткой, которую он обошел, дон Фадрике столкнулся с бодрствующим Мотрилем; он остановился и посмотрел на мавра, не в силах скрыть досаду, вызванную его неслыханной назойливостью.

– Сеньор, – обратился мавр к дону Фадрике, – когда я увидел, что в лагере никто не спит, мне пришла в голову мысль: поскольку днем стоит жгучая жара, не угодно ли будет вашей светлости сию же минуту отправиться в путь? Светит луна, ночь тиха и прохладна, и вы сократите часы нетерпеливого ожидания короля, брата вашего.

– А как же вы, ваши носилки? – спросил великий магистр.

– Помилуйте, сеньор! – воскликнул мавр. – Я и все мои люди повинемся вашей милости.

– Хорошо, едем, я согласен, – сказал дон Фадрике. – Распорядитесь выступать.

Пока седлали лошадей и мулов, пока сворачивали палатки, Мотриль подошел к раненому часовому.

– Если этой ночью мы сделаем десять льё, то пересечем ли первую горную цепь? – спросил он.

– Да, – ответил солдат.

– А если завтра мы выйдем в семь вечера, то когда доберемся до брода через Зезири?

– В одиннадцать часов.

В указанный солдатом час они добрались до реки. Как и рассчитывал мавр, ехать ночью было очень приятно всем, а особенно самому Мотрилю, которому было легче скрывать носилки от любопытных взглядов Мюзарона, ибо у достойного оруженосца была одна-единственная забота – узнать, что за сокровище спрятано в позолоченном коробе, который так тщательно охраняет Мотриль.

Поэтому, будучи истинным сыном Франции, он, не обращая никакого внимания на совершенно непривычный для него климат, в полуденное пекло принялся бродить вокруг носилок.

Солнце жгло немилосердно; лагерь опустел. Дон Фадрике, чтобы никто не мешал ему предаваться раздумьям, удалился к себе в палатку. Фернан и Аженор беседовали в своей палатке, когда на пороге вдруг возник Мюзарон.

У оруженосца была сияющая физиономия человека, который почти нашел то, что давно искал.

– Сеньор Аженор, я сделал великое открытие! – воскликнул он.

– Какое же? – спросил рыцарь, привыкший к его шутовским выходкам.

– Мотриль разговаривает с носилками, а те ему отвечают.

– И о чем они говорят? – поинтересовался рыцарь.

– Я хорошо слышал разговор, но не смог его понять, – ответил Мюзарон, – ведь мавр говорил по-арабски.

Рыцарь пожал плечами.

– Что вы на это скажете, Фернан? – спросил он. – Вот, если верить Мюзарону, заговорило и сокровище донна Мотриля.

– Здесь нет ничего удивительного, потому что сокровище донна Мотриля – это женщина, – ответил паж.

– Вот оно что, – в полной растерянности пробормотал Мюзарон.

– Молодая? – игриво спросил рыцарь.

– Возможно.

– Красивая?

– О, сеньор рыцарь, вы слишком многого от меня требуете, это вопрос, на который сможет ответить мало кто даже из свиты донна Мотриля.

– Прекрасно! Я сам все узнаю, – решительно объявил Аженор.

– Каким образом?

– Раз Мюзарону удалось подобраться к носилкам, то и я проберусь не хуже него. Мы, горные охотники, привыкли бесшумно скользить со скалы на скалу и врасплох застигать серну на самых вершинах. Дон Мотриль вряд ли окажется более осторожным и пугливым, чем серна.

– Будь по-вашему! – воскликнул Фернан, также захваченный азартом юности. – Но при одном условии – с вами пойду и я.

– Пойдемте, а Мюзарон посторожит нас.

Аженор не ошибся, и все эти предосторожности даже оказались излишними.

Было одиннадцать часов утра. Африканское солнце палило нещадно, и лагерь казался обезлюдившим; испанские и мавританские часовые попрятались в тени, кто под скалой, кто под одиноким деревом, и, если бы не палатки, ненадолго оживившие этот пейзаж, могло показаться, что ты находишься в пустыне.

Палатка дона Мотриля стояла на отшибе. Чтобы еще больше удалить ее от людей или в надежде найти чуть прохлады, Мотриль поставил ее в небольшой рощице. Он велел внести носилки в палатку, а вход завесить пологом из турецкой парчи, чтобы чужие взгляды не проникали внутрь. Именно эту палатку, где хранилось сокровище, Мюзарон и показал пажу и Аженору. Оставив Мюзарона на том месте, где он находился и откуда мог видеть, что происходит у той стенки палатки, которая была обращена к лагерю, молодые люди сделали круг и вышли на опушку рощи; потом, затаив дыхание и бесшумно ступая, прошли вперед, осторожно раздвигая ветви, шелест которых мог бы их выдать, и добрались, не услышанные доном Мотрилем, до круглого полотняного шатра, где тот находился вместе со своими носилками. Увидеть они ничего не могли, но зато все слышали.

– Жаль, что из их разговора мы ничего не узнаем, – вздохнул Аженор, – ведь они говорят по-арабски.

Фернан приложил к губам палец.

– Я понимаю по-арабски, – шепнул он, – дайте мне послушать.

Паж прислушался, а рыцарь погрузился в молчание.

– Странно, они говорят о вас, – сказал Фернан, который на минуту весь обратился в слух.

– Обо мне? Невероятно! – прошептал Аженор.

– Ну да, я не мог ошибиться.

– И что они говорят?

– Пока говорил только дон Мотриль. Он спросил: «Это рыцарь с красным султаном на шлеме?»

И в этот миг певучий, слабый голос – казалось, что он рассыпает янтарь и нежным эхом отзывается в сердце, – ответил:

– Да, молодой и красивый рыцарь с красным султаном.

– Конечно, молодой, ему ведь едва исполнилось двадцать, но красивым я его не назову.

– Он умело носит оружие и, кажется, храбрый.

– Храбрый? Разбойник он! Пиренейский стервятник, который приехал терзать труп нашей Испании!

«Что он сказал?» – спросил Аженор. Паж, смеясь, повторил ему слова Мотриля. Рыцарь покраснел, схватился за рукоять меча и даже наполовину вытащил его из ножен. Фернан придержал его руку.

– Сеньор, это же плата за любопытство. Не сомневаюсь, сейчас и мне достанется, давайте послушаем, – предложил он.

Нежный голос продолжал говорить по-арабски:

– Это первый рыцарь из Франции, которого я вижу, так простите же мое любопытство. Французские рыцари славятся своей учтивостью, так все говорят. Он на службе у короля дона Педро?

– Аисса! Не говорите мне больше об этом молодом человеке, – со сдержанной яростью сказал Мотриль.

– Вы сами рассказали мне о нем, – возразил мелодичный голос, – когда мы повстречали его в горах, и, сперва пообещав мне сделать привал в рощице, где рыцарь оказался раньше нас, стали, несмотря на мою усталость, убеждать, что нужно потерпеть, чтобы приехать в Коимбру раньше французского сеньора и не дать ему раньше нас встретиться с доном Фадрике.

Фернан удерживал рукой рыцаря; ему показалось, что завеса разорвалась и обнажила тайну мавра. «О чем он говорит?» – спросил рыцарь.

Фернан повторил слова Мотриля.

А тем временем мелодичный голос, чьи звуки проникали в самое сердце рыцаря, что-то говорил, хотя Аженор и не понимал слов.

– Если он трус, почему же вы его боитесь?

– Я никому не доверяю, но никого не боюсь, – ответил Мотриль. – К тому же считаю, что вы напрасно интересуетесь человеком, которого больше никогда не увидите.

Последние слова Мотриль произнес так выразительно, что не оставалось сомнений в их смысле; поэтому Аженор по знаку, который ему сделал паж, понял, что тот услышал нечто очень важное.

– Будьте крайне осторожны, господин де Молеон, – сказал он. – То ли по соображениям политическим, то ли по причине ревнивой ненависти, вы имеете в лице дона Мотриля врага.

Аженор презрительно усмехнулся.

Оба вновь прислушались, но больше ничего не услышали. Через несколько секунд они увидели из-за деревьев Мотриля, который вышел от Аиссы и пошел в сторону палатки дона Фадрике.

– Мне кажется, пора взглянуть на эту прекрасную Аиссу, которая с такой симпатией относится к французским рыцарям, и поговорить с ней, – сказал Аженор.

– Взглянуть можно, – согласился Фернан. – Поговорить нельзя. Неужели вы думаете, что Мотриль мог уйти, не поставив часовых у входа?

И острием кинжала Фернан разрезал шов палатки; сквозь образовавшуюся узкую щель можно было заглянуть внутрь.

Аисса полулежала на ложе, устланном расшитой золотыми узорами красной тканью; она загадочно улыбалась каким-то своим грезам, что свойственно женщинам Востока, вся жизнь которых отдана пылкой чувственности. Одной рукой она держала музыкальный инструмент, который называется гузла.⁵⁴ Другую она погрузила в убранные нитями жемчуга черные волосы, оттенявшие ее нежные, тонкие пальцы с алыми ногтями. Ее темные с поволокой глаза, опущенные мягкими длинными ресницами, казалось, хотели получше рассмотреть того, кого она видела в своих мечтаниях.

– Как она прекрасна! – прошептал Аженор.

– Не забывайте, сеньор, что она мавританка, а значит, врагиня нашей святой веры, – заметил Фернан.

– Пустяки! – воскликнул Аженор. – Я обращу ее в христианство.

В этот миг они услышали покашливание Мюзарона. Это был условный сигнал, который он должен был подать, – если к рожице будут приближаться чужие люди; так же осторожно, как и раньше, молодые люди вернулись назад. Выйдя на опушку, они увидели, что по севильской дороге мчится небольшой отряд – примерно с дюжину арабских и кастильских всадников. Они подъехали к Мотрилю, который, заметив их, остановился в нескольких шагах от палатки великого магистра. Эти всадники прибыли от короля дона Педро и привезли его брату новое письмо. Вместе с письмом они доставили записку и для Мотриля. Мавр прочел ее и вошел в палатку дона Фадрике, попросив гонцов немного подождать на тот случай, если великий магистр потребует каких-либо разъяснений.

– Ну что там еще! – возмутился великий магистр, увидев Мотриля на пороге палатки.

– Сеньор, смелости побеспокоить вас мне придало послание от нашего все милостивейшего короля, которое я хотел незамедлительно вручить вам, – ответил мавр.

И он протянул дону Фадрике письмо, которое тот взял не без нерешительности. Но лицо великого магистра просветлело, едва он пробежал глазами первые строки.

Письмо гласило:

---

⁵⁴ Гузла – смычковый музыкальный инструмент с одной струной.

«Возлюбленный брат мой!

Поспеши, ибо мой двор уже полон рыцарей из разных стран. Севилья ликует, ожидая приезда отважного великого магистра ордена Святого Иакова. Все, кого ты возьмешь с собой, будут желанными гостями, но не обременяй себя в дороге большой свитой. Видеть тебя – будет мое блаженство, видеть как можно скорее – будет мое счастье».

В эту минуту Фернан и Аженор, которых несколько встревожило появление нового отряда, подъехавшего к палатке великого магистра, вошли в нее.

– Возьмите, – сказал дон Фадрике, протягивая Аженору письмо короля. – Прочтите и сами убедитесь, какой нам будет оказан прием.

– Не соизволит ли ваша светлость обратить слова приветия к тем, кто привез письмо? – спросил Мотриль.

Дон Фадрике утвердительно кивнул и вышел; потом, когда он поблагодарил гонцов за их быстроту, ибо ему сказали, что они домчались из Севильи всего за пять дней, Мотриль тоже обратился к командиру отряда.

– Я забираю твоих солдат, чтобы увеличить почетный эскорт великого магистра, – объявил он. – А ты лети назад к королю дону Педро быстрее ласточки и передай ему, что принц на пути в Севилью.

И шепотом прибавил:

«Поезжай и скажи королю, что я не вернусь без той улики, добыть которую я ему обещал».

Арабский всадник молча склонил голову и, даже не освежив глотком воды ни себя, ни коня, стрелой поскакал в обратный путь.

Это распоряжение, сделанное шепотом, не ускользнуло от Фернана, который, хотя он и не знал, о чем шла речь, поскольку не смог слышать слов Мотриля, почел долгом предупредить своего господина, что этот поспешный отъезд только что прибывшего командира отряда – к тому же мавра, а не кастильца – кажется ему весьма подозрительным.

– Послушай, – сказал ему великий магистр, как только они остались наедине. – Опасность, если она и существует, не может угрожать ни мне, ни тебе, ни Аженору. Мы мужчины сильные и опасности не боимся. Но в замке Медина-Сидония заключено слабое и незащищенное существо, женщина, которая уже претерпела слишком много страданий ради меня и из-за меня. Ты должен покинуть меня, должен ехать к ней, тебе необходимо любыми способами – их выбор я оставляю за твоей смекалкой – проникнуть к ней и предупредить, чтобы она берегла себя. Все, что я не смогу доверить письму, передашь на словах.

– Я поеду, когда вы прикажете, – ответил Фернан. – Вы же знаете, что можете располагать мной.

Дон Фадрике сел за стол и написал на пергаменте несколько строк, под которыми поставил свою печать; но закончить он не успел, так как в палатку вошел вездесущий мавр.

– Вот видите, я тоже пишу королю дону Педро, – сказал великий магистр. – Я посчитал, что передать лишь устный ответ с вашим гонцом означает, будто я слишком равнодушно принял его послание. Завтра утром я отправлю свое письмо с Фернаном.

Мавр молча поклонился; он видел, что великий магистр вложил пергамент в вышитый жемчугом мешочек, который передал пажу.

– Теперь знаешь, как тебе поступать? – спросил он.

– Да, ваша милость, знаю.

– Но почему ваша светлость, желающая блага французскому рыцарю, не посылает его вместо пажа, который необходим вам? – спросил Мотриль. – Я дал бы ему эскорт из четверых моих людей, и, вручив королю письмо, письмо от его брата, он сразу же снискал бы милость короля, которую вы рассчитываете добиться для него.

Лукавство мавра на мгновение привело в замешательство дона Фадрике, но Фернан пришел ему на помощь.

– Мне кажется, к королю Кастилии следует послать испанца, – сказал он великому магистру. – Кстати, ваша светлость выбрала меня первым, и, кроме того, что этот приказ абсолютно не подлежит отмене, я желаю сохранить за собой честь исполнить эту миссию.

– Прекрасно, ничего в наших решениях мы менять не будем, – ответил дон Фадрике.

– Здесь повелевает ваша милость, у всех нас лишь одна обязанность – исполнять ваши приказы, ну а я пойду отдам свои приказания, – сказал Мотриль.

– Для чего?

– Для подготовки к отъезду. Разве мы не договорились, что, как вчера, поедем ночью? Неужели вашей светлости не понравился наш ночной переход?

– Наоборот, очень понравился.

– Вот и хорошо! У нас всего часа два светлого времени, поэтому скоро в дорогу.

– Отдайте нужные приказы, а я буду готов. Мотриль вышел.

– Слушай, нам придется переправляться через реку, которая берет начало в Серра – Да-Эштрела и впадает в Тахо, – сказал дон Фадрике пажу. – Во время переправы всегда ненадолго возникает беспорядок, ты воспользуешься им, перейдешь на тот берег и, не останавливаясь, поедешь дальше, ибо я не думаю, чтобы тебе больше меня был нужен эскорт, который предлагал нам мавр. Только будь очень осторожен в пути и гораздо осторожнее, когда приедешь на место, ты ведь знаешь, как строго за ней следят.

– Да, ваша милость, знаю.

Мотриль не терял ни секунды, отдавая необходимые распоряжения. Караван двинулся в путь в привычном порядке: впереди ехали мавританские всадники, которые проверяли дорогу, за ними следовал великий магистр под присмотром Мотриля, а в хвосте шли носилки и арьергард.

В десять часов они перевалили через горы и вновь спустились в долину. Часом позже за растущими на горном склоне деревьями промелькнула полоска, похожая на длинную извилистую ленту, в разных местах которой луна высекала мириады искр.

– Вот и Зезири, – сказал Мотриль. – С позволения вашей милости, я пошлю искать брод.

Для дона Фадрике это была возможность ненадолго побыть одному с Аженором и Фернаном. Поэтому он поспешил кивнуть головой мавру в знак согласия.

Мотриль, как нам известно, глаз не спускал с носилок; поэтому, сделав крюк, он проехал в хвост каравана, охраняя свое сокровище, которое так сильно занимало мысли Мюзарона до тех пор, пока он не узнал, что оно собой представляет.

– Настал и мой черед просить разрешения у вашей светлости, – сказал Аженор. – Мы, французы, привыкли переходить реки там, где они нам встретились, и я хотел бы оказаться на том берегу вместе с мавром.

Это был еще один способ предоставить великому магистру возможность без свидетелей дать последние указания Фернану.

– Поступайте как сочтете нужным, – сказал он Молеону, – но не рискуйте бесполезно. Вы ведь знаете, как вы мне нужны.

– Ваша милость найдет нас на том берегу, – ответил Аженор.

И, описав в обратном направлении ту же дугу, которую проделали мавр и его носилки, рыцарь и Мюзарон исчезли в горных отрогах.

V. Переправа

Мавр, выехавший раньше, первым оказался у реки.

Вероятно, либо по дороге в Коимбру, либо во время другой поездки он уже примерил брод, который узнал, ибо сразу же спустился к самой воде, оказавшись по пояс в зарослях олеандра,⁵⁵ который в южной части Испании и Португалии почти всегда растет по берегам рек. По его сигналу ездовые, что везли носилки, взяли мулов под уздцы и после того, как Мотриль показал им точную дорогу – идти надо было на заметную апельсиновую рощу на другом берегу, – сошли к реке и перешли ее в брод; вода доходила мулам до брюха. Хотя Мотриль был совершенно уверен, что брод неопасен, он не спускал глаз с драгоценных носилок до тех пор, пока те не оказались на другом берегу в полной безопасности. Лишь тогда он огляделся и наклонился к зарослям олеандра.

– Ты здесь? – спросил он.

– Да, – послышалось в ответ.

– Ты ведь признаешь пажа?

– Это тот, кто свистком подозвал пса.

– Письмо – в мешочке, а мешочек – в маленькой охотничьей сумке, которую он носит на боку. Она-то мне и нужна.

– Она будет у вас, – ответил мавр.

– Значит, я могу его звать? Ты на посту?

– Я буду там вовремя.

Мотриль вновь поднялся на высокий берег реки и подъехал к дону Фадрике и Фернану.

В это время Аженор и Мюзарон уже добрались до отлогого берега, и, даже не думая о глубине реки, рыцарь смело направил коня в воду.

У берегов было совсем неглубоко. Поэтому рыцарь и оруженосец медленно, постепенно погружались в воду. Пройдя три четверти брода, конь потерял дно, но, удерживаемый поводьями и ласками седока, изо всех сил поплыл и вскоре, шагов через двадцать, снова нащупал дно. Мюзарон, словно тень, следовал за своим господином, и, проделав тот же маневр, целым и невредимым перебрался на другой берег. По обыкновению, он хотел было вслух похвалить себя за геройство, но Молеон, приложив палец к губам, сделал ему знак молчать. Итак, оба выбрались на берег, и никто ничего не услышал; кроме легкого всплеска воды, ни один шорох не выдал Мотрилю, что рыцарь переправился через реку.

Выехав на берег, Аженор остановился, спешился и отдал поводья Мюзарону, потом, сделав крюк, вышел на дальнюю опушку у апельсиновой рощи и увидел перед собой золотой фриз носилок, поблескивающий в лунном свете; впрочем, даже если бы рыцарь и не знал, где они стоят, он нашел бы их без труда. Тревожные звуки гузлы звенели в ночи и указывали, что Аисса, желая отвлечься и ожидая, пока ее страж переправится через реку, искала утешения в музыке. Сперва слышались лишь бессвязные аккорды, какая-то неопределенная мелодия, которую рассеянно наигрывали пальцы музыкантши, словно пуская звуки по ночному ветру. Но аккорды сменились словами, которые, хотя они и представляли собой перевод с арабского, девушка пела на чистейшем кастильском наречии. Значит, прекрасная Аисса знала испанский, и рыцарь мог поговорить с ней; Аженор подходил все ближе, влекомый музыкой и голосом.

Аисса раздвинула шторы носилок с той стороны, которая не выходила на реку; два погонщика мулов, вероятно повинувшись приказу господина, отошли шагов на двадцать. Девушка возлежала в носилках, освещенная ярким светом луны, что плыла в безоблачном небе. Поза ее, как и пристало истинным дочерям Востока, дышала природной грацией и глубокой чувствен-

---

⁵⁵ Олеандр – род вечнозеленых кустарников, растущих в странах Средиземноморья и в субтропической Африке.

ностью. Казалось, она всей кожей впитывает ароматы ночи, теплым южным ветром принесенные из Сеуты⁵⁶ в Португалию. Аисса пела:

Фонте Фрида, ключ студень,
Ключ любви, как он глубок,
Ключ, что всякую пичугу
Исцеляет от забот.
Только горлинка тоскует,
Как вдовица, слезы льёт.
Соловей там появился,
Сладким голосом поет,
Говорит голубке речи.
Речи сладкие, как мед:
«Быть слугой твоим, сеньора,
Я хотел бы, если б мог». —
«Ах, изыди враг, обманщик,
Ты зачем меня увлек!
Нет мне отдыха на ветке,
Мне постыл цветущий лог.
Мутной чудится водою
Мне прозрачный ручеек».⁵⁷

Когда она пропела последние слова и в воздухе стройно прозвучали последние аккорды, рыцарь, который уже был не в силах совладать с собой, вышел в озаренное луной пространство между рощей и носилками. Если бы женщина Запада увидела, как перед ней внезапно возник незнакомый мужчина, она бы закричала и позвала на помощь. Прекрасная мавританка не сделала ни того ни другого; приподнявшись на левой руке, она правой вынула из ножен маленький кинжал, который носила на поясе; но, узнав рыцаря, тут же вложила кинжал в ножны и, подперев голову нежной, округлой рукой, подала ему знак бесшумно подойти к ней. Аженор повиновался. Длинные шторы носилок и покрывавшие мулов попоны образовывали своеобразную стенку, которая скрывала их от взглядов двух стражников, поглощенных, кстати, наблюдением за приготовлениями к переправе Фернана и дона Фадрике. Поэтому рыцарь смело подошел к носилкам, взял руку Аиссы и поднес ее к губам.

– Аисса любит меня, а я люблю Аиссу, – сказал он.

– Скажи, неужели все люди твоей страны некроманты,⁵⁸ что умеют читать в женском сердце тайны, которые они поверяют лишь ночи и одиночеству? – спросила она.

– Нет, – ответил рыцарь, – но они знают, что любовь призывает любовь. Или я, к несчастью своему, ошибаюсь?

– Ты же знаешь, что нет, – возразила девушка. – С тех пор как дон Мотриль возит меня в своей свите и стережет так, будто я ему жена, а не дочь, предо мной прошло много самых красивых мавританских и кастильских кавалеров, хотя я даже не отрывала глаз от жемчужинок на моем браслете и мыслями не отвлекалась от молитвы. Но с тобой все было иначе: в ту минуту когда я увидела тебя в горах, мне тут же захотелось выскочить из носилок и бежать за тобой. Тебя удивляет, что я так говорю, но я ведь не живу в городах. Я одинокий цветок, и,

---

⁵⁶ Сеута – старинный город в Африке у входа в Гибралтарский пролив; основан финикийцами в VII в. до н. э.; в начале VIII в. был захвачен арабами, которые превратили его в свою крепость и удерживали до начала XV в.

⁵⁷ Перевод с испанского Д. Самойлова

⁵⁸ Некроманты – предсказатели будущего, разгадывающие тайны, вызывая дух мертвых.

как цветок, что отдает свой аромат тому, кто его сорвал, и погибает, я отдам тебе свою любовь, если ты этого пожелаешь, и умру, если ты отвергнешь мою любовь.

Так же как Аженор был первым мужчиной, на котором прекрасная мавританка остановила свой взор, так и она была первой женщиной, столь нежно затронувшей его сердце благодаря гармонии ее голоса, жестов и взгляда. Поэтому он уже был готов дать ответ на это странное признание девушки, не таившей своей любви, а откровенно говорившей о ней, как вдруг раздался мучительный, глубокий, предсмертный крик, который заставил вздрогнуть Аженора и девушку. Одновременно они услышали с другого берега голос великого магистра, который кричал:

– На помощь, Аженор! На помощь! Фернан тонет! Девушка быстро выглянула из носилок и, коснувшись губами лба молодого человека, спросила:

– Я ведь вновь увижу тебя, правда?

– О да, клянусь душой! – воскликнул Аженор.

– Беги же спасти пажа, – сказала она и, оттолкнув его одной рукой, другой задернула шторы.

Сделав два огромных прыжка в сторону, рыцарь очутился на берегу реки. В одно мгновение он отвязал меч и сбросил шпоры. К счастью, он был без доспехов, что позволило ему броситься к тому месту, где, как указывал водоворот, исчез паж.

А случилось вот что.

Мы уже сказали, что Мотриль, переправив носилки и дав последние указания мавру, прятавшемуся в зарослях олеандра, вернулся к великому магистру и Фернану, которые в ста шагах от берега ждали его вместе со свитой.

– Сеньор, брод найден, и, как ваша светлость мог видеть, носилки благополучно перешли на тот берег, – сказал мавр.

Но для большей безопасности я сам прежде провожу вашего пажа, потом вас, а уж затем пойдут мои люди.

Это предложение как нельзя лучше отвечало желаниям великого магистра, которому и в голову не пришло что-либо возразить. В самом деле, ничто иное не могло лучше помочь осуществлению плана, который замыслили Фернан и дон Фадрике.

– Отлично, – сказал он Мотрилю. – Сначала переправится Фернан, и поскольку он должен раньше нас успеть в Севилью, то поедет дальше, а мы тем временем перейдем через реку.

Мотриль поклонился в знак того, что не видит никакого препятствия для исполнения воли великого магистра.

– Имеете ли вы что-нибудь сообщить королю дону Педро, брату моему, с этой же okazji? – спросил дон Фадрике.

– Нет, ваша милость, – ответил мавр. – Мой гонец уже ускакал и будет на месте раньше вашего.

– Прекрасно, – сказал дон Фадрике. – Тогда, вперед!

Пока они спускались к реке, великий магистр нежно увещевал Фернана быть осторожным; он очень любил пажа, которого взял к себе еще ребенком, и юноша был искренне предан ему. Вот почему дон Фадрике мог доверять ему свои самые сокровенные тайны.

Мотриль ждал у самой воды. Вокруг было тихо. Залитая лунным светом местность, казавшаяся неровной из-за огромных, отбрасываемых горами теней – ее, словно зарницы, освещали яркие блики реки, – выглядела каким-то призрачным, волшебным царством. Самый недоверчивый человек, успокоенный этой тишиной и этой светлой ночью, не пожелал бы поверить в присутствие опасности, даже если бы его о ней и предупредили. Поэтому Фернан, по характеру смелый и не боявшийся риска, без всякой боязни направил коня вслед за мулом мавра.

Мотриль ехал впереди. Шагов пятнадцать конь и мул ступали по дну; но мавр едва заметно взял вправо.

– Вы сходите с брода, Мотриль! – кричал дон Фадрике с берега. – Осторожно, Фернан, осторожно!

– Не бойтесь, ваша милость, – ответил Мотриль, – я ведь еду впереди. Если бы возникла опасность, я первым столкнулся бы с ней.

Ответ был убедительным. Поэтому, хотя мавр все больше отклонялся от прямой линии брода, у Фернана не возникло подозрений. Кстати, может быть, это был прием, с помощью которого его вожатый мог с меньшими усилиями преодолеть течение. Мул мавра потерял дно, и конь Фернана тоже поплыл; но это пажа мало волновало, потому что он был способен переплыть реку в случае, если пришлось бы бросить коня.

Великий магистр продолжал наблюдать за переправой с возрастающей тревогой.

– Вы отклоняетесь в сторону, Мотриль! В сторону! – кричал он. – Держитесь левее, Фернан.

Но, чувствуя под собой уверенно плывущее животное, Фернан – кстати, мавр по-прежнему был впереди – ничуть не боялся этой переправы, в которой видел лишь забаву, и, повернувшись на седле, крикнул своему господину:

– Не беспокойтесь, ваша милость, я на верном пути, ведь передо мной дон Мотриль.

Но когда он обернулся назад, перед ним промелькнуло какое-то странное видение; ему показалось, что в пенном следе, который оставлял за собой его конь, он увидел голову мужчины, сразу же, едва Фернан повернулся, ушедшего под воду, хотя не настолько быстро, чтобы паж не успел его заметить.

– Сеньор Мотриль, по-моему, мы действительно потеряли брод, – сказал он мавру. – Ваши носилки прошли в другом месте, и, если я не ошибаюсь, это они сверкают на опушке апельсиновой рощи, совсем влево от нас.

– Тут просто немного глубже, – возразил мавр, – и сейчас мы снова ступим на дно.

– Тебя же сносит, сносит! – кричал дон Фадрике, хотя Фернан и мавр уже настолько удалились от берега, что его голос едва долетал до юноши.

– Вправду сносит, – сказал слегка встревоженный Фернан, видя тщетные усилия коня, которого тащила по течению какая-то неведомая сила, тогда как Мотриль, уверенно правивший мулом, находился слева, довольно далеко от пажа.

– Сеньор Мотриль, это измена! – вскричал паж.

Едва он произнес эти слова, его конь вдруг жалобно застонал и, завалившись на левый бок, с силой забил задней правой ногой по воде, но не так, как если бы он плыл вперед. И сразу же заржал еще жалостнее, и его задняя левая нога повисла. Тогда круп коня, державшегося на плаву только передними ногами, стал медленно погружаться в воду.

Фернан понял, что настал момент броситься вплавь, но он напрасно пытался вытащить ноги из стремян: он почувствовал, что привязан к коню.

– На помощь! На помощь! – кричал Фернан.

Этот жалобный крик и услышал Аженор; он вырвал его из восторженного оцепенения, в которое погрузили рыцаря красота и голос прекрасной мавританки.

Конь уходил под воду: только его ноздри виднелись над поверхностью реки и шумно фыркали; передними ногами он бил по воде, разбрасывая брызги.

Фернан хотел еще раз позвать на помощь, но тайная сила, которой он тщетно пытался сопротивляться, вместе с конем увлекла его в бездну; лишь воздетая к небу рука, словно зывая к отмщенью или умоляя о помощи, на миг взметнулась над волнами, но тут же исчезла. И на поверхности реки можно было видеть лишь окровавленные пузыри, которые водоворот поднимал со дна.

Два друга бросились на крик Фернана: с одного берега Аженор, как мы уже сказали, а с другого пес, который привык отзываться на голос пажа почти так же беспрекословно, как и на голос своего хозяина.

Оба искали напрасно, хотя Аженор видел, как пес раза три нырял в одном и том же месте; кажется, на третий раз он вынырнул, держа в тяжело дышащей пасти обрывок ткани и, словно вырвав этот клочок, он сделал все, что было в его силах, Алан выплыл на берег и улегся у ног хозяина; послышался тот мрачный, отчаянный вой, который способен посреди ночи заставить содрогнуться самые бесстрашные сердца. Обрывок ткани – вот все, что осталось от Фернана.

Ночь прошла в бесплодных поисках. Дон Фадрике переправился через реку без происшествий и всю ночь провел на берегу. Он не мог решиться покинуть эту зыбкую могилу, из которой, как он еще надеялся, каждую секунду мог появиться его друг.

У его ног скулил пес.

Аженор, задумчивый и мрачный, держал в руке обрывок ткани, который притащил пес, и с явным нетерпением ждал рассвета.

Мотриль, который долго бродил, пригнувшись к земле, в зарослях олеандра, как будто разыскивая юношу, вернулся с убитым лицом, приговаривая: «Аллах! Аллах!» и пытаясь утешать великого магистра теми пустыми фразами, что лишь усугубляют горе страдающего.

Встало солнце, и первые его лучи озарили Аженора, сидевшего у ног великого магистра. Очевидно, рыцарь нетерпеливо ждал этой минуты, ибо, едва солнечный свет проник в палатку, он подошел к выходу и с глубоким вниманием осмотрел кусок ткани, вырванной из куртки несчастного пажа.

Этот осмотр, вероятно, подтвердил его подозрения, потому что он, горестно покачав головой, сказал:

– Сеньор, все это не только печально, но и очень странно.

– Да, очень печально и очень странно, – согласился дон Фадрике. – За что Провидение послало мне это горе?

– Ваша милость, я думаю, что во всем этом следует винить не Провидение. Взгляните на последнюю реликвию, оставшуюся от друга, которого вы оплакиваете.

– Глаза мои поблекнут от слез, глядя на нее, – сказал дон Фадрике.

– Неужели вы ничего не заметили, сеньор!?

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что куртка несчастного Фернана была бела, как облачение ангела. Я хочу сказать, что вода в реке чиста и прозрачна как хрусталь, а кусок этой ткани, взгляните, ваша милость, красноватого цвета. На этой ткани кровь.

– Кровь?

– Да, монсеньер.

– Алан тоже поранил себя, пытаясь спасти того, кого он любил. Вот видите, у него на голове кровавый след.

– Сперва я тоже так считал, ваша милость, но как я ни осматривал пса, ни одной раны у него не нашел. Это не его кровь.

– Но разве сам Фернан не мог разбиться о камень?

– Ваша милость, я нырял в том месте, где он исчез, там глубина больше двадцати футов.

Но вот это может навести нас на след. Видите дырку на ткани?

– След от зубов пса.

– Нет, монсеньер! Вот, здесь прекрасно видно, что тут пес вцепился зубами. А вот прорезь, сделанная острым оружием, лезвием кинжала.

– О какая зловещая мысль! – воскликнул дон Фадрике, вскочив с места; он был бледен, волосы у него растрепались, в глазах горела ярость и ужас. – Ты прав! Прав! Фернан был отличный пловец; его конь, выращенный в моих конюшнях, сотни раз пересекал куда более бурные реки, чем эта. Здесь пахнет преступлением, Аженор, преступлением!

– Я не сомневался бы в этом, сеньор, если б знал, в чем дело.

– Верно, ты же ничего не знаешь... Тебе же неизвестно, что, выбравшись на тот берег, Фернан должен был покинуть меня, но не для того, чтобы ехать к королю дону Педро, как я сказал мавру, который этому не поверил, а чтобы выполнить одно мое поручение. Бедный мой друг! Мой такой преданный и такой надежный наперсник, чье сердце было открыто лишь одному мне! Увы! Он погиб ради меня и по моей вине!

– Да будет так, монсеньер, это долг всех нас – умереть за вашу светлость.

– О, кто знает, какие страшные последствия может повлечь за собой эта смерть! – прошептал дон Фадрике, словно отвечая своим мыслям.

– Пусть я не столь близкий ваш друг, как Фернан, – с грустью сказал рыцарь, – но я унаследую ваше доверие к нему, буду служить вам так, как служил он.

– Ты верно говоришь, Аженор! – сказал принц, протягивая ему руку и глядя на него с той нежностью, которую люди всегда с изумлением замечали во взгляде этого столь властного человека. – Я разделил свое сердце надвое: одна половина была отдана тебе, другая была отдана Фернану. Фернан погиб, отныне ты остался моим единственным другом, и я докажу тебе это, поведав, какое задание получил от меня Фернан. Он должен был отвезти письмо твоей соотечественнице, королеве донье Бланке.

– Ах, вот в чем причина! – воскликнул Аженор. – И где же было письмо?

– Письмо лежало в маленьком ягдташе, что висел у него на поясе. Если Фернан в самом деле был убит, а я, как и ты, теперь в этом уверен, если убийцы утащили труп, который мы не нашли, в какое-нибудь далекое, пустынное место на берегу реки, то тайна моя раскрыта, и мы пропали.

– Но если все так, как вы говорите, ваша милость, вам нельзя ехать в Севилью! – вскричал Аженор. – Бегите! Вы еще совсем близко от Португалии, чтобы беспрепятственно вернуться в ваш славный город Коимбру и укрыться за его надежными стенами.

– Не ехать в Севилью означает бросить ее одну, бежать – значит вызвать подозрения, которых пока не существует, если смерть Фернана представляет собой всего лишь обычное несчастье. Впрочем, дон Педро держит в своих руках донью Бланку, а благодаря этому и меня. Я поеду в Севилью.

– Но в таком случае, чем я могу быть вам полезен? – спросил рыцарь. – Не могу ли я заменить Фернана? Разве вы не можете дать мне такое же письмо, какое дали ему, в знак гарантии того, что я послан вами? Я не шестнадцатилетний мальчик, я ношу не легкую суконную куртку с шелковой подкладкой, а крепкие доспехи, о которые сломалось немало кинжалов, более опасных, чем все канджары⁵⁹ и ятаганы⁶⁰ ваших мавров. Дайте мне письмо, и я доставлю его. Если другим понадобится неделя, чтобы добраться до доньи Бланки, то, я вам обещаю, она получит ваше письмо через три дня.

– Благодарю вас, мой отважный француз. Но, если королю уже все известно, опасность сильно возрастет. Средство, к которому я прибегнул, оказалось негодным, ибо Бог не пожелал, чтобы оно удалось. Теперь мы будем действовать в зависимости от обстоятельств. Мы поедем дальше, словно ничего не случилось. За два дня до приезда в Севилью, когда все уже забудут о Фернанае, ты покинешь меня, сделаешь крюк, а когда я буду въезжать в Севилью через одни ворота, проникнешь в город через другие. Вечером ты проскользнешь во дворец короля, где спрячешься в первом дворе, том, что осеняют величественные платаны; посреди него находится мраморный фонтан с львиными головами; ты увидишь окна с алыми портьерами, там обычно располагаются мои покои, когда я приезжаю к моему брату. В полночь приходи под эти окна; в это время я уже буду знать, по приему, какой окажет мне король дон Педро, чего нам следует опасаться и на что надеяться. Я все тебе скажу, а если не смогу говорить с тобой,

---

⁵⁹ Канджар – кривая турецкая сабля.

⁶⁰ Ятаган – рубящее и колющее оружие, среднее между саблей и кинжалом, заточенное с вогнутой стороны.

то брошу записку, где будет сказано, что тебе делать. Поклянись мне только, что мгновенно исполнишь либо то, о чем я тебе скажу, либо то, о чем сообщу в записке.

– Всею душой, ваша милость, клянусь вам, что воля ваша будет исполнена в точности, – торжественно сказал Аженор.

– Вот и славно! – воскликнул дон Фадрике. – Вот мне и стало немного спокойнее. Бедный Фернан!

– Сеньор, не соизволит ли ваша светлость вспомнить о том, что в эту ночь мы сделали лишь половину перехода? – спросил его Мотриль, появившийся на пороге палатки. – Если вашей светлости будет угодно отдать приказ выступать, то через три-четыре часа мы доберемся до тенистого леса, который я знаю, ибо по дороге в Коимбру уже останавливался в нем, и переждем там дневную жару.

– Выезжаем, – решил дон Фадрике. – Ничто больше не удерживает меня здесь, когда я потерял последнюю надежду вновь увидеть Фернана.

Караван двинулся в путь, хотя великий магистр и рыцарь много раз обращали свои взоры к реке, много раз из самой глубины груди вырывался у них тягостный вздох: «Бедный Фернан! Бедный Фернан!»

VI. О том, как Мотриль прибыл ко двору короля Кастилии дон Педро раньше великого магистра

Есть на свете города, которые, благодаря местоположению, коим одарила их природа, и сокровищам красоты, коими обогатили их люди, по праву царят в тех землях, что их окружают; такова Севилья – владычица прекрасной Андалусии, роскошной области Испании. Поэтому мавры – они с радостью завоевали этот город и любовно его украшали – со скорбью покинули Севилью, оставив там корону Востока, которая три века венчала ее главу. В одном из дворцов, что мавры за время своего владычества понастроили этой любимице султанов, теперь жил дон Педро, и туда мы перенесем сейчас наших читателей.

На мраморной террасе – благоуханные апельсиновые, лимонные, гранатовые деревья и мирты укрывали ее таким густым сводом листвы, что сюда не проникал жар солнца; рабы-мавры ждали, когда погаснет в море испепеляющее пламя солнечных лучей. И когда начинает дуть вечерний ветерок, рабы обрызгивают пол водой, пахнущей розами и росным ладаном,⁶¹ а легкий бриз разносит в воздухе природные и сотворенные людьми ароматы, что неотрывны друг от друга так же, как украшения от женской красоты. В тень, которую образуют висячие сады этого второго Вавилона, рабы выносят обитые шелком лежанки и мягкие подушки, потому что с наступлением темноты Испания оживает, и вместе с вечерней прохладой народ снова заполняет улицы, места для прогулок и террасы.

Вскоре гобелен,⁶² отделяющий просторные покои от террасы, поднимается, и появляется мужчина; на его руку опирается красивая женщина лет двадцати четырех-двадцати пяти; у нее черные гладкие волосы, темные бархатистые глаза, матово-смуглая кожа, что на Юге считается у женщин признаком молодости; высокому мужчине двадцать восемь лет; светлые волосы и белая кожа, которую не могло покрыть загаром солнце Испании, как неизгладимая печать, свидетельствуют о том, что он происходит с Севера.

Эта женщина – донья Мария Падилья;⁶³ этот мужчина – король дон Педро.

Они молча идут под сводом зелени, но легко заметить, что их молчание вызвано не безмятежностью, а переполняющими их мыслями.

Прекрасная испанка, кстати, не обращает внимания ни на мавров, ждущих ее приказаний, ни на окружающее ее великолепие. Мария Падилья, хотя и родилась в скромной, почти бедной семье, быстро привыкла к ослепительной роскоши королевского двора с тех пор, как стала, словно дитя погремушкой, играть скипетром короля Кастилии.

– Педро, – сказала она наконец, первой прерывая молчание, которого они, казалось, не решались нарушить, – вы не правы, утверждая, будто я ваша подруга и уважаемая госпожа. Я, ваша светлость, просто рабыня, и меня здесь унижают.

Педро усмехнулся, и плечо у него слегка дернулось.

– Да, это бесспорно, я просто рабыня, и меня здесь унижают, – повторила Мария. – Я это говорю и не устану повторять.

– Почему же? – спросил король. – Извольте объяснить.

– О, это очень легко сделать, мой господин. Все говорят, что на турнир, который вы устраиваете, в Севилью приезжает великий магистр ордена Святого Иакова. Его покои расши-

---

⁶¹ Росный ладан – отвердевшая, приятно пахнущая смола некоторых южно-азиатских деревьев, главным образом стиракового дерева.

⁶² Гобелен – декоративная ткань с рисунком (ковер, драпировка, картина) ручной работы. Здесь у Дюма анахронизм: гобелены впервые стали выделяться во Франции в 60-х гг. XVII в. Свое название получили от квартала в Париже, где находилась производившая их королевская мануфактура.

⁶³ Мария Падилья – фаворитка короля Педро Жестокого. Здесь у Дюма неточность: Падилья умерла в 1361 г., значительно раньше событий, описываемых в романе.

ряют за счет моих покоев, украшают драгоценнейшими гобеленами и самой красивой мебелью, которую сносят из всех комнат дворца.

– Он мой брат, – ответил дон Педро. Потом прибавил с интонацией, смысл которой был понятен лишь ему: – Возлюбленный брат мой.

– Ваш брат? – удивилась она. – Я-то думала, что ваш брат – Энрике де Трастамаре.

– Правильно, сеньора, ведь оба они – сыновья моего отца, короля дона Альфонса.

– Поэтому вы обращаетесь с великим магистром по-королевски. Я понимаю, ведь он почти имеет право на подобную честь, поскольку его любит королева.

– Я не понимаю вас, – сказал дон Педро, невольно побледнев, хотя ничто, кроме этой невольной бледности, не показывало, что Мария нанесла ему удар в самое сердце.

– Ах, дон Педро, дон Педро! – вздохнула Мария Падилья. – Вы или совсем слепы, или слишком мудры.

Король промолчал; он лишь демонстративно повернулся в сторону Востока.

– Ну и что вы там видите? – спросила неугомонная испанка. – Уж не своего ли возлюбленного брата?

– Нет, сеньора, – ответил дон Педро. – Смотрю, нельзя ли с дворцовой террасы, где мы с вами находимся, разглядеть башни Медины-Сидонии.

– О да, мне прекрасно известно, что вы скажете то, что говорите всегда: неверная королева в заточении, – возразила Мария Падилья. – А как же объяснить, что вы, кого называют Справедливым, наказываете одну, оставляя безнаказанным другого? Почему же королева находится в заточении, а ее сообщника осыпают почестями?

– Чем же, сеньора, вам так не угодил мой брат дон Фадрике? – спросил дон Педро.

– Если бы вы любили меня, то не спрашивали бы, чем он мне не угодил, а давно отомстили бы за меня. Чем не угодил? Тем, что преследовал меня, нет, не своей ненавистью – ненависть это пустяки, она делает человеку честь, – а своим презрением. И вам надлежало бы наказывать всякого, кто презирает женщину, которую вы, правда, не любите, но которую допустили до своего ложа, и она подарила вам сыновей.

Король молчал; невозможно было ничего разгадать под железным покровом этой непроницаемой души.

– О, как прекрасно украшать себя добродетелями, которых у тебя нет, – презрительно продолжала Мария Падилья. – Хитрым женщинам очень легко скрывать свои постыдные страсти за робкими взглядами, прикрывать свой позор тем предрассудком, будто, в отличие от испанок, галльские девушки холодны и бесчувственны.

Дон Педро продолжал хранить молчание.

– Ах, Педро, Педро, я думаю, вы поступили бы правильно, прислушавшись к голосу собственного народа, – не унималась любовница, раздраженная тем, что ее сарказмы не задевали невозмутимого суверена. – Послушайте, как он кричит: «Ох, уж эта королевская куртизанка Мария Падилья – позор Испании! Посмотрите на эту преступницу, которая во всем виновата, потому что она посмела полюбить своего повелителя не за то, что он король, а за то, что он человек! Когда другие женщины посягали на его честь, она вверила ему свою честь, рассчитывая на его покровительство и признательность. Когда его жены – ведь у христианина Педро женщин больше, чем у мавританского султана, – даже неверные жены оставались бесплодными, она – о какой позор! – принесла ему двух сыновей, которых он еще и любит! Проклянем же Марию Падилью, как мы прокляли Каву;⁶⁴ эти женщины всегда губят и народы и королей!» Это глас Испании. Прислушайтесь к нему, дон Педро!

---

⁶⁴ С Кавой (другое имя – Флоринда) связано одно из древнейших исторических преданий Испании. Она была дочерью наместника вестготских королей в Сеуте и Танжере, графа Хулиана; во время ее пребывания при королевском дворе в Толедо последний вестготский король Родриго обесчестил Флоринду. Та написала отцу, умоляя отомстить за бесчестие. Тогда граф Хулиан вступил в сговор с маврами и помог их победе в 711 г. в битве при реке Гвадалете, что открыло арабам путь на север

Но будь я королевой, они стали бы говорить: «Бедная Мария Падила! Ты была счастлива, когда была невинной и играла на берегу Гвадалопы с юными подругами! Бедная Мария Падила, ты была так счастлива, когда король отнял твоё счастье, притворившись, будто любит тебя! Твоя семья была столь знаменита, что первые вельможи Кастилии добивались твоей руки, но ты сделала ошибку, предпочтя короля. Бедная неопытная девушка, которая ещё не знала, что короли – это не просто люди; ведь король обманывает тебя, которая никогда не изменяла ему даже в мыслях, даже в снах! Он отдаёт своё сердце другим любовницам, забывая о твоей верности, твоей самоотверженности, твоём материнстве». Будь я королевой, они говорили бы об этом и считали бы меня святой, да, святой. Разве не так называют в народе известную мне женщину, которая изменила мужу с его братом?

Дон Педро, чело которого еле заметно омрачилось, провел ладонью по лбу, и его лицо, казалось, снова приобрело спокойное, даже приветливое выражение.

– Короче говоря, сеньора, вы хотите стать королевой? – спросил он. – Вы же прекрасно знаете, что этого быть не может, ибо я уже женат, причем дважды. Просите у меня то, что в моих силах, и я все сделаю для вас.

– Я думала, что вправе просить того, чего требовала и добилась Хуана де Кастро.⁶⁵

– Хуана де Кастро, сеньора, ничего не требовала. За нее просила необходимость – эта неумолимая повелительница королей. У Хуаны могущественная семья, и в то время, когда я нажил себе внешнего врага, расторгнув брак с Бланкой, мне надо было искать союзников внутри страны. Теперь вы хотите, чтобы я отдал моего брата тюремщикам в тот момент, когда мне грозит война, когда другой мой брат Энрике де Трастамаре поднимает против меня Арагон, отбирает у меня Толедо, захватывает Торо, когда я вынужден отвоевывать у своих близких собственные замки с большим трудом, нежели тот, что я потратил, чтобы отнять у мавров Гранаду.⁶⁶ Вы забываете, что одно время я, теперь держащий в плену других, сам был пленником, вынужденным таиться, гнуть шею, улыбаться всем, кто хотел меня укунить; словно дитя, я должен был пресмыкаться перед волей моей честолюбивой матери; целых полгода мне пришлось вести двойную игру, чтобы однажды найти ворота собственного дворца на минуту открытыми; мне пришлось бежать в Сеговию, по частям вырывать из рук тех, кто им завладел, наследство, оставленное мне отцом; пришлось зарезать Гарсиласью⁶⁷ в Бургосе, отравить Альбукерке⁶⁸ в Торо, казнить двадцать два человека в Толедо и сменить мое прозвище Справедливый на прозвище Жестокий, даже не зная, какое из двух сохранит за мной потомство. Вот чем я заплатил за то якобы преступление, что оставил Бланку в Медине-Сидонии совсем одну, почти нищую, всеми забытую, как вы изволите себе это представлять.

– Ах нет, я говорю так не потому, что мне это нравится, – пылко воскликнула Мария Падила, – а потому, что она опозорила вас!

– Нет, сеньора, – возразил дон Педро, – я не был опозорен, ибо не принадлежу к тем, кто ставит честь или бесчестье короля в зависимость от столь ненадежной опоры, как добродетель женщины. Все, что для других мужчин служит поводом для радости или горя, для нас, королей, лишь политическое средство, чтобы добиться совсем иной цели. Нет, я не был опозорен королевой Бланкой, хотя меня, против моей воли, насильно заставили жениться на ней. И я воспользовался той возможностью, что она и мой брат имели неосторожность мне предоста-

---

Испании.

⁶⁵ Хуана де Кастро (ум. в 1374 г.) – с 1353 г. законная жена Педро Жестокого, на которой он женился при жизни Бланки Бурбонской.

⁶⁶ Здесь у Дюма неточность: мусульманское гренадское государство было завоевано испанцами только в конце XV в., а его столица была занята в 1492 г.

⁶⁷ Гарсиласью де ла Вета – испанский феодал, владетель Бургоса; был казнен за организацию смуты против Педро Жестокого.

⁶⁸ Альбукерке, Хуан Альфонса (ум. после 1353 г.) – фаворит и советник Педро Жестокого; по происхождению португалец.

вить. Я притворился, будто затаил в отношении их страшные подозрения. Я унизил, уничтожил ее, дочь первого королевского дома христианского мира. Поэтому, если вы меня любите, как вы утверждаете, вы должны молить Бога, чтобы со мной не случилось беды, ибо регент, а вернее, король Франции, – муж ее сестры. Это великий король, сеньора, у него сильная армия, которой командует первый полководец наших дней, мессир Бертран Дюгеклен.

– Вот в чем дело, король! Ты боишься! – вскричала Мария Падилья, которая предпочитала королевский гнев той холодной невозмутимости, что превращала дону Педро, никогда не терявшего самообладания, в самого опасного монарха на земле.

– Я боюсь вас, сеньора, да, боюсь, – ответил король. – Ведь до сих пор только вы были способны заставить меня совершить те ошибки, что я допустил.

– Мне кажется, король, ищущий советников среди мавров, а ростовщиков среди евреев, должен бы винить в собственных ошибках кого угодно, но только не женщину, которую он любит.

– Ах, вы тоже разделяете общее заблуждение, – недоуменно заметил дон Педро. – У меня, видите ли, в советниках мавры, а в кредиторах – евреи! Ну что ж, сеньора, я прислушиваюсь к советам умных людей, а средства беру у тех, у кого есть деньги. Если бы вы и все те, кто меня обвиняет, дали себе труд бросить взгляд на Европу, то вы увидели бы, что у мавров есть культура, а у евреев – богатства. Кто выстроил мечеть в Кордове, Альгамбру⁶⁹ в Гранаде, все те алькасары, что украшают наши города, даже тот дворец, где мы с вами сейчас находимся? Кто сотворил все это? Мавры. А в чьих руках торговля? В чьих руках хозяйство? В чьих руках скапливается золото беспечных народов? В руках евреев! Что можно ждать от наших полудиких христиан? Ничемного размахивания копьями, великих битв, что обескровливают народы. Но кто стоит в стороне и взирает, как они безумствуют? Кто благоденствует, слагает песни, любит, наслаждается, в конце концов, жизнью, когда наши народы корчатся в судорогах? Мавры. Ну а кто обирает трупы мавров? Евреи. Надеюсь, вы понимаете, что мавры и евреи суть настоящие министры и истинные ростовщики короля, который желает быть свободным и не зависеть от своих державных соседей. Надеюсь, вам ясно, к чему я стремлюсь, чего добиваюсь уже шесть лет. Именно это и вызвало злобную всеобщую враждебность ко мне, возбудило клевету. Все, кто хотели быть моими министрами, все, кто хотели стать моими кредиторами, превратились в моих заклятых врагов. Объяснение тому простое: я ничего для них не сделал и ни о чем их не просил, я удалил их от себя. Но с вами, Мария, все обстоит наоборот: я отнял вас у вашей семьи, приблизил к трону, насколько это было в моих силах; я отдал вам ту частицу моего сердца, над которой властен король, наконец, я полюбил вас, хотя все упрекают меня в том, будто я никогда никому не дарил своей любви.

– Ах нет, вы не любили меня, – возразила Мария со свойственным женщинам упрямством, которое всегда отвечает не на доводы какими опровергают их сумасбродные обвинения, а лишь на их собственные мысли. – Если бы вы любили меня, я не была бы обречена на слезы и позор за то, что предана моему королю. Если бы вы любили, то отомстили бы за меня.

– О, Боже мой! – воскликнул дон Педро. – Потерпите, и вы будете отомщены, если это потребуется. Неужели вы думаете, что дон Фадрике дорог моему сердцу? Неужели вы полагаете, что я не был бы счастлив найти повод покончить с этим безродным отребьем? Ну что ж, если дон Фадрике действительно оскорбил вас, в чем я сомневаюсь...

– А разве не оскорбление – посоветовать вам, как он это сделал, прогнать меня, вашу любовницу, и снова взять в жены королеву Бланку? – побледнев от гнева, спросила Мария.

– А вы уверены, Мария, что это он дал мне подобный совет?

– Конечно, уверена! Как в себе самой! – сделав угрожающий жест, ответила испанка.

---

⁶⁹ Альгамбра – мавританский дворцовый ансамбль в Гранаде; строился с середины XIII в. до конца XIV в.

– Итак, дорогая моя Мария, если дон Фадрике посоветовал мне отказаться от ваших услуг любовницы и снова приблизить к себе королеву Бланку, то вы допускаете ошибку, обвиняя его в том, что он любовник королевы Бланки, – возразил дон Педро с тем хладнокровием, что привадит в отчаяние людей, дающих волю своему гневу. – Ведь поймите же, ревнивица вы моя, они были бы счастливы наслаждаться неограниченной свободой, которую получает брошенная женщина.

– Для меня непонятно ваше красноречие, сир⁷⁰ Педро, – ответила Мария и встала, не в силах более сдерживать ярость. – Я отдаю должное вашему величеству, но постараюсь сама отомстить за себя.

Дон Педро молча проводил ее взглядом и, увидев, как она уходит, даже не попытался ее удержать, хотя Мария Падиля была единственной женщиной, к которой он в прошлом питал иное чувство, кроме чувства удовлетворенной плотской страсти. Но по этой же причине он боялся своей любовницы, словно врага. Поэтому он подавил слабое чувство жалости, шевельнувшееся в глубине сердца, и растянулся на подушках, на которых только что сидела Мария Падиля, устремив взор в сторону португальской дороги; с балкона, где отдыхал король, можно было видеть, как по равнине во все концы королевства разбегаются дороги, проложенные сквозь леса и через горы.

– Как страшен удел королей! – бормотал дон Педро. – Я люблю эту женщину и, однако, не должен показывать это ни ей, ни другим, никому на свете, потому что если она будет уверена в моей любви, то станет злоупотреблять ею; потому что нельзя допускать, чтобы кто-либо мог помыслить, будто обладает таким влиянием на короля, что способен вырвать у него удовлетворение за оскорбления или получить какую-либо иную выгоду. Нельзя допускать, чтобы люди говорили: «Королева оскорбила короля, он знает об этом и не отомстил!» – продолжал говорить сам с собой дон Педро, на лице которого отражалось все, что происходило в его душе. – Но если я буду действовать слишком грубо, мое королевство может погибнуть из-за этой неосторожной расправы. Ведь дон Фадрике зависит только от меня, а король Франции не властен над его жизнью или смертью. Вот только приедет ли он? А если едет, то успел ли предупредить сообщницу?

И тут король заметил на дороге, спускающейся со Съерры-де-Арасена,⁷¹ облако пыли, которое быстро разрасталось. Вскоре сквозь слегка рассеявшуюся завесу пыли он разглядел белые накидки мавританских всадников; потом по высокому росту король узнал Мотриля, ехавшего рядом с позолоченными носилками.

Отряд двигался резво.

– Он один! – прошептал король.

Когда он смог охватить взглядом всех людей – от первого до последнего – король про- бормотал:

– Его нет! Что случилось с великим магистром? Уж не отказался ли он ехать в Севилью или мне надо было бы самому отправиться за ним в Коимбру?

Тем временем отряд приближался к городу.

Через несколько минут он исчез в городских воротах. Король провожал его глазами и изредка замечал, как он вновь появляется, сверкая оружием, в извилистых улицах города; наконец дон Педро увидел, что всадники вступили в алькасар; склонившись над перилами, он следил, как они проезжают по двору дворца.

Мавр имел право свободно входить к королю в любое время. Поэтому Мотриль очень скоро появился на террасе и нашел дона Педро на ногах; взгляд короля был устремлен, туда,

---

⁷⁰ Сир (франц. sire) – основное значение этого слова: ваше величество, то есть обращение к королю. Но одновременно оно может означать просто «господин» при употреблении его в фамильярном или ироническом смысле.

⁷¹ Арасена (полное название: Съерра-де-Арасена) – горы к северо-западу от Севильи. Съерра – название гор и горных хребтов на Пиренейском полуострове.

откуда, как он знал, должен был войти мавр. Лицо короля было мрачным, но он и не пытался скрыть своей тревоги.

Мавр скрестил руки на груди и, кланяясь, почти коснулся лбом пола. Но на его приветствие дон Педро ответил лишь нетерпеливым жестом.

– Где великий магистр? – спросил он.

– Государь, я был вынужден поспешно вернуться в Севилью, – ответил Мотриль. – Важные вещи, о которых я должен вам сообщить, надеюсь, склонят вашу светлость выслушать голос преданного слуги.

Дон Педро, несмотря на всю свою пронизательность, в эту минуту был полностью поглощен терзавшими его страстями мести и злобы, чтобы заметить в словах мавра хитрую, намеренную осторожность.

– Где великий магистр? – топнув ногой, повторил король.

– Сеньор, он приедет, – ответил Мотриль.

– Почему вы оставили его? Почему, если он невиновен, он сам не явился сюда, а если виновен, почему его не привезли сюда насильно?

– Сеньор, успокойтесь, великий магистр виновен, но тем не менее он приедет; может быть, он и хотел бы бежать, но его охраняют мои люди; они везут его сюда, а не просто сопровождают. Я опередил их, чтобы поговорить с королем не о том, что уже сделано, а о том, что еще предстоит ему сделать.

– Так, значит, он едет... Ты уверен? – повторил дон Педро.

– Завтра вечером он будет у ворот Севильи. А я, как видите, уже здесь.

– Кто-нибудь знает о его поездке?

– Никто.

– Вам понятна важность моего вопроса и серьезность вашего ответа?

– Да, государь.

– Хорошо! Ну что еще нового? – сокрушенно спросил дон Педро, ничем не выдав своей мучительной тревоги, потому что на лице его появилось равнодушное выражение.

– Королю известно, как ревниво я дорожу его честью, – сказал мавр.

– Да, но вам, Мотриль, тоже известно, – нахмурил брови дон Педро, – что клеветнические намеки на сей счет хороши для Марии Падильи, ревнивой женщины, которая может высказывать их мне, своему слишком, наверное, терпеливому любовнику. Однако вам, министру, не позволено, да будет вам известно, в присутствии короля дон Педро ни единым словом порочить безупречное поведение королевы Бланки, и если вы об этом забыли, то напоминаю вам.

– Государь дон Педро, у вас, столь могущественного и счастливого, любимого и любящего короля, в сердце не может быть места ни для зависти, ни для ревности, – возразил мавр. – Я понимаю, повелитель мой, как велико ваше счастье, но нельзя допускать, чтобы оно ослепляло вас.

– Значит тебе что-то известно! – вскричал дон Педро, сверля мавра своим тяжелым взглядом.

– Сеньор, ваше величество, вероятно, не раз размышляли о тех кознях, что ему строят, – холодно ответил Мотриль. – И в мудрости своей спрашивали себя: что станет с монархией Кастилии, поскольку наследников у короля нет.

– Почему же нет наследников? – переспросил дон Педро.

– По крайней мере, нет законных наследников, – пояснил мавр. – И если с вами случится несчастье, то королевство станет принадлежать самому дерзкому или самому удачливому из всех бастардов – дону Энрике, дону Фадрике или дону Тельо.

– К чему весь этот разговор, Мотриль? – спросил дон Педро. – Уж не хочешь ли ты, случайно, посоветовать мне жениться в третий раз? Оба первых брака не принесли мне счастья, так что я вряд ли последую твоему совету. Учти это, Мотриль.

Когда мавр услышал эти слова, которые сильное горе вырвало из глубины сердца короля, глаза его заблестели.

В признании короля раскрылись те муки, что терзали его смятенную душу; Мотриль знал лишь половину того, что он хотел узнать; несколько этих слов поведали ему об остальном.

– Сеньор, почему третьей женой не может быть женщина, характер которой уже известен, а плодовитость испытана? – спросил мавр. – Возьмите в жены, к примеру, донью Марию Падилю, поскольку вы так сильно ее любите, что не в силах с ней расстаться; она ведь происходит из весьма достойной семьи и может стать королевой. Тем самым ваши сыновья будут законены и никто не будет иметь права оспаривать у них трон Кастилии.

Мотриль напряг все силы своего ума, чтобы предугадать, какие последствия будет иметь этот его выпад. И тут, с наслаждением, что неведомо простым смертным, а знакомо лишь честолюбцам большого полета, которые играют судьбами королевств, Мотриль заметил, что на челе его суверена промелькнуло легкое облачко разочарования.

– Я уже безуспешно разорвал один брак, связавший меня с королем Франции, – объяснил дон Педро. – Теперь я не могу порвать другой брак, что связывает меня с семьей Кастро...

«Отлично! – подумал Мотриль. – Если в его сердце нет настоящей любви, то нечего бояться чьего-либо влияния; остается лишь занять место, если не на троне, то хотя бы в постели короля Кастилии».

– Ладно, хватит об этом, – сказал дон Педро. – Ты говорил, что хочешь сообщить мне нечто очень важное.

– Ну да! Просто мне осталось сообщить вам одну новость, которая освобождает вас от необходимости выказывать уважение к Франции.

– Что за новость? Говори!

– Сеньор, позвольте мне сперва сойти вниз, чтобы отдать кое-какие распоряжения людям, охраняющим во дворе носилки, – попросил Мотриль. – Я беспокоюсь, ибо оставил в одиночестве особу, которая мне очень дорога.

Дон Педро с удивлением посмотрел на мавра.

– Ступай и возвращайся скорее, – сказал он.

Мавр спустился по лестнице и приказал занести носилки в ближний двор.

С высокой террасы дон Педро рассеянно наблюдал за действиями своего министра. Через несколько минут Мотриль вернулся.

– Надеюсь, ваше величество и на сей раз, как обычно, соизволит предоставить мне комнаты в алькасаре, – спросил он.

– Да, разумеется.

– Позвольте мне тогда ввести во дворец особу, которая находится в носилках.

– Это женщина? – спросил дон Педро.

– Да, сеньор.

– Рабыня, которую ты любишь?

– Моя дочь, государь.

– Я и не знал, что у тебя есть дочь, Мотриль.

Мавр промолчал; сомнение и любопытство закрались в душу короля, чего Мотриль и добивался.

– Теперь расскажи мне, что тебе известно о королеве Бланке, – велел дон Педро, вынужденный из-за важности этого дела снова спрашивать о том, что ему хотелось узнать.

VIII. Как мавр рассказал королю дону Педро о том, что произошло

Мавр подошел к королю и, придав лицу выражение глубокого сочувствия (проявление этого чувства со стороны подначального больно ранило дона Педро), сказал:

– Прежде чем начать этот рассказ, государь, необходимо, чтобы ваше величество вспомнило те приказы, которые мне были даны.

– Рассказывай, я никогда не забываю то, что однажды приказал, – заметил дон Педро.

– Король повелел мне ехать в Коимбру, и я туда отправился; король повелел мне передать великому магистру, что ожидает его, и я сообщил ему об этом; король повелел мне ускорить отъезд великого магистра, и в день нашего приезда мы – я отдыхал всего час – двинулись в путь...

– Хорошо, хорошо, – перебил дон Педро, – я знаю, Мотриль, что ты верный слуга.

– Ваша светлость также сказал: «Ты должен будешь следить за тем, чтобы во время пути великий магистр никому не сообщил о своем отъезде». Так вот! Утром в день отъезда, великий магистр... Но я, право, не знаю, должен ли я, несмотря на повеления вашего величества, рассказывать вам о том, что произошло.

– Говори! Утром в день вашего отъезда...

– ...великий магистр написал письмо...

– Кому?

– Той самой особе, которой, как и опасалось ваше величество, он мог бы написать.

– Королеве Бланке! – побледнев, вскричал дон Педро.

– Королеве Бланке, государь.

– Мавр! – сказал дон Педро. – Подумай о серьезности подобного обвинения.

– Я думаю лишь о службе моему королю.

– Берегись, если я достану это письмо! – угрожающе вскричал дон Педро.

– Оно у меня, – бесстрастно ответил мавр.

Дон Педро сделал шаг в его сторону, вздрогнул и отпрянул назад.

– Оно, действительно, у тебя? – спросил он.

– Да.

– Это письмо написал дон Фадрике?

– Да.

– Бланке Бурбонской?

– Да.

– Ну и где же оно?

– Я отдам его вашей милости, когда вы умерите свой гнев.

– Я? Разве я в гневе? – нервно усмехнулся дон Педро. – Я никогда не был более спокойным.

– Нет, государь, вы встревожены, глаза ваши горят возмущением, губы ваши бледны, а рука дрожит и гладит рукоятку кинжала. Почему вы должны скрывать свою тревогу, государь? Она совершенно естественна, а месть в таком случае законна. Вот почему, догадываясь, что месть вашей светлости будет страшна, я заранее пытаюсь смягчить ее.

– Дайте мне это письмо, Мотриль, – вскричал король.

– Но, ваша милость...

– Немедленно дайте письмо, сию же секунду, я требую! Мавр медленно достал из-под красного плаща охотничью сумку несчастного Фернана.

– Мой первый долг – повиноваться моему господину, что бы ни случилось потом, – заметил он.

Король осмотрел охотничью сумку, достал из нее вышитый жемчугом мешочек, развязал его и быстро схватил письмо. Печать с этого письма явно была сорвана; когда дон Педро увидел это, новая судорога исказила его черты; однако, ничего не сказав, он прочел:

«Госпожа, королева моя, король вызывает меня в Севилью. Я обещал писать Вам о важных событиях в моей жизни: это мне кажется решающим.

Что бы ни случилось, благородная дама и возлюбленная сестра, меня не устроит месть доньи Падильи, которая, вероятно, и вызывает меня, если я буду знать, что Вы, столь любезная душе моей, находитесь вне ее посягательств. Мне неизвестно, что меня ждет: наверно, тюрьма, возможно, смерть. Будучи в заточении, я не смогу больше Вас защитить, но если мне суждено умереть, то я пользуюсь той минутой, пока руки мои свободны, чтобы написать Вам, что и рука моя, покуда она не в оковах, и сердце, до последнего моего вздоха, будут принадлежать Вам.

Это, может быть, прощальное мое письмо, доставит Вам Фернан. Может быть, моя нежная королева и подруга, мы встретимся еще в этом мире, но на небесах мы наверняка будем вместе.

Дон Фадрике».

– Кто такой Фернан? Где он? – закричал дон Педро, мертвенно побледнев; смотреть на него было страшно.

– Фернан, сеньор, был пажом великого магистра, – абсолютно невозмутимым тоном ответил Мотриль. – Он ехал с нами; вечером, накануне нашего отъезда, он получил это письмо. Случаю было угодно, что той же ночью, переправляясь через Зезири, он утонул, и я нашел это послание на его мертвом теле.

Дон Педро не нуждался в объяснениях, чтобы понять Мотриля.

– Ах, вот оно что, вы нашли труп.

– Да.

– И все это видели?

– Конечно.

– Значит, никто не знает, о чем это письмо?

– Сеньор, простите мою дерзость, – ответил Мотриль. – Интересы моего короля взяли верх над скромностью, которую мне надлежало проявлять. Я вскрыл охотничью сумку и прочитал письмо.

– Его прочли только вы? Выходит, будто его не читал никто.

– Конечно, сеньор, раз оно попало в мои руки.

– Ну, а раньше?

– О сеньор, за то, что было раньше, я ручаться не могу, тем более, паж был не один со своим господином: с ними находился еще проклятый гяур... пес... какой-то христианин... Простите, государь.

– Кто этот христианин?

– Рыцарь из Франции, кого великий магистр называет своим братом.

– Вот как! – усмехнулся дон Педро. – По-моему, великий магистр мог бы иначе именовать своих друзей.

– Больше того! У него нет секретов от этого христианина, и не будет ничего удивительного, если рыцарь окажется посвященным в тайны пажа, и в таком случае о преступлении узнают все.

– Значит, великий магистр приезжает? – спросил дон Педро.

– Он едет следом за мной, сеньор.

Нахмутив брови, дон Педро какое-то время расхаживал по террасе, скрестив на груди руки и опустив голову, и было легко догадаться, какая страшная буря бушует в его сердце.

– Итак, надо начинать с него, – сказал он наконец мрачным голосом. – Кстати, это единственный способ действий, который мне может простить Франция. Когда король Карл V уви-

дит, что я не пощадил родного брата, он не станет сомневаться в его виновности и простит меня за то, что я не пощадил и его свояченицу.

– Но разве, сеньор, вы не опасаетесь, что месть никого не обманет и все станут говорить, будто вы убили великого магистра не потому, что он любовник королевы Бланки, а потому, что он брат Энрике де Трастамаре, вашего соперника в борьбе за трон? – спросил Мотриль.

– Я оглашу это письмо, – заявил король, – и кровь смоет пятно позора. Ступайте, вы сослужили мне верную службу.

– Что теперь повелевает мой король?

– Приготовить покои великому магистру.

Мотриль ушел; дон Педро остался один, и мысли его стали гораздо мрачнее; он представил себе, как станут глумиться над ним, и под маской царственной невозмутимости в нем вновь ожил ревнивый и гордый мужчина, которому уже чудилось, будто слух о любви Бланки и великого магистра – со всеми преувеличениями, какими обрастают грехи королей, – распространяется среди народов. И поскольку он не сводил глаз с покоев доньи Падильи, ему показалось, что она стоит у окна, за занавеской, и он улавливает на ее лице улыбку удовлетворенной гордыни.

«Не Мария Падилья вынуждает меня совершить задуманное, – размышлял он, – но тем не менее все скажут, что это ее влияние, и даже сама она поверит в это».

Слегка раздосадованный, он отвернулся и рассеянно осмотрелся: по террасе, расположенной ниже королевской, прошли два раба-мавра, неся курильницы, из которых струился голубоватый благовонный дым. Веющий с гор ветерок донес до короля этот опьяняющий аромат.

За рабами шла, склонив покрытую голову, высокая, стройная женщина с гибким станом. Лицо ее скрывала чадра, сквозь узкую щель которой сверкали глаза. Мотриль почтительно следовал за ней; когда они подошли к двери комнаты, куда должна была войти чужестранка, мавр низко ей поклонился.

Эти ароматы, этот томный взор чужестранки, эта почтительность мавра составляли столь сильный контраст со страстями, которые терзали сердце дон Педро, что король на мгновение почувствовал себя бодрым, как бы заново родившимся; это видение словно вдохнуло в него молодость и жажду наслаждения, поэтому он с нетерпением ждал наступления темноты. Когда совсем стемнело, король вышел из своих покоев и под покровом ночи садами – бывать в них имел право только он – пробрался к маленькому домику, где остановился Мотриль; осторожно раздвинув густые гирлянды плюща и ветви огромного олеандра, которые лучше любого ковра скрывали от нескромных взоров комнату, он увидел на широком, расшитом серебром шелковом покрывале Аиссу; длинное прозрачное платье едва прикрывало ее тело, босые ноги по восточной моде были украшены кольцами и браслетами; лицо ее было спокойно; устремив вдаль мечтательные глаза, она улыбалась, приоткрыв алые губы и обнажив ряд мелких, белых и ровных, словно жемчужины, зубов.

Мотриль и рассчитывал на любопытство короля; вслушиваясь и вглядываясь в темноту, он различил шорох раздвигаемых веток; в прохладной ночной тишине он уловил жаркое дыхание дон Педро, но и виду не подал, будто заметил, что его суверен стоит совсем рядом.

Лишь когда беспечная девушка по рассеянности выронила из рук коралловые четки, он их поспешно поднял и протянул Аиссе, почти стоя перед ней на коленях. Аисса улыбнулась.

– Почему в последние дни вы оказываете мне подобные почести? – спросила она. – Отец должен проявлять к своему ребенку только нежность, это ребенок обязан чтить отца.

– Мотриль делает то, что повелевает ему долг, – ответил мавр.

– Но почему же, отец, вы относитесь ко мне с большим почтением, чем к самому себе?

– Потому, что вам надлежит оказывать больше почтения, нежели мне, – сказал Мотриль, – ибо скоро настанет день, когда вам все откроется, и, когда день этот придет, вы, донья Аисса, может быть, больше не соизволите называть меня отцом.

Эти загадочные слова и на девушку, и на короля произвели странное, непонятное впечатление; но, несмотря на настойчивые просьбы Аиссы, Мотриль не пожелал больше ни о чем говорить и удалился.

После него в комнату вошли служанки Аиссы с большими опахалами из страусовых перьев, чтобы овеять прохладой софу своей госпожи; и хотя не было видно ни инструментов, ни музыкантов, слышалась нежная музыка, которая струилась в воздухе, словно неуловимый аромат. Аисса смежила свои большие глаза, горящие каким-то потаенным пламенем.

«О чем она грезит?» – спросил себя король, заметив, что легкая тень какого-то видения скользнула по лицу девушки.

Аисса грезила о прекрасном французском рыцаре.

К окнам подошли служанки, чтобы опустить портьеры.

«Странно, – думал король, вынужденный прервать это неосторожное рассматривание, – мне показалось, будто она произнесла чье-то имя».

Король не ошибся: Аисса прошептала имя Аженора.

Хотя портьеры опустились, дон Педро был не в том настроении, чтобы возвращаться к себе в покои.

В этот час в его сердце боролись самые противоречивые чувства. Они вели между собой схватку, не оставлявшую никакой надежды на покой и сон; прося прохлады у ночного воздуха и успокоения у тишины, король бродил по садам, каждый раз, словно к желанной цели, возвращался к домику, где самым крепким сном спала прекрасная мавританка; иногда король, проходя мимо покоев Марии Падильи, поднимал глаза на темные окна и, уверившись, что надменная испанка спит, продолжал свои блуждания, которые, неизменно приводили его к домику Аиссы.

Король ошибался: Мария Падилья не смыкала глаз; свет во дворце не горел, но ее сердце, полное огня, как и сердце дон Педро, пылало и трепетало в ее груди; одетая в темное платье, она неподвижно стояла у окна и смотрела на короля, не упуская ни одного его движения и угадывая почти все его мысли.

Но, кроме глаз Марии Падильи, устремленных в самое сердце короля дон Педро, за ним следили еще глаза мавра: он тоже стоял на посту в домике Аиссы, желая убедиться в результатах своей интриги. Когда король подходил к окнам Аиссы, мавр вздрагивал от радости. Когда дон Педро устремлял взгляд на окна Марии Падильи и словно раздумывал, не подняться ли ему к фаворитке, мавр шепотом изрыгал угрозы, которые его рука, машинально нащупывающая кинжал, казалось, готова была осуществить. Под этими острыми и злобными взглядами дон Педро провел всю ночь, думая, что он одинок и всеми забыт; наконец, сломленный усталостью, он за час до рассвета улегся на скамью и уснул тем лихорадочным, беспокойным сном, что лишь усугубляет страдания.

«Ты еще не тот, каким я хочу тебя сделать, – прошептал Мотриль, видя, что король свалился с ног под тяжестью усталости. – Мне надо избавить тебя от доньи Падильи: если тебе верить, ты разлюбил ее, но расстаться с ней не в силах».

И он опустил портьеру, которую приподнял, наблюдая за садом.

«Что ж, – думала Мария Падилья, – мне остается сделать последнюю, но быструю и решительную попытку, прежде чем эта женщина – ведь ясно, что он высматривает ее сквозь портьеру, – покорит его сердце».

И она отдала распоряжение слугам, с утра поднявшим во дворце страшный шум.

Когда король проснулся и прошел к себе, он услышал во дворе топот мулов и лошадей, а в коридорах – торопливые шаги служанок и пажей.

Он было собрался выяснить причины этого переполоха, как дверь распахнулась и на пороге показалась Мария Падила.

– Кого ждут эти лошади и чего хотят все эти озабоченные слуги, сеньора? – спросил дон Педро.

– Они, государь, ждут моего отъезда, который я велела ускорить, чтобы избавить ваше величество от общества женщины, уже бессильной сделать что-либо для вашего счастья. Кстати, именно сегодня приезжает мой враг, а поскольку в ваши намерения, несомненно, входит в порыве братской нежности пожертвовать мной ради него, я уступаю ему свое место, ибо должна посвятить себя детям: им, раз о них забывает отец, мать необходима вдвойне.

Мария Падила слыла первой красавицей Испании; и ее влияние на дону Педро было столь сильным, что современники – они были убеждены, что красота, сколь бы совершенна она ни была, не может обладать подобной властью, – предпочитали приписывать сие влияние волшебству, вместо того чтобы искать его причину в естественных прелестях чаровницы.

В Марии Падиле – прекрасной в свои двадцать пять лет и гордой званием матери, – с распущенными волосами, которые ниспадали на скромное шерстяное платье, облежавшее по моде четырнадцатого века руки, плечи и грудь, для дону Педро заключались не только все его мечты, но и вся его любовь, все пережитые им чувства; она была доброй феей королевского дома, цветком души и сокровищницей счастливых воспоминаний короля. Дон Педро смотрел на нее с грустью.

– Меня удивляет, что вы до сих пор не покинули меня, Мария, – заметил он. – Правда, вы весьма удачно выбрали момент, когда мой брат Энрике бунтует, мой брат Фадрике предает меня, а король Франции, вероятно, объявит мне войну. Женщины, поистине, не любят несчастий.

– Разве вы несчастны? – воскликнула донья Падила, сделав несколько шагов вперед и протягивая дону Педро руки. – В таком случае, я не еду, мне достаточно ваших слов, хотя в былые дни я спросила бы: «Педро, ты будешь рад, если я останусь?»

Король склонился к ней, и прекрасная ручка Марии оказалась в его руках. Он переживал одно из тех мгновений, в которых нуждается глубоко израненное сердце, чтобы немного любви зарубцевало его раны. Он поднес ручку к губам.

– Вы неправы, Мария, я люблю вас, – сказал он. – Хотя для того, чтобы вы нашли любовь, достойную вас, вам следовало бы полюбить не короля, а другого мужчину.

– Но вы же не желаете, чтобы я уезжала, – ответила Мария Падила с той восхитительной улыбкой, которая заставляла дону Педро забывать обо всем на свете.

– Нет, если только вы согласитесь разделить в будущем мою судьбу, так же как вы делили ее со мной в прошлом, – сказал король.

Тогда с того места, где она стояла, Мария Падила жестом королевы, заставлявшим поверить, будто она родилась у подножия трона, подала знак толпе слуг, уже готовых к отъезду, возвращаться в комнаты.

В эту секунду вошел Мотриль. Слишком долгий разговор дону Педро с любовницей встревожил его.

– Что случилось? – раздраженно спросил дон Педро.

– Государь, случилось то, что прибывает ваш брат дон Фадрике, – ответил мавр. – На португальской дороге заметили его свиту.

При этом известии ненависть, словно молния, промелькнула в глазах короля; Мария Падила сразу поняла, что ей нечего бояться приезда дону Фадрике, и она, подставив дону Педро лоб, которого он коснулся бледными губами, вернулась к себе, улыбаясь.

VIII. Как великий магистр въехал в Алькасар Севильи, где его ждал король дон Педро

Великий магистр, как сказал Мотриль, действительно приближался к Севилье; в полдень, в разгар испепеляющей жары, он подъехал к воротам.

Всадники – христиане и мавры, – составлявшие его охрану, были покрыты пылью; по бокам мулов и лошадей стекал пот. Великий магистр бросил взгляд на городские стены, где ожидал увидеть скопление солдат и горожан, – так всегда бывает в праздники, – но заметил только дозорных, которые, как и в обычные дни, несли свою службу.

– Не надо ли предупредить короля? – спросил один из офицеров дона Фадрике, готовый поскакать вперед, если получит приказ.

– Не беспокойтесь, мавр приехал раньше нас, – с печальной улыбкой ответил дон Фадрике, – и мой брат предупрежден. Кстати, разве вы не знаете, что по случаю моего приезда в Севилье устраиваются турниры и празднества? – прибавил он с горечью в голосе.

Испанцы с удивлением озирались по сторонам, ибо ничто не предвещало обещанных турниров и особых торжеств. Наоборот, все выглядело грустно и мрачно; они обращались с вопросами к маврам, но те молчали.

Люди дона Фадрике въехали в город; двери и окна были закрыты, как это принято в Испании в сильную жару; на улицах не было видно ни людей, ни приготовлений к празднику и слышался только скрип открываемых дверей, откуда выглядывал какой-нибудь запоздавший любитель поспать, который, прежде чем предаться сieste, любопытствовал узнать, что за отряд всадников появился в городе в такой час, когда в Испании даже мавры, эти дети солнца, прячутся в тени деревьев или ищут речной прохлады.

Впереди ехали всадники-христиане; мавры, числом превосходившие их вдвое – несколько мавританских отрядов присоединились в дороге к первому отряду, – образовывали арьергард.

Великий магистр взирал на все эти передвижения, на город, который надеялся увидеть оживленным и веселым, а нашел угрюмым и безмолвным как могила, и в сердце его закрадывались страшные подозрения. Подъехал офицер и, склонившись к его уху, спросил:

– Сеньор, вы обратили внимание, что ворота, через которые мы въехали, закрыли?

Великий магистр не ответил; они продолжали двигаться вперед и скоро увидели перед собой алькасар. Мотриль с группой офицеров дона Педро поджидал их у ворот. Вид у них был благожелательный.

Отряд, который ожидали с большим нетерпением, без промедления въехал во внутренний двор алькасара, и ворота тоже сразу захлопнулись.

Мотриль с выражением глубочайшего почтения следовал за графом.

Когда дон Фадрике спешился, к нему подошел мавр и сказал:

– Известно ли вашей светлости, что у нас не принято с оружием въезжать во дворец. Не соизволите ли приказать мне отнести ваш меч в ваши покои?

Великий магистр, казалось, лишь ждал этих слов, чтобы дать волю долго сдерживаемому гневу.

– Раб, – сказал он, – неужели угодничество сделало тебя таким хамом, что ты уже научился узнавать своих сеньоров и чтить своих господ? С каких это пор великий магистр ордена Святого Иакова из Калатравы, обладающий правом в шлеме и при шпорах заходить в церкви и при оружии беседовать с Богом, лишился права вооруженным входить во дворец и, держа меч в ножнах, говорить с братом?

Мотриль почтительно выслушал его и униженно склонил голову.

– Ваша светлость говорит истинно, – ответил он, – а ваш ничтожнейший слуга запомнил, что вы не только граф, но и великий магистр ордена из Калатравы. Все эти привилегии – обычаи христианские, и неудивительно, что жалкий нехристь, вроде меня, не знает о них или не помнит.

В эту секунду к дону Фадрике подошел другой офицер.

– Верно ли, сеньор, что вы отдали приказ покинуть вас? – спросил он.

– Кто это сказал? – воскликнул великий магистр.

– Один из стражей ворот.

– И что вы ему ответили?

– Что мы исполняем приказы только нашего сеньора. Граф ненадолго задумался: он был молод, чувствовал себя сильным и храбрым, его окружало немало воинов, и можно будет долго отбиваться.

– Сеньор, скажите лишь слово, дайте знак, – продолжал офицер, увидев, что господин его советуется сам с собой, – и мы вырвем вас из западни, в которую вы попали. Нас здесь тридцать человек, у нас копья, кинжалы и мечи.

Дон Фадрике взглянул на Мотриля, и, заметив на его губах усмешку, посмотрел туда, куда смотрел мавр. Окружавшие двор галереи заполнили лучники и арбалетчики, держа оружие наизготовку.

«Я перебил бы этих храбрецов, – подумал дон Фадрике, – но, раз они хотят взять только меня, я пойду один».

Великий магистр, спокойный и уверенный, обернулся к своим товарищам.

– Ступайте, друзья мои, – обратился он к ним. – Я во дворце моего брата и моего короля. В подобных чертогах предательство не живет, а если я ошибся, не забывайте, что меня предупреждали об измене, но я не желал в это верить.

Солдаты дон Фадрике поклонились и ушли. Так великий магистр остался один с маврами и стражей короля дон Педро.

– Теперь я желаю видеть моего брата, – сказал он, повернувшись к Мотрилю.

– Ваше желание, сеньор, будет исполнено, ибо король с нетерпением ждет вас, – ответил мавр.

И он отошел в сторону, чтобы граф мог вступить на лестницу дворца.

– Где мой брат? – спросил великий магистр.

– В покоях на террасе.

Эти комнаты соседствовали с теми, где обычно останавливался дон Фадрике. Проходя мимо своей двери, великий магистр задержался.

– Не могу ли я зайти к себе и немного отдохнуть, прежде чем предстать перед моим братом? – спросил он.

– После того, как ваша светлость встретится с королем, – ответил Мотриль, – вы сможете отдыхать сколько угодно и как угодно...

Тут среди мавров, что шли следом за графом, возникло какое-то замешательство. Великий магистр обернулся.

– Пес, пес... – бормотали мавры.

Действительно, верный Алан вместо того, чтобы вслед за лошадьёю отправиться на конюшню, пошел за хозяином, словно предчувствуя грозившую ему опасность.

– Пес со мной, – сказал дон Фадрике.

Мавры расступились, больше из страха, чем из уважения, и радостный пес, встав на задние лапы, положил передние на грудь хозяину.

– Да, я тебя понимаю, – сказал дон Фадрике. – Фернан погиб, Аженор далеко, и ты единственный друг, который у меня остался.

– Ваша светлость, неужели среди привилегий великого магистра ордена Святого Иакова есть привилегия входить в покои короля вместе со своим псом? – с ехидной улыбкой осведомился Мотриль.

Дон Фадрике помрачнел от обиды. Мавр стоял рядом; рука великого магистра лежала на рукояти кинжала; мгновенное решение, молниеносный удар – и он отомстит этому насмешливому и наглому рабу.

«Нельзя, – сдержал он себя. – Величие короля лежит и на тех людях, что его окружают: не будем же посягать на величие короля».

Он хладнокровно открыл дверь в свои покои и сделал псу знак идти за ним. Пес послушался.

– Жди меня, Алан, – приказал он.

Пес улегся на львиную шкуру. Великий магистр закрыл дверь. И тут до него донесся голос:

– Брат мой! Ну где же брат мой?

Дон Фадрике узнал голос короля и пошел на него.

Дон Педро, вышедший из ванной и еще бледный после бессонной ночи, сдерживая kloчущий в нем гнев, устремил суровый взгляд на молодого человека, который преклонил перед ним колено.

– Вот и я, мой король и брат мой, – сказал дон Фадрике. – Вы призвали меня, и я перед вами. Я приехал немедленно, чтобы видеть вас и пожелать вам всяческого благополучия.

– Неужели это возможно, великий магистр, и я не должен удивляться тому, что ваши речи полностью расходятся с вашими действиями? – спросил король. – Как, объясните, может быть, что вы желаете мне всяческого блага и сговариваетесь с моими врагами?

– Сеньор, я не понимаю вас, – ответил дон Фадрике, поднимаясь с пола, ибо с того мгновения, как ему предъявили обвинение, он больше ни секунды не хотел оставаться на коленях. – Неужели эти слова адресованы мне?

– Да, вам, великому магистру ордена Святого Иакова.

– Значит, государь, вы считаете меня предателем?

– Почему бы и нет? Вы и есть предатель, – ответил дон Педро.

Молодой человек побледнел, но не утратил самообладания.

– Почему вы обвиняете меня, мой король? – спросил он тоном безграничной кротости. – Я никогда не оскорблял вас, по крайней мере преднамеренно. Совсем наоборот, во многих боях, особенно в войне с маврами, вашими сегодняшними друзьями, я умело владел мечом, который был слишком тяжел для моей еще неокрепшей руки.

– Да, мавры – мои друзья! – вскричал дон Педро. – Мне пришлось выбирать себе друзей среди мавров, потому что в моей семье я нашел только врагов!

По мере того как упреки короля становились все несправедливее и оскорбительнее, дон Фадрике чувствовал в себе все больше гордости и бесстрашия.

– Если вы говорите о моем брате Энрике, – возразил он, – мне нечего вам ответить, меня это не касается. Мой брат Энрике поднял мятеж против вас, мой брат Энрике неправ, потому что вы наш законный сеньор и по возрасту, и по рождению. Мой брат Энрике хочет стать королем Кастилии; верно говорят, что честолюбие затмевает разум. Я же не честолюбив и не претендую ни на что. Я великий магистр ордена Святого Иакова: если вам известен более достойный человек, я готов уступить ему эту должность. Дон Педро молчал.

– Я отвоевал Коимбру у мавров и сию там как в моем владении. Никто не имеет права на мой город. Хотите, мой брат, я отдам вам Коимбру, это хороший порт.

Дон Педро и на сей раз промолчал.

– У меня есть небольшая армия, – продолжал дон Фадрике, – но я набрал ее с вашего позволения. Хотите, я отдам вам моих солдат, чтобы они сражались против ваших врагов.

Дон Педро продолжал хранить молчание.

– В моих руках лишь собственность, что принадлежит моей матери Элеоноре де Гусман, и богатства, которые я отнял у мавров. Брат мой, хотите я отдам вам свои деньги?

– Мне не нужны ни твоя должность, ни твой город, ни твои солдаты, ни твое богатство! – вспыхнул дон Педро, не в силах больше сдерживаться, видя спокойствие молодого человека. – Мне нужна твоя голова.

– Моя жизнь, как и все, что я имею, принадлежит вам, мой король, и я не намерен держаться ни за нее, ни за свои богатства. Но зачем вам моя голова, если мое сердце невинно?

– Невинно?! – закричал дон Педро. – А тебе известна французенка по имени Бланка Бурбонская?⁷²

– Я знаю французенку, которую зовут Бланкой Бурбонской, и почитаю ее как мою королеву и мою сестру.

– Прекрасно! Так вот, я хотел тебе сказать, что та, которую ты считаешь твоей королевой и твоей сестрой, – враг твоего брата и твоего короля.

– Сир, если вы называете врагом человека, которого вы оскорбили и который хранит в сердце воспоминание об этом оскорблении, – возразил великий магистр, – то особа, о коей вы говорите, может быть, и является вашим врагом. Но, право слово, это все равно, как если бы вы считали своим врагом раненную вашей стрелой газель, что убегает от вас.

– Я называю моим врагом всякого, кто восстанавливает против меня мои города, а эта женщина подняла против меня Толедо. Я называю моим врагом всякого, кто вооружает моих братьев против меня, а эта женщина вооружила против меня моего брата, но не Энрике – честолюбца, как ты его сейчас назвал, а моего брата дона Фадрике, лицемера и кровосмесителя.

– Брат мой, клянусь вам...

– Не клянись, ты нарушишь клятву.

– Брат мой...

– А это тебе известно? – спросил дон Педро, доставая из охотничьей сумки Фернана письмо великого магистра.

Увидев это письмо, подтверждавшее, что Фернан был убит, это попавшее в руки короля доказательство его любви, великий магистр почувствовал, как его оставляют последние силы. Он преклонил колено перед доном Педро и стоял так некоторое время, склонив голову под тяжестью несчастий, которые он предвидел. Шепот пробежал по группе изумленных придворных, находившихся на другом конце галереи; Фадрике, на коленях перед братом, явно умолял о чем-то своего короля; если он упрашивал короля – значит, он виновен; придворные даже помыслить не могли, что дон Фадрике мог бы просить за другого человека.

– Сеньор, призываю в свидетели Бога, – сказал дон Фадрике, – что я не виновен в том, в чем вы обвиняете меня.

– Скоро ты сам скажешь Богу об этом, – ответил король, – потому что я тебе не верю.

– Моя смерть смочит пятно позора, – сказал великий магистр. – И тогда выяснится, что я не замешан в преступлении.

– Не замешан?! – взревел дон Педро. – Ну а что ты на это скажешь?

И в порыве ярости король наотмашь ударил по лицу брата письмом, которое дон Фадрике написал Бланке Бурбонской.

– Хорошо, – отпрянул назад дон Фадрике. – Убейте меня, но не оскорбляйте! Мне давно известно, что мужчины превращаются в трусов, живя в окружении льстецов и рабов!.. Ты трус, король! Ведь ты посмел оскорбить пленника!

– Ко мне! – вскричал дон Педро. – Стража, ко мне! Взять его и казнить!

---

⁷² Бланка Бурбонская (1338–1361) – французская принцесса, дочь герцога Пьера Бурбонского, родственника правящей в то время во Франции династии Валуа; жена короля дона Педро I Жестокого, по преданию, отравленная им.

– Не спеши, – перебил его дон Фадрике, величественно вытянув руку и останавливая брата. – Твою ярость сдержит то, что я тебе скажу. Ты заподозрил невинную женщину и оскорбил короля Франции своим подозрением, но оскорбить Бога не в твоей власти. Поэтому перед тем, как ты казнишь меня, я хочу помолиться, мне нужен час для беседы с небесным Повелителем. Я ведь не мавр какой-нибудь!

Дон Педро почти обезумел от гнева. Однако он сдержался, потому что вокруг были люди.

– Ладно, даю тебе этот час, – сказал он. – Ступай!

Все свидетели этой сцены похолодели от ужаса. Глаза короля пылали, но и взгляд великого магистра метал молнии.

– Будь готов через час! – крикнул вслед ему дон Педро, когда дон Фадрике выходил из комнаты.

– Будь спокоен, для тебя я все равно умру слишком рано, ведь я невинен, – ответил молодой человек.

Целый час он провел в своей комнате наедине с Господом, и никто его не беспокоил; когда час прошел, а палачи так и не явились, он вышел на галерею и крикнул:

– Ты заставляешь меня ждать, дон Педро, час прошел. Вошли палачи.

– Какой смертью я должен умереть? – спросил дон Фадрике.

Один из палачей вытащил меч.

Фадрике внимательно осмотрел его, пальцем попробовал остроту лезвия.

– Возьмите мой, – предложил он, вынимая из ножен меч, – он острее. Солдат взял этот меч.

– Когда вы будете готовы, великий магистр? – осведомился он.

Великий магистр жестом попросил солдат подождать, подойдя к столу, написал несколько строк на пергаменте, свернул его и зажал в зубах.

– Что это за пергамент? – спросил солдат.

– Талисман, делающий меня неуязвимым, – ответил дон Фадрике. – Руби скорее, я не боюсь тебя.

Молодой граф, подняв свои длинные волосы на затылок, обнажил шею и, сложив руки, с улыбкой на губах опустился на колени.

– Ты веришь в силу талисмана? – тихо спросил другой солдат у державшего меч.

– Сейчас посмотрим, – ответил тот.

– Руби! – приказал Фадрике.

Меч блеснул в руках палача; лезвие сверкнуло как молния, и голова великого магистра, снесенная одним ударом, покатила по полу.

И в эту самую секунду жуткий вой разнесся под сводами дворца.

Король, который подслушивал у двери, в испуге убежал. Палачи кинулись прочь из комнаты. На месте остались лишь лужа крови, отрубленная голова и пес, который, выбив дверь, лег рядом с бренными останками хозяина.

IX. Как к Бастарду де Молеону попала записка, за которой он приехал

На охваченный тревогой дворец опустились первые вечерние тени, серые и зловещие. Мрачный и встревоженный дон Педро укрылся во внутренних покоях, боясь оставаться по соседству с комнатой, где лежал труп брата. Сидящая рядом Мария Падилья плакала.

– Почему же вы плачете, сеньора? – вдруг ехидно спросил король. – Разве вы не добились того, чего страстно желали? Вы требовали от меня смерти вашего врага и теперь должны быть довольны – его нет!

– Государь, может быть, я в минуту женской гордыни, в порыве безумного гнева и пожелала этой смерти, но Бог простит меня за то, что подобное желание однажды закралось в мое сердце! – возразила Мария. – Я могу поклясться, что никогда не требовала этой смерти.

– Ха-ха-ха, все женщины одинаковы! – вскричал дон Педро. – Пылкие в желаниях, робкие в действиях, они всегда хотят всего, но не смеют ни на что решиться. Когда же находится человек, достаточно безумный, чтобы уступить их желаниям, они говорят, что даже не думали об этом.

– Государь, во имя Неба! Никогда не говорите мне, что ради меня вы пожертвовали братом! – умоляла Мария. – Эта смерть станет моей мукой в земной жизни и вечно будет терзать меня в жизни иной... Прошу вас, скажите правду, признайтесь, что принесли его в жертву ради своей поруганной чести. Я не хочу, вы слышите, не желаю, чтобы вы бросили меня, не сказав, что не я толкнула вас на убийство!..

– Я скажу все, что вы пожелаете, – холодно ответил король, поднявшись и идя навстречу Мотрилю, который вошел в комнату на правах министра и с уверенностью фаворита.

Мария отвела в сторону глаза, чтобы не видеть этого человека, которого возненавидела еще сильнее после казни великого магистра, хотя эта смерть была в ее интересах, и подошла к окну; пока король говорил с мавром, она смотрела на рыцаря в боевых доспехах, который, воспользовавшись беспорядком, вызванным в замке казнью великого магистра, въехал во двор: ни солдаты, ни часовые не удосужились поинтересоваться, к кому он направляется.

Это был Аженор, который приехал, откликнувшись на зов великого магистра; он искал глазами пурпурные портьеры – дон Фадрике сказал, что по ним можно найти его комнату, – и скрылся за углом.

Мария Падилья рассеянно следила за неизвестным рыцарем до тех пор, пока тот не исчез из виду. Тогда, отвернувшись от окна, она посмотрела на короля и Мотриля.

Король оживленно о чем-то говорил. По энергичным жестам было видно, что он отдавал страшные приказы. Донья Мария сразу все поняла; благодаря острому женскому чутью она догадалась, о ком идет речь.

Она подошла к дону Педро в тот момент, когда он подал мавру знак удалиться.

– Сеньор, два подобных приказа в один день вы не отдадите, – сказала она.

– Значит, вы все слышали? – побледнев, вскричал король.

– Нет, я догадалась. О государь! – упав перед королем на колени, воскликнула Мария. – Государь, я часто жаловалась вам на нее, часто настраивала вас против нее, но, молю вас, государь, не убивайте ее, ибо, убив ее, вы тоже будете говорить мне, как сказали по поводу казни дона Фадрике, что это я требовала у вас ее смерти.

– Мария, встаньте, – с мрачным видом сказал король, – и не просите, это бесполезно, все уже предрешено. Или не надо было начинать, или теперь надо кончать; смерть одного влечет смерть другой. Если бы я казнил лишь дону Фадрике, то на сей раз все подумали бы, что он поплатился не за преступление, а пал жертвой моей мести.

Донья Мария испуганно смотрела на короля, словно путник, в ужасе застывший у края пропасти.

– О Боже! – вздохнула она. – Все это падет на меня и моих детей. Люди станут говорить, будто я толкнула вас на это двойное убийство, но, Господь мой, вы все видите. Вы видите, – стенала она, простираясь у ног короля, – что я прошу его, умоляю не превращать эту женщину в призрак моего проклятия.

– Этого не будет, потому что я расскажу обо всем, о моем позоре и об их преступлении. Этого не будет, потому что я предъявлю письмо дон Фадрике его свояченице.

– Но вам никогда не найти испанца, который поднимет руку на свою королеву! – воскликнула донья Мария.

– Поэтому я и выбрал мавра, – невозмутимо ответил дон Педро. – К чему нужны мавры, если не заставлять их делать то, от чего отказываются испанцы?

– О, как я хотела уехать сегодня утром! – всхлипывала донья Падилья. – Зачем я осталась? Но до вечера еще есть время, позвольте мне покинуть дворец. Мой дом будет открыт для вас в любой час дня и ночи, вы будете приезжать ко мне.

– Поступайте как хотите, сеньора, – сказал дон Педро, перед которым, по странному капризу памяти, в эту секунду всплыл образ прекрасной, сладко спящей мавританки из домика в саду и служанок с большими опахалами, что охраняли ее сон. – Поступайте как вам угодно. Мне надоело вечно слышать от вас, что вы уезжаете, но не видеть вашего отъезда.

– Бог свидетель! – вскричала Мария. – Я уйду отсюда, потому что не желала смерти дон Фадрике, и теперь напрасно вымаливаю жизнь для королевы Бланки.

И прежде чем дон Педро успел помешать ей уйти, Мария быстро распахнула дверь, вступив на порог. Но тут во дворце послышался сильный шум: отовсюду бежали люди, охваченные необъяснимым ужасом, раздавались крики, причину которых нельзя было угадать; казалось, над дворцом, простирая свои огромные крылья, парит безумие.

– Вы слышите? Слышите? – спросила Мария.

– Что происходит? – спросил дон Педро, подходя к ней. – И что все это значит? Ответьте, Мотриль, – обратился он к побледневшему мавру, который, пристально вглядываясь во что-то, чего не мог видеть дон Педро, спокойно стоял на другом конце вестибюля, одной рукой сжимая рукоятку кинжала, а другой утирая пот, катившийся по лбу.

– О, ужас! Ужас! – слышалось со всех сторон.

Дон Педро нетерпеливо подался вперед, и глазам его предстало действительно чудовищное зрелище. На верхнюю площадку парадной лестницы вышел пес дон Фадрике, ошетинившийся, как лев, окровавленный и страшный; за длинные волосы он осторожно тянул по мраморному полу голову своего хозяина. Слуги и стражники бежали от него с криками, которые услышал дон Педро. Хотя дон Педро был человеком мужественным и хладнокровным, он тоже пытался убежать, но его ноги, как и у мавра, будто приросли к полу. Пес спускался вниз, оставляя за собой широкую кровавую полосу. Приблизившись к дону Педро и Мотрилю, он, словно признав в них убийц, опустил голову на пол и завыл так жалобно, что фаворитка упала в обморок, а король задрожал от страха, как если бы его коснулся крылом ангел смерти; потом пес снова подхватил свою драгоценную ношу и скрылся во дворе.

Еще один человек слышал вой пса и содрогался от ужаса; им был въехавший в алькасар рыцарь в боевых доспехах, которого видела донья Мария; будучи добрым христианином – правда, не менее суеверным, чем мавр, – он, услышав завывания пса, перекрестился, моля Господа избавить его от дурной встречи.

Но тут рыцаря испугали растерянные слуги, которые разбежались во все стороны, толкая и сбивая друг друга с ног. Не теряя достоинства, рыцарь, сжимая кинжал, стоял, прислонившись к платану, и смотрел, как проносятся мимо эти бледные призраки; наконец он заметил пса, а пес увидел его.

Пес шел прямо на него, ведомый тем чутьем, благодаря которому он безошибочно признал в рыцаре друга своего хозяина.

Аженор оцепенел от ужаса. Эта окровавленная голова, этот пес, похожий на волка, несущего добычу, эта толпа мертвенно-бледных слуг, что бежали, хрипло крича, – все казалось ему одним из тех кошмаров, которые мерещатся больным в лихорадке.

Пес приближался к рыцарю с какой-то горестной радостью и наконец положил к его ногам голову, покрытую пылью; потом задрал морду и завыл так уныло и душераздирающе, как не был раньше. На мгновение похолодев от страха, Аженор подумал, что сейчас у него разорвется сердце; потом, поняв, что же произошло, он наклонился, расправил прекрасные волосы и увидел спокойные, кроткие, хотя и затянутые уже пеленой смерти, глаза друга. Рот его был как у живого, не искривился, и казалось, что на посиневших губах еще блуждает обычная улыбка дона Фадрике. Аженор опустился на колени, и крупные слезы покатались по его щекам.

Он хотел унести эту голову, чтобы воздать ей последние почести, и лишь тут заметил, что в зубах несчастного великого магистра зажат маленький пергаментный свиток; он разжал зубы кинжалом, развернул его и с жадностью прочел:

«Друг, нас не обманули роковые предчувствия: мой брат убивает меня. Сообщи об этом королеве Бланке, ей тоже грозит опасность. Ты хранишь мою тайну, помни обо мне».

– Да, сеньор мой, – прошептал рыцарь. – Верь мне, я свято исполню твою последнюю волю! Но как мне выбраться отсюда?.. Сам не пойму, как я сюда попал... Голова идет кругом, я ничего больше не соображаю, и рука дрожит так сильно, что кинжал, который я не могу вложить в ножны, сейчас упадет...

Рыцарь, действительно, встал с колен бледный, дрожащий, почти обезумевший и пошел прямо перед собой, натываясь на мраморные колонны и вытягивая вперед руки, словно пьяный, который боится разбить себе лоб. Наконец он оказался в великолепном саду, где росли апельсиновые, гранатовые деревья и олеандры, а из порфировых чаш, будто водопады серебра, струились потоки воды. Он подбежал к одной из чаш, жадно напился, освежил лицо, окунув лоб в ледяную воду, и попытался сообразить, где он; взгляд его привлек слабый свет, пробивающийся сквозь деревья. Он побежал на этот свет; женщина в белом, склоненная над узорчатой оградой балкона, узнала его, громко вздохнула и прошептала его имя. Аженор поднял голову и увидел протянутые к нему руки.

– Аисса, Аисса, – вскричал он и бросился из сада к балкону мавританки. Девушка с выражением глубокой любви подала ему руки, потом вдруг в испуге отпрянула:

– О Аллах! Француз, ты ранен?

У Аженора руки были в крови; но вместо ответа и излишне долгого объяснения, он одной рукой взял девушку за локоть, а другой показал на пса, бредущего за ним. Увидев это жуткое зрелище, девушка громко вскрикнула; Мотриль, возвращавшийся к себе, услышал ее крик. Он приказал принести факелы; затем раздались шаги Мотриля и его слуг.

– Беги, – закричала девушка, – беги! Если он тебя убьет, я тоже умру: ведь я люблю тебя.

– Аисса, я люблю тебя! – воскликнул рыцарь. – Будь мне верна, и мы встретимся снова!

Потом, прижав девушку к сердцу и поцеловав в губы, он опустил забрало шлема, обнажил длинный меч и, спрыгнув с низкого балкона, бросился бежать, ломая ветки и топчa цветы; вскоре он выбрался из сада, пересек двор, выбежал за ворота и, сильно удивившись, что никто даже не пытался его задержать, заметил вдалеке Мюзарона, который твердо сидел в седле, держа в поводу прекрасного черного коня, подаренного доном Фадрике Аженору.

Громкий хрип слышался за спиной рыцаря; Аженор обернулся и сразу понял, почему стражники не слишком рвались отрезать ему путь к отступлению. За ним бежал пес, который не хотел покидать единственного оставшегося у него друга. В это время Мотриль, испуганный криками, поспешил к Аиссе. Он застал бледную девушку у окна; Мотриль хотел ее расспро-

силь, но первые его вопросы она встретила угрюмым молчанием. Наконец мавр понял, что случилось.

– Здесь кто-то был? Отвечайте, Аисса...

– Да, – сказала девушка. – Голова брата короля. Мотриль посмотрел на Аиссу более внимательно. На ее белом платье отпечатались окровавленная ладонь.

– У тебя был француз! – вскричал взбешенный Мотриль. Аисса смерила его гордым взглядом и на сей раз не удостоила ответом.

Х. Каким образом Бастард де Молеон проник в замок Медина-Сидония

Утром после того жуткого дня, когда первые лучи Солнца озарили вершины Сьерры-де-Арасена, Мотриль, закутанный в свободный белый плащ, попрощался с королем доном Педро у подножия парадной лестницы алькасаара.

– Я ручаюсь за моего слугу, – сказал мавр, – именно такой человек, государь, может отомстить за вас, у него твердая и быстрая рука. Впрочем, я прослежу за ним. Пока же прикажите разыскать этого француза, сообщника великого магистра, и, если схватите его, будьте безжалостны.

– Хорошо, – сказал дон Педро, – поезжай и возвращайся быстрее.

– Сеньор, для большей скорости моя дочь поедет верхом, а не в носилках, – ответил мавр.

– Почему ты не оставляешь ее в Севилье? – спросил король. – Разве у нее нет здесь дома, прислуги и дуэний?

– Сеньор, я не могу ее оставить. Необходимо, чтобы она повсюду была со мной. Это мое сокровище, и я берегу его.

– Ага, мавр, ты помнишь историю графа Хулиана и прекрасной Флоринды.⁷³

– Я не должен ее забывать, – ответил Мотриль, – потому что именно благодаря ей мавры проникли в Испанию, и я, следовательно, обязан ей честью быть министром вашего величества.

– Но ты не говорил мне, что у тебя такая красавица-дочь, – заметил дон Педро.

– Это верно, дочь у меня очень красивая.

– Такая прекрасная, что ты молишься на нее, стоя перед ней на коленях, да?

Мавр притворился, будто его совсем смутили слова короля.

– На коленях?! – воскликнул мавр. – Кто сказал это вашему величеству...

– Никто, я сам видел, – ответил король. – Но она тебе не дочь.

– О, сеньор, надеюсь, вы не думаете, что она моя жена или любовница!

– Так кто же она?

– В свое время король об этом узнает. А пока я отправляюсь исполнять повеления вашего величества.

И, простившись с доном Педро, мавр ушел.

Девушка, закутанная в длинную белую накидку, которая позволяла видеть лишь ее большие черные глаза и изогнутые брови, действительно, входила в свиту мавра, но последний лгал, когда говорил, будто она должна сопровождать его в поездке. В двух льё от Севильи, он свернул с дороги и спрятал Аиссу в надежном месте, во дворце богатой мавританки, которой доверял.

А сам, помчался галопом и, не останавливаясь на отдых, сократил себе путь.

Вскоре он пересек Гуадалете в том месте, где погиб король дон Родриго⁷⁴ после знаменитой битвы, что продолжалась неделю, и между Тарифой и Кадисом увидел возвышающийся на равнине замок Медина-Сидония, окутанный печалью, которая всегда царит над обителями узников.

В этом замке уже давно жила в обществе единственной служанки белокурая и бледная молодая женщина. Словно опаснейшего преступника, ее окружала многочисленная стража; безжалостные глаза беспрерывно следили за ней и тогда, когда она, бессильно опустив руки и

---

⁷³ Флорин – золотая монета крупного достоинства; чеканилась во Флоренции с середины XIII в. и имела хождение в других европейских странах. Название монеты происходит от латинского слова *flor* – цветок, так как на ней был помещен геральдический знак Флоренции – лилия.

⁷⁴ Последний король (Родерих, Родриг, 710–711) вестготского государства в Испании, разрушенного мусульманским завоеванием; пропал без вести во время битвы при Херес-де-ла-Фронтера.

склонив голову, медленно прогуливалась в садах, опаленных солнцем, и тогда, когда, лежа у окна, забранного железными решетками, она грустно всматривалась вдаль, вздыхая по свободе и следя за бесконечными, вечно живыми волнами необъятного океана.

Это была Бланка Бурбонская, жена дона Педро, которую он оставил после первой брачной ночи. Она медленно чахла в слезах и сожалениях о том, что в жертву бесплодному призраку тщеславия принесла то сладкое будущее, которое однажды забрезжило перед ней в голубых глазах дона Фадрике.

Когда бедная женщина видела, как по равнине возвращаются девушки, неся корзины с виноградом херес или марбелла, когда слышала, как они поют о своих милых, которые шли к ним навстречу, сердце ее переполняла тоска, а из глаз катились слезы. И она, размышляя о том, что могла бы родиться вдали от трона и быть свободной, как одна из этих юных смуглых сборщиц винограда, вызывала в памяти дорогой для нее образ и тихо шептала имя, что произносила очень часто.

С тех пор как Бланка Бурбонская находилась здесь в заточении, Медина-Сидония казалась проклятым местом. Стража не подпускала к замку ни одного путника, всегда подозревая, что он либо сообщник, либо, по крайней мере, друг. Но каждый день королеве выпадал миг свободы или, вернее, одиночества: это был час, когда дозорные, которые сами стыдились, что так зорко стерегут женщину, предавались снесте, спасаясь от палящего солнца, и дремали, опершись на копья, либо под сенью какого-нибудь ветвистого платана, либо в тени белой стены.

Тогда королева спускалась на террасу, которая выходила на заполненный водой ров, и если видела вдали какого-нибудь путника, то в мольбе протягивала к нему руки, надеясь, что он станет ей другом и отвезет весточку от нее королю Карлу, но никто еще не ответил на зов узницы.

В один прекрасный день она увидела на дороге из Аркоса двух всадников: один из них, несмотря на то, что солнце, подобно огненному шару, висело над его шлемом, казалось, чувствовал себя бодро в полном боевом облачении. Он так гордо держал копье, что в нем сразу можно было узнать храброго рыцаря. С первого мгновения, как она его заметила, Бланка, не отрываясь, смотрела на него. Он быстро мчался вперед на крепком черном коне и явно держал путь из Севильи в Медину-Сидонию. Несмотря на то, что все гонцы из Севильи до сих пор были вестниками несчастья, королева Бланка, увидев рыцаря, почувствовала скорее радость, нежели страх.

Заметив ее, рыцарь тоже остановился.

Смутное предчувствие надежды заставило забиться сердце узницы; она подошла к перилам, перекрестилась и, как обычно, подняла руки.

Незнакомец, пришпорив коня, галопом помчался прямо к террасе.

Испуганным жестом королева показала на часового, который дремал, прислонившись к дереву.

Рыцарь спешил, сделал знак оруженосцу подойти к нему и о чем-то пошептался с ним несколько минут. Оруженосец отвел лошадей за скалу, чтобы спрятать их там, вернулся к хозяину, и оба подошли к огромному миртовому кусту, откуда можно было слышать голос с террасы.

Достойный рыцарь, который, подобно Карлу Великому,⁷⁵ собственной рукой был способен начертать пером лишь те знаки, что имели форму кинжала или меча, приказал оруженосцу быстро написать карандашом – Мюзарон всегда носил его с собой – несколько слов на плоском камне.

Потом он сделал королеве знак отойти назад, потому что хотел забросить камень на террасу.

---

⁷⁵ Карл Великий (742–814) – франкский король из династии Каролингов, с 800 г. – император.

Камень, взлетев в воздух, упал на пол недалеко от королевы. Звук от его падения разбудил солдата, погруженного в тяжелый сон; он открыл глаза, но ничего не заметил, кроме неподвижной, опечаленной королевы, которую привык видеть каждый день на том же месте, и вскоре снова задремал.

Королева подобрала камень и прочла следующие слова:

«Вы ли несчастная королева Бланка, сестра моего короля?»

Ответ королевы был прекрасен в своем страдальческом величии. Она скрестила руки на груди и так сильно кивнула головой, что к ногам ее упали две крупные слезы.

Рыцарь, почтительно поклонившись, снова обратился к оруженосцу, который уже приготовил камень для второго письма.

– Пиши, – сказал Аженор:

«Госпожа, можете ли Вы выйти на эту террасу в восемь вечера. У меня к Вам письмо от дон Фабрике⁷⁶».

Оруженосец написал.

Второе послание долетело столь же счастливо, как и первое. Бланка радостно встрепенулась, потом надолго задумалась и ответила: «Нет».

Тогда был брошен третий камень.

«Есть ли способ пробраться к вам?» – спрашивал Аженор, вынужденный жестами заменить голос, который мог бы разбудить часового, и записку, которую его обессиленная рука уже не могла перебросить через ров. Королева показала рыцарю на дерево: по нему он мог забраться на стену; потом указала в стене на дверь, что вела в башню.

Рыцарь поклонился: он все понял.

Но тут проснулся солдат и снова встал на пост.

Рыцарь какое-то время прятался, потом, улучив момент, когда часовой отвлекся и внимательно смотрел в другую сторону, вместе с оруженосцем проскользнул за скалу, где их ждали лошади.

– Сеньор, мы с вами проделали тяжелую работу, – сказал оруженосец. – Почему бы сразу не послать королеве записку великого магистра? Уж я бы не промахнулся.

– Потому что записка может случайно оторваться от камня, а королева не поверит, что она потерялась. Оставим это дело до вечера и поищем способа пробраться на террасу тайком от часового.

Наступил вечер, а Аженор так и не придумал, как проникнуть в крепость. Наверное, было уже половина восьмого. Аженор стремился попасть в замок, если возможно, без насилия, скорее с помощью хитрости, нежели силы. Но у Мюзарона, по обыкновению, имелось свое мнение, совершенно отличное от мнения его господина.

– Что бы вы ни делали, сеньор, – заметил он, – нам все равно придется дать бой и убивать. Посему ваша щепетильность мне кажется необоснованной. Убийство – всегда убийство. Оно будет грехом и в половине восьмого, и в восемь. Поэтому я утверждаю, что из всех способов, которые вы предлагаете, единственно приемлемый мой.

– Что это за способ?

– Сейчас увидите. На посту как раз стоит гнусный мавр; мерзкий басурман таращит свои белые глазищи так, словно уже охвачен адским пламенем, в котором в один прекрасный день он должен сгореть дотла. Соболаговолите, ваша милость, прочесть «In manus»⁷⁷ и мысленно окрестить неверного.

---

⁷⁶ Дон Фабрике де Кастилья (1334–1358) – внебрачный сын короля Кастилии Альфонса XI, правившего с 1312 по 1350 г.; брат Энрике Трастамаре и сводный брат короля Педро I Жестокого, по приказу которого был убит за участие в заговоре; великий магистр (глава) духовно-рыцарского ордена Святого Иакова, основанного в Кастилии в 1175 г.

⁷⁷ «In Manus» (буквально: «В руки») – слова из предсмертной фразы Иисуса на кресте: «Отче! В руки Твои предаю дух Мой», ставшей христианской предсмертной молитвой.

– И что это даст? – спросил Аженор.

– А то, что в этих обстоятельствах и должно нас заботить. Мы убьем его тело, но спасем душу.

Рыцарь еще не совсем понимал, что намеревался предпринять Мюзарон. Однако, поскольку он питал полное доверие к фантазии своего оруженосца, которую уже не раз имел возможность оценить, Аженор уступил просьбе Мюзарона и стал молиться. В это время Мюзарон спокойно – так он действовал бы на деревенском празднике, стремясь выиграть в качестве трофея серебряную кружку, – поднял арбалет, вложил стрелу, прицелился в мавра, и в ту же секунду раздался резкий свист. Аженор, который не сводил глаз с часового, увидел, как закачался его тюрбан, а сам он раскинул руки. Обмякнув, солдат разинул рот, словно хотел закричать, но из его глотки не вылетело ни единого звука; захлебнувшись кровью, он, поддерживаемый стенкой, к которой привалился спиной, остался стоять почти прямо и неподвижно.

Аженор повернулся к Мюзарону; тот, улыбаясь, закидывал за спину арбалет, из которого только что выпустил стрелу, поразившую мавра в сердце.

– Видите, сеньор, – сказал Мюзарон, – В том, что я сделал, есть два преимущества: во-первых, я против воли неверного, отправил его в рай; во-вторых, помешал ему крикнуть «Стой! Кто идет?» Теперь вперед, никто нам больше не мешает, на террасе никого, путь свободен!

Они спрыгнули в ров, который перешли вброд. Вода стекала по латам рыцаря, словно по чешуе рыбы. Мюзарон же, неизменно предусмотрительный и исполненный достоинства, снял верхнюю одежду, и водрузил ее на голову. Когда они добрались до дерева, он быстро оделся; пока его хозяин отряхивался, выплескивая воду из всех отверстий доспехов, Мюзарон первым вскарабкался на макушку дерева, на высоту крепостной стены. – Ну, что там? – спросил Молеон.

– Ничего, – ответил оруженосец. – Правда, вижу дверь, ее никто не охраняет. Ваша милость разнесет ее двумя ударами топора.

Молеон тоже забрался на дерево и сам смог убедиться в правдивости слов Мюзарона. Путь был свободен, и лишь указанная дверь, запиравшаяся на ночь, преграждала проход с террасы в покои пленницы.

Как и советовал Мюзарон, Аженор, просунув между камней острый кончик топора, сорвал замок, потом – два засова.

Дверь открылась. За ней оказалась витая лестница, служившая потайным ходом в покои королевы; парадный вход находился во внутреннем дворе. На втором этаже они нашли еще одну дверь, в которую рыцарь постучал три раза, но ему никто не ответил.

Аженор догадался, что королева опасается неожиданностей.

– Не бойтесь, мадам,⁷⁸ это мы.

– Я прекрасно вас слышала, – ответила из-за двери королева. – Но не обманываете ли вы меня?

– Я вас не обманываю, мадам, – сказал Аженор, – потому что я вскрыл дверь, чтобы дать вам возможность бежать. Я убил часового. Мы перешли ров – это было делом нескольких минут, – и через четверть часа вы будете на свободе, далеко отсюда.

– Ну а от этой двери есть у вас ключ? – спросила королева. – Я же заперта.

Вместо ответа Аженор проделал ту же операцию, что так успешно удалась ему с нижней дверью. Через несколько минут дверь в комнаты королевы тоже была взломана.

– О Боже мой, как я вам благодарна! – воскликнула королева, увидев своих освободителей. – Но... но где же дон Фадрике? – спросила она дрожащим, еле слышным голосом.

– Увы, мадам, – медленно ответил Аженор, преклонив колено и протягивая королеве пергамент, – дон Фадрике... Вот его письмо.

---

⁷⁸ Мадам – в данном случае обращение к королеве, равнозначное словам «государыня», «ваше величество».

При свете лампы Бланка прочла письмо.

– Значит он в опасности! – вскричала она. – Эта записка – последнее прощание человека, идущего на смерть!

Аженор промолчал.

– Во имя Неба! Во имя вашей дружбы с великим магистром, скажите, погиб он или жив? – умоляла королева.

– В любом случае, как вы понимаете, дон Фадрике приказывает вам бежать.

– Но к чему бежать, если он погиб? – вскричала королева. – Если он умер, зачем мне жить?

– Чтобы исполнить его последнюю волю, мадам, во имя его и вас потребовать мести от вашего брата, короля Франции.

В эту секунду внутренняя дверь в покои распахнулась; появилась бледная и перепуганная мамка Бланки, что приехала с ней из Франции.

– О мадам, замок заполнили вооруженные люди, приехавшие из Севильи, – сказала она. – Они говорят, что вас хочет видеть посланец короля.

– Надо уходить, мадам, нельзя терять ни минуты, – сказал Аженор.

– Наоборот, – ответила королева, – если они сейчас не найдут меня в замке, за нами бросятся в погоню и непременно схватят. Будет лучше, если я приму этого посланца, а потом, когда он успокоится, увидев меня и поговорив со мною, мы убежим.

– Ну, а если ему даны зловещие приказы, если у него дурные намерения? – возразил рыцарь.

– От него я узнаю, жив или мертв дон Фадрике, – упрямо настаивала королева.

– Хорошо, мадам, если вы принимаете этого человека лишь поэтому, я сам скажу вам правду: увы, дон Фадрике мертв!

– Если он погиб, какое мне дело, зачем приехал сюда этот человек! – возразила королева Бланка. – Думайте о себе, мессир де Молеон, вот и все.

Потом, поскольку рыцарь все еще хотел ее удержать, она величественным жестом велела ему повиноваться и вышла.

– Сеньор, послушайте меня, – сказал Мюзарон, – оставим королеву заниматься ее делами, раз она так хочет, и подумаем, как нам выбраться отсюда. Мы нелепо погибнем здесь, сеньор, я предчувствую это. Отложим на завтра бегство королевы, а сперва...

– Молчи! – приказал рыцарь. – Королева будет свободна сегодня ночью, или я умру!

– Тогда, сеньор, давайте хотя бы поставим двери на место, чтобы мавры ничего не заметили, если пожелают осмотреть террасу. Они же найдут труп часового, сеньор.

– Брось его в воду.

– Это мысль, но хороша она не больше, чем на час... Он всплывет, этот упрямец.

– Бывают случаи, когда час – это целая жизнь! – патетически воскликнул рыцарь. – Ступай!

– Как мне хотелось бы и уйти, и быть с вами! – воскликнул Мюзарон. – Если я останусь, они найдут мавра, если уйду, то буду бояться, как бы с вами не случилось несчастья, пока я оставлю вас одного.

– А что, по-твоему, со мной случится, если при мне и кинжал и меч?

– Гм! – пробормотал Мюзарон.

– Ступай же, не теряй времени.

Мюзарон уже пошел к двери, но внезапно остановился:

– Ага! Слышите, сеньор, этот голос?

До них, действительно, донесли обрывки нескольких, довольно громко сказанных слов, и рыцарь это слышал.

– Похоже, это голос Мотриля! – вскричал Аженор. – Но быть этого не может!

– От мавров всего можно ждать – и ада и волшебств, – возразил Мюзарон, бросаясь к двери с такой поспешностью, которая свидетельствовала о его желании поскорее оказаться на вольном воздухе.

– Если это Мотриль, тем более надо идти к королеве! – вскричал Аженор. – Ведь если это он, королева погибла.

И он собрался уступить своему великодушному порыву.

– Сеньор, вы знаете, что я не трус, – сказал Мюзарон, удерживая его за рукав кольчуги. – Я просто осторожен, не скрываю этого и этим горжусь. Так вот! Подождите еще несколько минут, добрый мой сеньор, а потом, если пожелаете, я последую за вами в ад.

– Ладно, подождем, может, ты и прав, – согласился рыцарь.

Однако голос слышался по-прежнему, становясь все более угрожающим; напротив, голос королевы, которая всегда разговаривала тихо, постепенно звучал все резче. За этим странным разговором последовало недолгое молчание, потом – чудовищный крик.

Аженор не смог устоять на месте и выбежал в коридор.

XI. Глава, в которой Бланка Бурбонская поручила Бастарду де Молеону передать кольцо своей сестре, королеве Франции

Вот что произошло, или, вернее, происходило, у королевы.

Едва Бланка Бурбонская пересекла коридор и, следуя за мамкой, поднялась по нескольким ступеням лестницы, которая вела в ее комнату, как на парадной лестнице башни раздался тяжелый топот множества солдат.

Но отряд расположился в нижних этажах; наверх вошло только двое солдат, причем один встал в коридоре, а другой подошел к комнате королевы.

В дверь постучали.

– Кто там? – дрожа от страха, спросила мамка.

– Солдат, который прибыл от короля дона Педро и привез донье Бланке письмо, – послышался ответ.

– Открой, – приказала королева.

Мамка открыла и отступила назад, увидев перед собой высокого мужчину: он был в одежде солдата: грудь его обтягивала кольчуга, поверх которой был наброшен свободный белый плащ; капюшон скрывал его лицо, а длинные рукава – руки.

– Ступайте к себе, добрая мамка, – сказал он с тем легким гортанным выговором, который отличает мавров, безупречно владеющих кастильским языком, – идите. Мне необходимо поговорить с вашей госпожой об очень важных вещах.

Первым чувством мамки было остаться, несмотря на приказ солдата; но госпожа, у которой она взглядом попросила разрешения, сделала ей знак удалиться, и она повиновалась. Но, выйдя в коридор, она сразу же раскаялась в своем послушании, так как увидела у стены прямого и молчаливого второго солдата, который, вероятно, был готов исполнить приказы солдата, вошедшего к королеве.

Пройдя мимо этого человека, мамка почувствовала, что теперь ее отделяют от госпожи не только двое этих страшных пришельцев, но и какая-то непреодолимая преграда, и поняла, что Бланка погибла.

Королева же, как всегда спокойная и величественная, подошла к мнимому солдату, посланцу короля, который опустил голову, словно боясь, что его узнают.

– Теперь мы одни, говорите, – сказала она.

– Сеньора, король знает, что вы переписывались с его врагами, – начал незнакомец, – а это, как вам известно, представляет собой очевидную измену.

– Неужели король только сегодня об этом узнал? – спросила королева с тем же спокойствием и тем же величием. – Однако, мне кажется, я уже довольно давно несу наказание за это преступление, о котором, как утверждает король, он узнал лишь сегодня.

Солдат поднял голову и возразил:

– На сей раз, сеньора, король говорит не о врагах его трона, а о врагах его чести. Королева Кастилии должна быть вне подозрений, но она тем не менее дала повод к скандалу.

– Исполняйте ваше поручение и уходите, когда закончите, – сказала королева.

Солдат какое-то время хранил молчание, словно не решаясь перейти к делу, потом спросил:

– Вы знаете историю дона Гутьере?

– Нет, – ответила королева.

– Но она разыгралась совсем недавно и наделала немало шума.

– Я ничего не знаю о недавних событиях, – сказала пленница, – а шум, даже самый громкий, едва проникает сквозь стены замка.

– Хорошо! Тогда я вам расскажу, – сказал посланец короля.

Вынужденная слушать, королева, невозмутимая и исполненная достоинства, продолжала стоять.

– Дон Гутьере женился на юной, прекрасной девушке шестнадцати лет, – начал он свой рассказ. – Именно в этом возрасте ваша светлость вышла замуж за короля дона Педро.

Королева пропустила мимо ушей этот явный намек.

– Прежде чем она стала сеньорой Гутьере, эту девушку звали донья Менсия, – продолжал солдат, – и под этим девичьим именем она любила молодого сеньора, который был не кто иной, как брат короля, граф Энрике де Трастамаре.

Королева вздрогнула.

– Однажды ночью, вернувшись домой, дон Гутьере застал жену дрожащей от страха, в сильном волнении; он спросил, в чем дело; та сказала, будто видела мужчину, который спрятался в ее комнате. Дон Гутьере взял светильник и стал искать, но ничего не нашел, кроме очень богато украшенного кинжала. Он отлично понимал, что такой кинжал не мог принадлежать простому дворянину.

На рукояти была указана фамилия мастера; дон Гутьере пошел к нему и спросил, кому тот продал кинжал.

«Инфанту дону Энрике, брату короля дона Педро», – ответил мастер.

Дон Гутьере узнал все, что хотел знать. Отомстить графу дону Энрике он не мог, потому что был старым кастильцем, исполненным благоговейного почтения к своим господам, и не пожелал бы, несмотря на нанесенное оскорбление, обагрить руки в королевской крови.

Но донья Менсия не была дочерью знатного дворянина, поэтому он мог отомстить ей и отомстил.

– Каким же образом? – спросила королева, увлеченная рассказом об этом событии, которое так сильно напоминало ее собственную историю.

– О, самым простым, – ответил посланец. – Он подстерег у двери его дома бедного лекаря по имени Лудовико, когда тот возвращался к себе, приставил ему к горлу кинжал, завязал глаза и привел в свой дом.

Когда они вошли в дом, он развязал костоправу глаза. На кровати лежала связанная женщина; горели две свечи – одна в изголовье, другая у изножья, – словно женщина была уже покойницей. Левая ее рука была привязана так крепко, что ею нельзя было даже пошевелить. Лекарь стоял, онемев и ничего не понимая в этом спектакле.

«Отворите кровь этой женщине, – сказал дон Гутьере, – и пусть она истекает кровью, пока не умрет».

Лекарь хотел сопротивляться, но почувствовал, что кинжал дона Гутьере, пропоровший его одежду, был готов пронзить ему грудь; он подчинился. В ту же ночь бледный, окровавленный мужчина бросился к ногам дона Педро.

«Государь, – сказал он, – этой ночью меня, завязав глаза и приставив кинжал к горлу, затащили в дом, где силой заставили пустить кровь женщине и не останавливать до тех пор, пока та не умерла».

«И кто же тебя заставил? – спросил король. – Как зовут убийцу?»

«Не знаю, – ответил Лудовико. – Но, поскольку меня никто не видел, я обмакнул руку в таз с кровью, а выходя из дома, притворился, будто споткнулся, и оперся окровавленной рукой о дверь. Прикажете найти убийцу, сир, и дом, на двери которого вы увидите кровавый отпечаток ладони, будет домом виновного».

Король дон Педро взял с собой алькальда⁷⁹ Севильи, и они вдвоем ходили по городу до тех пор, пока не нашли кровавого знака. Тогда король постучал в дверь, и дон Гутьере сам открыл ему, потому что увидел из окна знатного гостя.

«Дон Гутьере, где донья Менсия?» – спросил король.

«Сейчас вы ее увидите, государь», – ответил испанец.

И, проведя короля в комнату, где все еще горели свечи и стоял наполненный дымящейся теплой кровью таз, сказал:

«Сир, вот та, кого вы ищите».

«Чем провинилась перед вами эта женщина?» – спросил король.

«Она мне изменила, государь».

«И почему вы отомстили ей, а не ее сообщнику?»

«Потому что ее сообщник – граф дон Энрике де Трастамаре, брат короля дона Педро».

«У вас есть доказательство?» – спросил король.

«Вот собственный кинжал графа, который он потерял в комнате моей жены, а я его нашел».

«Хорошо, – сказал король, – похороните донью Менсию и вымойте дверь вашего дома, на которой отпечаталась кровавая ладонь».

«Нет, государь, – ответил дон Гутьере. – Каждый человек, имеющий должность, обычно помещает над дверью своего дома какой-либо знак, обозначающий его профессию. Я сам имею честь быть врачом, и эта окровавленная рука будет моим знаком».

«Пусть же этот знак остается на двери, – согласился дон Педро, – „даст понять вашей второй жене, если вы возьмете новую супругу, что она должна почитать мужа и хранить ему верность“».

– Неужели король больше ничего не сделал? – спросила Бланка.

– Сделал, сеньора, – ответил посланец. – Вернувшись во дворец, король дон Педро изгнал инфанта дона Энрике.

– Все это прекрасно! Но какое отношение эта история имеет ко мне, в чем донья Менсия похожа на меня?

– В том, что она, подобно вам, осквернила честь мужа, – ответил солдат, – и в том, что, подобно дону Гутьере, которого король одобрил и помиловал, король дон Педро уже наказал вашего сообщника.

– Моего сообщника! Что ты хочешь сказать, солдат? – воскликнула Бланка, которой эти слова напомнили о записке дона Фадрике ее страхах.

– Я хочу сказать, что великий магистр казнен, – холодно пояснил солдат. – Казнен за посягательство на честь короля, а вы, будучи виновны в том же преступлении, должны готовиться к смерти, как и дон Фадрике.

Бланка похолодела от ужаса, но не от мысли, что она должна умереть, а от известия, что ее любовник казнен.

– Казнен! – повторила она. – Значит, правда, что он погиб!

Самый искусный человеческий голос вряд ли сумел бы передать отчаяние и ужас, вложенные молодой женщиной в эти слова.

– Да, сеньора, – подтвердил мавр. – А я привел с собой тридцать солдат, которые будут сопровождать тело королевы из Медины-Сидонии в Севилью, чтобы ей, хотя она и виновна, были возданы королевские почести.

– Солдат, я уже сказала тебе, что мне судья – король дон Педро, а ты лишь мой палач.

– Да будет так, сеньора, – согласился солдат и достал из кармана длинный, прочный шнурок, на конце которого сделал подвижную петлю.

---

⁷⁹ Алькальд – глава муниципальной администрации в Испании.

Эта хладнокровная жестокость возмутила королеву.

– О Боже, – воскликнула она, – и где только король дон Педро отыскал в своем королевстве испанца, который согласился на такое гнусное дело?

– Я не испанец, я мавр! – сказал солдат, подняв голову и откинув белый капюшон, скрывавший его лицо.

– Мотриль! – вскричала она – Мотриль – бич Испании!

– Я человек благородной крови, – ухмыльнулся мавр, – и не обещаю прикосновением своих рук голову моей королевы.

И, держа в руке роковой шнурок стал приближаться к Бланке.

– О нет, нет! Вы не убьете меня, грешную, без молитвы! – умоляла Бланка.

– Сеньора, вы безгрешны, потому что не считаете себя виновной, – возразил жестокий посланец короля.

– Негодяй! Ты еще смеешь оскорблять королеву перед тем, как задушить ее... О, трус! Почему здесь нет храбрых французов, чтобы защитить меня?

– Верно, нет, – рассмеялся Мотриль. – К несчастью, ваши храбрые французы остались по ту сторону Пиренейских гор, и если только ваш Бог не сотворит чуда...

– Мой Бог всемогущ! – воскликнула Бланка. – На помощь, рыцарь, ко мне! И она бросилась к двери, но до порога добежать не успела, потому что Мотриль накинул веревку ей на шею. Он потянул петлю к себе, и королева, чувствуя, как холодное ожерелье стягивает ей горло, жалобно вскрикнула. И в ту же секунду Молеон, презрев советы оруженосца, кинулся на зов королевы.

– На помощь! – хрипела молодая женщина, корчась на полу.

– Кричи, кричи... – приговаривал мавр, затягивая петлю, в которую несчастная узница вцепилась судорожно сведенными пальцами. – Кричи, посмотрим, кто тебе поможет – твой Бог или твой любовник...

Неожиданно в коридоре зазвенели шпоры и перед изумленным мавром на пороге предстал рыцарь.

У королевы вырвался стон – от радости и страдания. Аженор занес меч, но Мотриль сильной рукой поднял королеву и, как щитом, заслонился ею от рыцаря.

Стоны несчастной сменились приглушенным, сдавленным хрипом, руки свела сильная боль, а губы посинели.

– Кебир! Кебир! На помощь! – по-арабски прокричал Мотриль.

Он защищался одновременно и телом королевы, и страшной турецкой саблей, изогнутое лезвие которой, охватывая шею, срезает голову, словно серп колосок.

– Ах, басурман, ты хочешь убить дочь Франции!⁸⁰ – вскричал Аженор.

И через голову королевы попытался поразить Мотриль я мечом.

Но в это мгновение Аженор почувствовал, что руки Кебира, словно железным кольцом, обхватили его и потянули назад.

Рыцарь повернулся к новому противнику, хотя драгоценное время было потеряно. Королева снова упала на колени, она больше не кричала, не стонала, даже не хрипела. Казалось, что она мертва.

Кебир высматривал в доспехах рыцаря место, куда он, на секунду разжав руки, мог бы всадить кинжал, зажатый в зубах.

Эта сцена заняла меньше времени, чем необходимо молнии, чтобы сверкнуть и угаснуть. Столько же секунд понадобилось Мюзарону, чтобы последовать за хозяином и вбежать в комнату королевы.

---

⁸⁰ Дочь Франции (сын Франции) – титул детей французских королей; здесь это наименование употреблено фигурально, так как Бланка не была королевской дочерью.

Крик, который он издал, увидев, что происходит, известил Аженора о внезапно подоспевшей подмоге.

– Сперва спасай королеву! – крикнул рыцарь, которого не отпускал мощный Кебир.

На мгновенье воцарилась тишина; потом Молеон услышал над ухом свист и почувствовал, что руки мавра разжались.

Стрела, пущенная Мюзароном из арбалета, попала Кебиру в горло.

– Скорее к двери! Закрой ее! – кричал Аженор. – А я убью разбойника! Отбросив мешавший ему труп Кебира, который тяжело упал на пол, Аженор кинулся к Мотрилю и, прежде чем тот успел собраться и принять защитную позицию, нанес мавру удар такой силы, что тяжелый меч рассек двойной слой железа, который прикрывал голову Мотриля, и поранил ему череп. Глаза мавра потухли, по бороде полилась темная, густая кровь, и он рухнул на Бланку, словно хотел и в предсмертных судорогах задушить свою жертву.

Аженор ударом ноги отшвырнул мавра и, склонившись над королевой, быстро развязал петлю, которая глубоко врезалась ей в шею. Только долгий вздох показал, что королева еще жива, хотя она казалась оцепеневшей.

– Победа за нами! – воскликнул Мюзарон. – Сеньор, берите молодую госпожу под голову, я возьму за ноги, и мы вынесем ее отсюда.

Королева, словно услышав эти слова и желая помочь своим освободителям, судорожным движением приподнялась, и жизнь снова прилила к ее устам.

– Не трудитесь, это бесполезно, – сказала она. – Оставьте меня, я уже почти в могиле. Дайте мне крест, пусть я умру, целуя символ нашего искупления.

Аженор протянул ей для поцелуя рукоятку меча, которая имела форму креста.

– Увы! Горе мне! – вздохнула королева. – Едва сойдя с небес, я уже должна снова уходить туда. Вот я и возвращаюсь к своим невинным подругам. Бог простит меня, ибо я сильно любила и много страдала.

– Пойдемте, пойдемте, – умолял рыцарь. – Еще есть время, мы спасем вас. Она взяла Аженора за руку.

– Нет, нет, для меня все кончено! – вздохнула она. – Вы сделали все, что могли. Бегите, уезжайте из Испании, возвращайтесь во Францию, найдите мою сестру, расскажите обо всем, что вы видели, и пусть она отомстит за нас. А я передам дону Фадрике, какой вы благородный и преданный друг.

Она сняла с кольца перстень и, протягивая его рыцарю, сказала:

– Вы отдадите этот перстень моей сестре, она подарила его мне, когда я уезжала из Франции, от имени своего мужа, короля Карла.

И второй раз приподнявшись к рукоятке меча Аженора, она испустила дух в то мгновение, когда коснулась губами железного креста.

– Сеньор, они идут, – крикнул Мюзарон, прислушавшись. – Они бегут, их много.

– Нельзя, чтобы они нашли тело моей королевы среди убийц, – сказал Аженор. – Помоги мне, Мюзарон.

И он, подхватив труп Бланки, величественно усадил его на стул из резного дерева и поставил ее ногу на окровавленную голову Мотриля, подобно тому, как художники и скульпторы изображали Пресвятую Деву, попирающую стопой поверженную главу змия.

– А теперь бежим, если нас еще не окружили, – сказал Аженор.

Через две минуты оба француза оказались под сводом небес и, добравшись до дерева, увидели убитого часового; он стоял в той же позе, прислонившись к стене, и, казалось, все еще смотрел большими незрячими глазами, которые смерть забыла закрыть.

Они уже были на другой стороне рва, когда мелькание факелов и громкие крики убедили их, что тайна башни раскрыта.

ХII. Как Бастард де Молеон ехал во Францию и что случилось с ним в дороге

Чтобы вернуться во Францию, Аженор выбрал почти тот же путь, каким добирался до Испании.

Один, а потому, не внушающий никому страха, бедный, а значит, не вызывающий ни у кого зависти, рыцарь надеялся успешно исполнить поручение, которое дала ему умирающая королева. Правда, на дороге следовало быть настороже.

Прежде всего надлежало остерегаться прокаженных, которые, как поговаривали в народе, отравляли источники, бросая в них сальные волосы, головы ужей и жабы лапы.

Потом – евреев, действовавших в сговоре с прокаженными; и вообще опасаться людей или вещей, всего того, что могло навредить или причинить зло христианам.

Далее – следовало бояться короля Наварры,⁸¹ врага короля Франции, а значит, и французов.

И еще надо было остерегаться крестьян, этих «Жаков-простаков», которые, после того как они долго возмущали народ против дворянства, наконец стали поднимать цепи и вилы на рыцарей.

И уж никак нельзя было забывать об англичанах, предательски расположившихся во всех лучших уголках прекрасного Французского королевства – в Байонне, Бордо, Дофине, Нормандии, Пикардии и даже в пригородах Парижа, и еще надо было помнить об отрядах наемников. Этих скопища разношерстного, вечно голодного сброда прокаженных, евреев, наваррцев, англичан, «Жаков», не считая разбойников со всех концов Европы, выходцев из самой бедной части ее населения, обшаривали и опустошали Францию, воевали против всех и всего: против одиноких путников и крестьян, против красоты и собственности, против власти и богатства. В наемных отрядах, столь живописно пестрых, попадались даже арабы; правда, из духа противоречия, они заделались христианами, что было им вполне позволительно, так как христиане-наемники в свою очередь превратились в арабов.

Если не принимать в расчет эти неудобства – мы перечислили здесь далеко не все, – то Аженор ехал вполне спокойно.

Путник той эпохи был обязан знать и изучать повадки вороватого воробья, подражать им. Он не смог сделать ни одного прыжка, ни одного движения, прежде чем быстро не оглянуться на все четыре стороны, чтобы убедиться, нет ли рядом стрелка, сетки-ловушки или пращи, нет ли поблизости собаки, ребенка или крысы.

Таким обеспокоенным вороватым воробьем и был Мюзарон; Аженор поручил ему распорядиться их кошельком, и оруженосец не хотел, чтобы он совсем опустел.

Мюзарон издали угадывал прокаженных, за лём чуял евреев, за каждым кустом видел англичанина, вежливо раскланивался с наваррцами, показывал «Жакам» свой длинный нож или арбалет; отрядов наемников он боялся гораздо меньше Молеона, или, вернее, не боялся совсем, потому что, как убеждал он своего господина, если их захватят в плен, то они вступят в наемный отряд, чтобы выкупить себя, и оплатят свою свободу свободой тех, у кого они сами ее отнимут.

– Все это будет прекрасно, когда я исполню свое поручение, – отвечал Аженор. – Тогда пусть случится то, что угодно Богу, а пока я желаю, дабы Богу было угодно, чтобы с нами ничего не случилось.

---

⁸¹ Карл II Злой (1322–1387), король Наварры в 1349–1387 гг.; вел борьбу с королями Франции за наследственные земли своего отца графа Эврэ, притязал на французский престол; во время Столетней войны поддерживал англичан.

Они благополучно проехали Руссийон, Лангедок, Дофине, Лионне и добрались до Шалона-на-Соне. Погубила их беспечность: уверенные, что с ними больше ничего не случится, поскольку заветная цель была совсем близка, они рискнули ехать ночью и утром, едва занялся рассвет, попали в западню, которая была отлично устроена таким множеством солдат, что всякое сопротивление было бесполезно, поэтому осторожный Мюзарон в тот самый миг, когда Аженор намеревался неосторожно выхватить из ножен меч, удержал хозяина за руку, и они сдались без боя. С ними произошло то, чего они больше всего опасались, вернее, опасался рыцарь; Аженор с Мюзароном оказались в лапах командира наемного отряда, мессира Гуго де Каверлэ⁸² – человека, который по рождению был англичанином, по уму – евреем, по характеру – арабом, по своим вкусам – «Жаком», по хитрости – наваррцем и, сверх всего, почти прокаженным, ибо он, по его словам, воевал в таких жарких краях, что привык в самом пекле не снимать доспехов и железных перчаток.

Враги же капитана – их у него, как у всех незаурядных людей, было немало – просто-напросто утверждали, будто Гуго де Каверлэ не снимает доспехи и всегда носит железные перчатки, чтобы не заразить своих многочисленных друзей гнусной болезнью, которую имел несчастье подцепить в Италии.

Мюзарона и рыцаря немедленно доставили к Каверлэ. Это был лихой вояка, который хотел собственными глазами видеть пленников и лично допросить их; ведь он всегда считал, что в это опасное время его люди смогут упустить какого-нибудь графа, переодетого в мужлана, и он в очередной раз потеряет возможность разбогатеть. Поэтому он сразу же постарался узнать о делах Молеона, разумеется тех, о которых рыцарь мог рассказать; ясное дело, что о поручении королевы Бланки сначала речи не заходило. Они говорили только о выкупе.

– Извините меня, – сказал Каверлэ, – я тут, на дороге, затаился, как паук под потолком. Поджидал кого-нибудь или чего-нибудь, подвернулись вы, я вас и схватил, хотя и без всяких злых умыслов. Увы, с тех пор как регентом стал король Карл Пятый и кончилась война, мы прокормиться не можем. Вы симпатичный рыцарь, и я учтиво отпустил бы вас, живи мы в обычное время, но в голодные времена, сами понимаете, мы и крохи подбираем.

– Вот мои крохи, – сказал Молеон, показывая Каверлэ пустой кошелек. – Я клянусь вам Богом и той долей, которую, надеюсь, он выделит мне в раю, что у меня нет ничего: ни земель, ни денег, ни чего-либо еще. Зачем я вам? Лучше отпустите меня.

– Прежде всего, мой юный друг, – ответил капитан Каверлэ, внимательно приглядываясь к крепкой фигуре и воинственному лицу рыцаря, – вы будете отлично смотреться в первой шеренге нашего отряда, во-вторых, у вас есть конь и оруженосец. Но не одно это делает вас для меня весьма ценной добычей.

– Прошу вас, скажите, что за несчастное стечение обстоятельств придает мне в ваших глазах столь большую ценность? – спросил Аженор.

– Вы ведь рыцарь, не правда ли?

– Да, я посвящен в Нарбоне одним из величайших сеньоров христианского мира.

– Поэтому вы для меня ценный заложник, раз признаетесь, что вы рыцарь.

– Заложник?

– Конечно. Представьте, что король Карл Пятый захватит в плен кого-либо из моих людей, одного из моих лейтенантов,⁸³ и пожелает его повесить. А я пригрожу, что вздерну вас, и это остановит короля. Бели, невзирая на мою угрозу, он все-таки повесит моего человека, я в свою очередь повешу вас, и королю будет неприятно, что его рыцарь болтается на перекладине. Но, простите, – прибавил Каверлэ, – я вижу у вас на руке украшение, которого раньше

---

⁸² Каверлэ, Гуго де (Хью Каверли) – историческое лицо, английский военачальник, активный участник Столетней войны. Далее у Дюма неточность: Каверлэ не погиб во время описанных в романе междоусобий в Испании, а прожил по крайней мере до 70-х гг. XIV в.

⁸³ Лейтенант – здесь: помощник, заместитель.

не заметил, что-то вроде перстня. Чума меня забирай! Покажите-ка мне эту штучку, рыцарь. Я люблю хорошо сделанные вещи, особенно если дорогой материал прекрасно обработан.

После этих слов Молеон сразу понял, с кем имеет дело. Капитан Каверлэ был предводителем банды; он стал главарем разбойников, потому что больше не видел смысла, как он сам себя убедил, честно продолжать заниматься ремеслом солдата.

– Капитан, есть у вас что-нибудь святое? – спросил Аженор, пряча руку.

– Для меня свято все, чего я боюсь, – ответил кондотьер.⁸⁴ – Правда, не боюсь я ничего.

– Жаль, – холодно возразил Аженор, – Будь иначе, этот перстень, который стоит...

– Триста турецких ливров,⁸⁵ – перебил Каверлэ, бросив взгляд на кольцо, – судя по весу золота и не считая работы.

– Верно! Но этот перстень, который по вашей оценке стоит всего триста турецких ливров, мог бы принести вам тысячу, если бы вы, капитан, хоть чего-нибудь боялись.

– Как вас понимать? Объясните, мой юный друг, учиться никогда не поздно, а я люблю набираться ума-разума.

– Но, надеюсь, вы человек слова, капитан?

– По-моему, я однажды уже дал слово, и больше никому давать его не намерен.

– Но вы хотя бы доверяете слову тех, кто его еще не давал и поэтому держит его?

– Я могу доверять слову лишь одного человека, но вы, рыцарь, не он.

– Кто же этот человек?

– Мессир Бертран Дюгеклен. Но поручится ли он за вас?

– Я с ним не знаком, по крайней мере, лично, – ответил Аженор. – Однако если вы позволите мне ехать куда мне надо, если дадите мне возможность передать этот перстень той особе, которой он предназначен, я, от имени мессира Дюгеклена, хотя и не имею чести его знать, обещаю вам даже не тысячу турецких ливров, а тысячу экю⁸⁶ золотом.

– Я лучше предпочитаю наличными те триста турецких ливров, что стоит перстень, – рассмехался Каверлэ, протягивая Аженору руку.

Рыцарь быстро отошел назад и встал у окна, выходящего на реку.

– Этот перстень принадлежит королеве Бланке Кастильской, – сказал он, снимая его с пальца и вытягивая руку прямо над Соной, – и я везу его королю Франции. Если ты дашь слово, что отпустишь меня и я тебе поверю, гарантирую тебе тысячу золотых экю. Если ты откажешься, я брошу перстень в реку, и ты потеряешь все – и перстень и выкуп.

– Пусть так, но ты в моих руках, и я тебя повешу.

– Весьма слабое утешение для хитрого пройдохи, вроде тебя. Ты не ценишь мою голову в тысячу золотых экю, это доказывает то, что ты не говоришь «нет»...

– Я не говорю «нет», – перебил Каверлэ, – потому что...

– Потому что ты боишься, капитан. Скажи «нет», и перстень потерян, а потом, если хочешь, можешь меня повесить. Ну что, да или нет?

– Черт возьми! – в восхищении воскликнул Каверлэ. – Да ты, я вижу, малый храбрый. Даже твой оруженосец глазом не моргнул. Бес меня задери! Клянусь печенкой нашего святого отца, папы римского, ты мне нравишься, рыцарь.

– Прекрасно, я от души тебе признателен, но отвечай.

– А что я должен ответить?

– Да или нет, другого я не требую, вот мое последнее слово.

– Будь по-твоему, да.

---

⁸⁴ Кондотьер (от итал. condottiere – наемник) – в Италии XIV–XVI вв. предводитель наемного отряда.

⁸⁵ Турский ливр – французская монета, чеканившаяся в средние века в городе Туре; по своему достоинству отличалась от ливров, чеканившихся в других местностях страны.

⁸⁶ Экю – старинная французская золотая монета, чеканилась из золота с 1338 г.; основная денежная единица Франции.

– Отлично! – воскликнул рыцарь, снова надевая на палец перстень.

– Но лишь при одном условии, – заметил капитан.

– Каком?

Каверлэ собрался уже ответить, но громкий шум отвлек его внимание; шум доносился с другого края поселения, вернее, лагеря, разбитого на берегу реки и окруженного лесом. В дверь просунулись несколько озабоченных солдат, которые кричали:

– Капитан! Капитан!

– Слышу, слышу, иду, – ответил кондотьер, привыкший к подобного рода тревогам. – Потом, повернувшись к рыцарю, сказал: – А ты оставайся здесь, тебя будет охранять дюжина солдат. Надеюсь, тебе понятно, какую честь я тебе оказываю, а?

– Ладно, – согласился рыцарь. – Но пусть они ко мне не подходят, потому что, если хоть один из них сойдет с места, я швырну перстень в Сону.

– Не подходите к нему, но глаз с него не спускайте, – приказал Каверлэ своим бандитам и, кивнув рыцарю – Каверлэ так ни на секунду и не приоткрыл забрало шлема, – уверенным, привычным шагом направился в то место лагеря, где стоял невообразимый шум.

Все то время, что Каверлэ отсутствовал, Молеон и его оруженосец стояли у окна; стражники находились в другом конце комнаты, застыв перед дверью.

Шум продолжался, хотя и шел на убыль, потом совсем прекратился, и через полчаса Гуго де Каверлэ появился снова, ведя за собой нового пленника, которого захватил отряд наемников, раскинувший над этой местностью своего рода сеть для ловли жаворонков.

Пленник, высокий и крепко сбитый, был похож на сельского дворянина; на нем был прожаренный шлем и латы, которые его предок, казалось, подобрал на поле битвы при Ронсевале.⁸⁷ Первое впечатление, которое производил его нелепый наряд, вызывало смех; но какая-то гордость в осанке, решительность в манере держаться, хотя он и пытался напустить на себя смиренный вид, внушали наемникам если не почтительность, то настороженность.

– Вы хорошо его обыскали? – спросил Каверлэ.

– Да, капитан, – ответил немец-лейтенант, кому Каверлэ был обязан удачным выбором позиции, занятой его отрядом; выбор этот был внушен лейтенанту не ее удобным расположением, а отличными винами, которые уже в те времена делали на берегах Соны.

– Когда я говорю о нем, – пояснил капитан, – я имею в виду и его людей.

– Будьте спокойны, все сделано как следует, – ответил немец.

– И что вы у них нашли?

– Одну марку⁸⁸ золота и две марки серебра.

– Bravo! – воскликнул Каверлэ. – Кажется, денек обещает быть недурным. Потом он повернулся к новому пленнику.

– А теперь, мой паладин, давайте немного поболтаем, – начал Каверлэ. – Хотя вы очень похожи на племянника императора Карла Великого, меня вполне устроило бы узнать из ваших собственных уст, кто вы такой. Ну-ка, расскажите нам о себе откровенно, без всяких оговорок и умолчаний.

– Я, как вы можете убедиться по моему выговору, – ответил незнакомец, – бедный арагонский дворянин, путешествующий по Франции.

– И правильно делаете, – согласился Каверлэ. – Франция – страна красивая.

– Верно, вот только время вы выбрали неподходящее, – заметил лейтенант. Молеон не сдержал улыбки, потому что он лучше, чем кто-либо, мог оценить меткость этого наблюдения.

Дворянин-иностранец держался с невозмутимым спокойствием.

---

⁸⁷ Имеется в виду разгром басками в 778 г. в Ронсевальском ущелье в Пиренеях арьергарда армии императора Карла Великого во время его похода в Испанию, описанного в «Песне о Роланде», героическом сказании французского средневекового эпоса.

⁸⁸ Марка – старинная европейская мера монетного веса; в разных странах составляла от 230 до 430 граммов.

– Ладно, ты нам лишь сказал, откуда ты, – продолжал Каверлэ, – то есть половину из того, что нам хочется узнать. Ну а звать тебя как?

– Если я вам скажу свое имя, это вам ничего не даст, – ответил рыцарь. – Впрочем, у меня нет фамилии, я бастард.

– Если ты не еврей, турок или мавр, – настаивал капитан, – у тебя должно быть имя, данное при крещении.

– Меня зовут Энрике, – ответил рыцарь.

– Будь по-твоему. А сейчас подними-ка забрало, чтобы мы смогли увидеть твое доброе лицо арагонского дворянчика.

Незнакомец заколебался и осмотрелся вокруг, словно желал убедиться, нет ли здесь его знакомых.

Каверлэ, которому наскучило ожидание, взмахнул рукой. Тогда один из наемников подошел к пленнику и, ударив рукояткой меча по шишаку его шлема, приоткрыл железное забрало, скрывавшее лицо незнакомца.

Молеон вскрикнул: это лицо было вылитым портретом несчастного великого магистра, дона Фадрике, в гибели которого он не мог сомневаться, ибо держал его голову в собственных руках.

Поблуднев от испуга, Мюзарон осенил себя крестным знаменем.

– Ага! Вы знакомы! – воскликнул Каверлэ, поочередно окинув взглядом Молеона и рыцаря в проржавевшем шлеме.

Услышав это восклицание, незнакомец не без тревоги посмотрел на Молеона, но первый же взгляд убедил его, что он впервые видит рыцаря, и успокоился.

– Ну что? – спросил Каверлэ.

– Вы ошибаетесь, я не знаю этого дворянина, – ответил он.

– Ну а ты?

– Я тоже, – подтвердил Молеон.

– А тогда почему ты вскрикнул? – допытывался капитан, настроенный весьма недоверчиво, несмотря на отрицательные ответы обоих пленников.

– Потому что мне показалось, что твой солдат, сбивая ему шишак, снесет незнакомцу голову.

Каверлэ захохотал.

– Какая же у нас дурная слава, – сказал он. – Но все-таки, рыцарь, скажи честно, ты знаком или не знаком с этим испанцем?

– Даю слово рыцаря, что вижу его в первый раз, – ответил Аженор.

Но, произнося эту клятву, которая была истинной правдой, Молеон не смог сдержать волнения, вызванного этим странным сходством.

Каверлэ переводил глаза то на одного, то на другого. Незнакомый рыцарь вновь обрел невозмутимость и казался каменной статуей.

– Ну ладно, – сказал Каверлэ, сгорая от желания проникнуть в его тайну. – Тебя взяли первым, рыцарь... Я забыл спросить, как тебя зовут. Но, может, ты тоже бастард?

– Да, бастард, – подтвердил Молеон.

– Хорошо, – ответил командир наемников. – Что ж, выходит, у тебя тоже нет имени?

– Почему же нет, есть, – возразил рыцарь. – Имя мое Аженор, а поскольку родился я в Молеоне, то обычно меня зовут бастард де Молеон.

Каверлэ бросил взгляд на незнакомца, чтобы убедиться, не произвело ли на того впечатления имя, произнесенное рыцарем.

На лице испанца не дрогнул ни один мускул.

– Ну что ж, бастард де Молеон, – сказал Каверлэ, – тебя взяли первым, поэтому сначала мы покончим с твоим делом. Затем перейдем к сеньору Энрике. Итак, мы договорились: две тысячи экю за перстень.

– Тысячу, – поправил Аженор.

– Ты так считаешь?

– Уверен.

– Будь по-твоему. Значит, за перстень тысяча экю. Но ты мне ручаешься, что это перстень Бланки Бурбонской?

– Ручаюсь.

На лице незнакомца появилось удивление, не ускользнувшее от Молеона.

– Королевы Кастилии? – спросил Каверлэ.

– Да, – подтвердил Аженор.

Незнакомец стал прислушиваться еще внимательнее.

– Свояченицы короля Карла Пятого? – уточнил капитан.

– Именно.

Незнакомец весь обратился в слух.

– Той самой, что заточена в замке Медина-Сидония по приказу короля дона Педро, ее мужа? – спросил Каверлэ.

– Той самой, что по приказу своего мужа дона Педро задушена в замке Медина-Сидония, – ответил незнакомец спокойным, хотя и многозначительным тоном.

Молеон с удивлением взглянул на него.

– Вот оно что! – воскликнул Каверлэ. – Это осложняет дело.

– Откуда вам известна эта новость? – спросил Молеон. – Я считал, что первый привезу ее во Францию.

– Разве я не сказал вам, что я испанец и приехал из Арагона?⁸⁹ – поинтересовался незнакомец. – Я узнал об этой беде, что наделала в Испании много шума, перед самым отъездом.

– Но если королеву Бланку Бурбонскую задушили, каким образом у тебя оказался ее перстень? – спросил Каверлэ.

– Потому что перед смертью она дала его мне, чтобы я отвез перстень ее сестре, королеве Франции, а также рассказал ей, кто убил Бланку и при каких обстоятельствах она погибла.

– Значит, вы были свидетелем последних мгновений ее жизни? – живо спросил незнакомец.

– Да, – ответил Аженор, – и даже убил ее палача.

– Мавра? – поинтересовался незнакомец.

– Мотриля, – уточнил рыцарь.

– Правильно, но вы не убили его.

– Как так?

– Вы только его ранили.

– Черт возьми! – воскликнул Мюзарон. – Если бы я знал об этом, у меня ведь в колчане было еще одиннадцать стрел!

– Хватит об этом, – прервал их Каверлэ. – Может быть, вам все это и очень интересно, но меня это никак не касается, ведь я не испанец и не француз.

– Правильно, – согласился Молеон. – Поэтому, как мы договорились, ты забираешь все, что у меня есть, и возвращаешь свободу мне и моему оруженосцу.

– Об оруженосце речи не было, – сказал Каверлэ.

---

⁸⁹ Арагон (историческая область на северо-востоке Испании) в описываемое в романе время являлся самостоятельным королевством, в состав которого входили провинции Каталония и Валенсия, острова Сицилия, Сардиния и другие острова в Средиземном море, а также Тунис. Королем Арагона в 1336–1387 гг. был Педро IV (род. в 1319 г.).

– И, само собой, оставляешь мне перстень, а я в обмен на него плачу тебе тысячу турецких ливров.

– Прекрасно, но остается еще одно маленькое условие, – напомнил капитан.

– Какое?

– О котором я сказал в ту минуту, когда нас прервали.

– Да, помню, – подтвердил Аженор. – И в чем же оно заключается?

– В том, что, кроме тысячи турецких ливров – столько, по-моему, стоит данный тебе пропуск, – ты еще должен прослужить в моем отряде всю первую кампанию, участвовать в которой король Карл Пятый соизволит нас нанять, или в той кампании, что будет угодно провести мне.

Молеон встрепелся от удивления.

– Ага, ну да, таковы мои условия, – продолжал Каверлэ. – Все будет так или не будет вовсе. Ты дашь подписку, что вступишь в отряд, и ценой этого обязательства получишь свободу... на время, конечно.

– Ну, а если я не вернусь? – спросил Молеон.

– Да нет, вернешься, – ответил Каверлэ. – Ведь ты сам сказал, что держишь слово.

– Ну хорошо! Будь по-твоему! Я согласен, но с одной оговоркой.

– Какой?

– Ни под каким предлогом ты не будешь заставлять меня воевать против короля Франции.

– Ты прав, я не подумал об этом, – сказал Каверлэ. – Я ведь подчиняюсь только королю Англии, да и то... Значит, мы составляем договор, а ты его подпишешь.

– Я не умею писать, – ответил рыцарь, который безо всякого стыда признавался в невежестве, широко распространенном среди дворянства той эпохи. – Писать будет мой оруженосец.

– А ты поставишь крест! – воскликнул Каверлэ.

– Поставлю.

Молеон взял пергамент, перо и протянул их Мюзарону, который под его диктовку написал:

«Я, Аженор, рыцарь де Молеон, обязуюсь сразу же, как исполню мое поручение при дворе короля Карла V, отыскать мессира Гуго де Каверлэ всюду, где он будет находиться, и служить у него (вместе с моим оруженосцем) во время его первой кампании, лишь бы сия не велась ни против короля Франции, ни против сеньора графа де Фуа, моего сюзерена».

– А как же тысяча турецких ливров? – вкрадчиво осведомился Каверлэ.

– Верно, о них-то я и забыл.

– Вот именно! Зато я помню. Аженор продиктовал Мюзарону:

«А помимо уже сказанного, я передам господину Гуго Каверлэ сумму в тысячу турецких ливров, которую я признаю своим долгом ему, в обмен на временную свободу, что он мне даровал».

Оруженосец поставил дату, после чего рыцарь взял перо так, словно бы схватил кинжал, и лихо начертил крест.

Каверлэ взял пергамент, очень внимательно его прочел, набрав горсть песка, присыпал еще не просохшую подпись, аккуратно сложил эту расписку и засунул за поясной ремень своего меча.

– Ну вот, теперь все как надо, – заметил он. – Можешь ехать, ты свободен.

– Послушай, – обратился к Каверлэ незнакомец. – Поскольку я спешу и меня тоже ждут в Париже по важному делу, я предлагаю тебе за себя выкуп на тех же условиях, что и рыцарь. Тебя это устроит? Отвечай быстрее.

Каверлэ рассмеялся.

– Но я же тебя не знаю, – сказал он.

– Разве ты лучше знал мессира Аженора де Молеона, который, мне кажется, находится в твоих руках всего час?

– Не скажите! – воскликнул Каверлэ. – Нам, людям наблюдательным, не нужно даже часа, чтобы оценить человека, а за тот час, что он провел у меня, рыцарь сделал кое-что, что позволило мне лучше его узнать.

Арагонский рыцарь как-то странно улыбнулся.

– Значит, ты мне отказываешь? – спросил он.

– Ну да.

– Ты пожалеешь об этом.

– Неужели?

– Послушай! Ты отнял у меня все, что при мне было, поэтому сейчас мне тебе дать больше нечего. Возьми в заложники моих людей, мои экипажи и оставь мне только коня.

– Черт возьми! Хорошенькое одолжение ты мне делаешь! Твои экипажи и люди принадлежат мне, раз я их захватил.

– Тогда позволь мне хотя бы сказать несколько слов этому молодому человеку, раз уж ты его отпустил.

– Пару слов о твоём выкупе?

– Конечно. Сколько ты с меня возьмешь?

– Ту сумму, что взяли у тебя и твоих людей, то есть марку золота и две марки серебра.

– Согласен, – ответил испанец.

– Ну и ладно, – сказал Каверлэ. – Говори с ним о чем захочешь.

– Выслушайте меня, рыцарь, – сказал арагонский дворянин.

И оба отошли в сторонку, чтобы поговорить более свободно.

ХІІІ. Каким образом арагонский рыцарь выкупил себя за десять тысяч золотых экю

Капитан Каверлэ пристально наблюдал за разговором чужестранцев, хотя испанец отвел Аженора довольно далеко от командира наемников, чтобы тот не смог услышать ни единого слова.

– Господин рыцарь, – начал незнакомец, – теперь нас нельзя слышать, но можно видеть: поэтому, прошу вас, не поднимайте забрало вашего шлема, чтобы остаться непроницаемым для всех тех, кто вас окружает.

– А вы, сеньор, позвольте мне до того, как опустите ваше забрало, посмотреть на ваше лицо, – попросил Аженор. – Поверьте мне, глядя на вас, я переживаю скорбную радость, которой вы не в силах понять.

Незнакомец грустно улыбнулся.

– Господин рыцарь, смотрите на меня сколько хотите, потому что забрала я не опущу, – сказал он. – Хотя я всего на пять-шесть лет старше вас, я достаточно страдал для того, чтобы быть уверенным в своем лице: мое лицо – это послушный слуга, который всегда говорит лишь то, что я хочу, чтобы он говорил, и тем лучше, если оно напоминает черты дорогого вам человека, это придает мне силы просить вас об одной услуге.

– Говорите, – предложил Аженор.

– Мне кажется, рыцарь, что вы лучше ладите с бандитом, который нас захватил. По моему, со мной дело обстоит хуже.

Тогда как он упрямо меня не отпускает, вам он разрешил ехать дальше.

– Да, сеньор, – ответил Аженор, удивленный тем, что испанец, беседуя с ним наедине, заговорил на чистейшем французском языке, хотя с еле уловимым акцентом.

– Так вот! – продолжал араговец. – Мне не меньше вашего также необходимо ехать дальше, и я любой ценой должен вырваться из рук этого человека.

– Сеньор, если вы мне поклянетесь, что вы рыцарь, – сказал Аженор, – если дадите мне ваше слово, то я могу поручиться своей честью перед капитаном Каверлэ, чтобы он отпустил вас ехать вместе со мной.

– Но ведь именно об этой услуге я и собирался вас просить! – радостно воскликнул незнакомец. – Вы столь же умны, сколь и учтивы, рыцарь.

Аженор поклонился.

– Значит, вы дворянин? – спросил он.

– Да, господин Аженор. И даже могу добавить, что немногие дворяне способны похватать более знатным происхождением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.